НЁМАН

8/2018
АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 08.08.2018. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 16,46. Тираж 1266. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Елена АФАНАСЬЕВА

О любви я молилась

Повесть

> ***Такая печаль на груди у меня,***
> ***Что надо тебе полюбить меня снова…***
>
> Вероника ДОЛИНА

Страсть ниоткуда

Однажды в моей жизни случилось то, чему я даже название дать затрудняюсь. Я долго искала подходящее слово, чтобы эту эмоцию каким-то образом квалифицировать, но нужного определения так и не нашла, и потому окрестила возникшее состояние просто — «страсть ниоткуда». Получилось достаточно точно.

Даже и не думала тогда, какой огромной пользой обернется этот, по сути, случайный эпизод моей жизни, ведь благодаря ему я получила в свои руки инструмент для анализа многих важных событий и эмоциональных состояний моей (и не только моей) жизни. Для меня это стало настоящим открытием, и оно дало мне рычаг, с помощью которого я перевернула мир — мир моих представлений обо всем сущем и не-сущем. А вслед за этим переворотом я и раскрутила всю эту мистерию, центром и целью которой была моя любовь — любовь моей жизни...

Так вот, эта «страсть ниоткуда», с которой мне пришлось столкнуться… Вряд ли бы кто-то другой обратил внимание на все эти непонятки! В лучшем случае задумался бы на минутку, а затем все происходящее было бы им тут же позабыто — народец наш ленив на мысли, на раздумья, да и просто на закономерное любопытство. И потому все, что бы на голову ни свалилось — пусть даже странное и непонятное, он тщится объяснить в терминах доступных и простых, придумывая ко всему удобоваримое объяснение. А если таковое не находится — что ж, тогда о странностях бытия стараются поскорее позабыть. Забывают стремительно и радикально. Эх, сколько по этой причине неоткрытого затерялось среди прочих событий в коридорах памяти, сгинуло без следа!

Я же устроена иначе: я неуемно любопытная и на все обращаю внимание. Анализирую каждую мелочь и добиваюсь полной ясности во всем. Размышляю, думаю. Еще я смелая и настырная, в общем, «белая ворона» в любой компании. Пожалуй, поэтому и не прошла мимо того удивительного факта, а об него зацепилась. Зацепившись, заинтересовалась и, раскрутив событие, по ниточке добралась до подарка в упаковке — до открытия, настоящего, классного.

Короче, «страсть ниоткуда» открыла для меня путь к познанию и пониманию истинных истоков и причин событий моей жизни и включенных в нее чувств. Истинных — это значит не тех, которые лежали на поверхности бытия и которые я себе навоображала. Все истинное было тщательно закамуфлировано и замаскировано моими — и вашими — врагами…

Так что, используя это открытие и полученные на его основе знания и опыт, я проникла в суть «приворотной» любви и поняла, что же погубило меня и что губит человеческую любовь и жизнь в принципе...

Ну, а для мужа моего любовь эта была не столько «приворотной», сколько «отворотной». В общем, с какой стороны посмотреть.

Начало всех событий… Оно привязано к оригинальному курсу иглоукалывания, который я приняла много лет назад. Курс был особенным, поскольку я лечила не почки, не печень и не какие-либо застарелые хронические болячки, а чем-то вроде пластической хирургии.

Этот курс рефлексотерапии появился в моей жизни неожиданно, и был он, как ни странно, прямым следствием тех масштабных процессов, которые развернулись на постсоветском пространстве в 90-е годы XX века и затронули огромные слои населения, в первую очередь так называемую «интеллектуальную прослойку». Ведь в ту эпоху горбачевские «гласность» и «перестройка» принесли с собою информационную свободу, а вместе с нею и обостренный интерес ко всему ранее «запрещенному», в том числе к литературе и сведениям эзотерического характера. Так что наш народ, еще недавно «советский», то есть взращенный в духе неверия и атеизма, ажиотажно погрузился в чтение и изучение всего, что явилось для него открытием новых сфер. Астрология, теология, хиромантия, биоэнергетика, йога, восточная медицина и тому подобные вещи — все это было настоящим откровением. Я также не избежала веяний нового времени и читала подряд всю эзотерическую литературу, которую удавалось раздобыть. Однажды выяснилось, что мой коллега по кафедре, Виктор, увлекается методами оздоровления восточной медицины и довольно-таки неплохо поднаторел в иглоукалывании. Это было весьма удачное совпадение интересов, ибо я как раз приобрела толстую книжку по рефлексотерапии на английском языке — путеводитель по энергетическим точкам и каналам человеческого тела. Книжка сложная, предназначенная для специалистов, и потому я не все в ней понимала. В результате частенько приходилось обращаться к Виктору за разъяснениями. Попутно мы с ним обсуждали многие увлекательные темы, касающиеся китайских и японских методик оздоровления человека.

Однажды Виктор принялся мне горячо доказывать, что с помощью «иголок» и восточного массажа — энергетического — можно достичь отличных результатов в самых разных сферах женской красоты. Дальнейшее углубление в тему привело к тому, что я решилась на эксперимент и стала клиенткой коллеги по работе, который с помощью иголок принялся улучшать формы моего тела.

Лечиться надо было ездить к Виктору домой. На скромной территории «хрущевской» однокомнатной квартиры для лечения был выделен пятачок с кушеткой, которая занавеской отделялась от остального жизненного пространства.

Наташа, Витькина жена, находилась в отпуске по уходу за грудным ребенком. К моему лечению у них в доме она относилась с видимым спокойствием. Судя по всему, привыкла к тому, что Виктору приходится выкручиваться, чтобы заработать лишнюю копейку сверх своей весьма скромной зарплаты ассистента кафедры.

Все шло замечательно — лечение не только весьма успешно продвигалось, но и превратилось для меня в увлекательный познавательный процесс, почти развлечение. Правда, немного смущало то, что во время сеанса приходилось обнажать верхнюю часть тела перед коллегой, и далее Витька целый час потел над моим торсом с иголками и массажем. Ну что ж, таковы были «издержки» данного конкретного лечебного процесса и неизбежное зло, с которым поневоле приходилось мириться.

И вот в середине лечебного курса произошло кое-что необычное. Я, как всегда, уселась рядом с Виктором на диван после очередного сеанса, и мы принялись оживленно обсуждать нюансы лечения.

Наташка, попрощавшись, вышла на прогулку с малышом. Я же рассказывала о своих ощущениях от проведенного сеанса, и мы намечали дальнейшую программу действий. Все шло как обычно, только в какой-то момент нашего разговора я вдруг ощутила, что в атмосфере, в воздухе возникло чувственное напряжение, волнение, и что на меня несомненно воздействуют какие-то плотские, чувственные вибрации. Чья-то страсть, я бы сказала. Только чья? Ощущения меня озадачили.

С Витькой у нас отношения исключительно дружеские, без всякого флирта и кокетства.

Поэтому возникшие чувственные импульсы звучали диссонансом в контексте благополучного отношения коллег и все больше меня напрягали, вызывая несогласованность в мыслях и чувствах. Я стала отвлекаться от разговора, теряться и путаться. С двусмысленной ситуацией следовало как-то разобраться.

Внешне все было как прежде, и беседа с Виктором продолжалась на взятой ноте, однако навязчивые чувственные импульсы продолжали будоражить меня, вызывая все большее недоумение.

Осторожно взглянув на Виктора, я с облегчением констатировала, что его физиономия никакими признаками сладострастия не отмечена, во всяком случае, я их не уловила. Мой «доктор» вел себя спокойно и по своему обыкновению разливался соловьем, углубляясь в любимую тему. Было очевидно, что никакого влечения ко мне он не испытывает, во всяком случае — в данный момент. Тем не менее чувственные импульсы продолжали поступать, раздражая меня, и я терялась в догадках по поводу их происхождения и причины. Источником мог быть только Витька, но непонятно, каким образом. Между тем, что я видела, и тем, что я чувствовала, был явный диссонанс.

Так что же — мои органы чувств меня обманывают? Или некоторые из них? Как такое могло произойти? Ситуация была парадоксальной: в комнате присутствовало чувственное напряжение, но здесь были только мы вдвоем с Витькой, и при этом ни он, ни я эту чувственность не продуцировали, никто из нас страстью охвачен не был, во всяком случае, с виду. Загадочно все — как у сфинкса в Мемфисе.

Двусмысленность происходящего меня беспокоила: а что если возникли и пошли раскручиваться неконтролируемые процессы, которые, не дай Бог, кончатся тем, что Наташка мне в волосы вцепится!

Нет, не такой я человек, чтобы с подобной ситуацией мириться или просто дать ей пройти мимо, не расшифровав. А вдруг что-то важное пропущу! На каждую загадку должна быть разгадка, а значит, Витьку следует допросить, другого решения нету. Только как подступиться, как обо всем рассказать, чтобы ситуацию не обострить, не сделать ее еще более двусмысленной и не обидеть моего доктора. Тема-то деликатная!

Поколебавшись, я прервала Витькину тираду. Смущаясь и конфузясь, объяснила ему суть происходящих со мною пертурбаций, рассказала про эти чувственные импульсы, в общем, про то, что меня в данный момент беспокоило и интриговало. Ну, и задала несколько прямых вопросов по поводу его самочувствия и отношения ко мне.

К моему удивлению и большому облегчению, Витька на мои вопросы отреагировал спокойно. Более того, он не стал ерничать, а честно признался: «Чего тут греха таить — было дело, волновался, когда иголки расставлял и делал тебе массаж груди — попробуй удержись! Да, тогда я был немного взволнован... Но сейчас я совершенно спокоен!»

Что ж, ситуация прояснилась. Значит, чувственное волнение все-таки было, и мои ощущения меня не обманули. Но при этом возникла парадоксальная ситуация, поскольку, как оказалось, мои органы чувств фиксировали и воспринимали эмоциональное состояние Виктора, в котором он находился не сейчас, а прежде, — в момент, когда делал мне энергетический массаж. Выходило так, что я воспринимала волнение и эмоции, которые уже давно закончились и не существовали!

Налицо был временной разрыв между моментом, когда Виктор продуцировал на меня свои чувства, и моментом, когда я их восприняла. Разрыв значительный — более сорока минут, почти час. Как такое объяснить? Разгадав одну загадку, я получила взамен другую, более замысловатую.

Прошли годы, и много воды утекло, прежде чем я поняла, как надо было квалифицировать эту «страсть ниоткуда» и что она из себя на самом деле представляла.

Понять все происходившее тогда на сеансе у Виктора помогла народная мудрость, некоторые популярные, «летучие», так сказать, выражения типа «оставить след в душе», «иметь отметину на сердце», «нанести сердечную рану» и т. п. Мы произносим все эти слова походя, не задумываясь над тем, что в них самая настоящая жизненная правда и глубокий сакральный смысл, ибо во всех этих выражениях отражено невидимое эмоциональное, энергетическое воздействие людей друг на друга, воздействие, которое оставляет такие же невидимые и нематериальные, но весьма ощутимые и реальные следы и последствия. Разговоры, чувства, впечатления, все перемещения, путешествия, в общем, любые события, — все это оставляет в нашей душе и в нашем биополе свой след в виде энергетических сгустков человеческих чувств, эмоций. И все, что с нами происходит, вписывается в информационное поле нашей ауры. Каждое событие, словно на аудио-видео-кассету, записывается на кассету нашей жизни, которая состоит, таким образом, из бесконечного множества чувственно-информационных энергетических отпечатков или слепков с событий. А как запись прочитать? Можно ли это сделать сегодня, сейчас? Или только на том свете перед Господом Богом, когда «жизнь мою, как кинопленку» он прокрутит в день личного суда?..

«След в душе» — вот и нашла я ключ для объяснения той «непонятки», которая возникла на лечебном сеансе у Виктора. Тогда был оставлен «след» — сильный, яркий, эмоционально насыщенный, и я его «прочла»! Прочла точно и безошибочно запись Витькиных эмоций с матрицы моего биополя!

Картина произошедшего стала мне, наконец, ясна.

Был энергетический массаж, и было сильное эмоциональное воздействие на меня со стороны мужчины, которое оставило заметный след в моей ауре. Но воздействие имело особенности: оно не нашло отклика в моей душе, оно меня не зацепило, не задело, а оказалось ненужным, лишним. Это был балласт

не только для души, но и для тела, точнее, для всех «тонких тел» биополя. Так что моя аура стала незамедлительно от ненужного балласта избавляться, отторгая от себя тяготящие ее энергетические сгустки с законсервированными эмоциями Виктора. Вот тогда я и различила их, почувствовала, что с ним было, — только не сейчас, а ранее.

Выходило так, что я «уловила» Витькины эмоции, когда он мне делал массаж, но я их не прочувствовала. «На входе» я их не словила. Тем не менее я их как бы зафиксировала, «законсервировала» в своей ауре. Когда же массаж закончился и чувственное напряжение спало, то есть когда Витькины эмоции перестали мое биополе бомбардировать, аура стала от «загрязняющих» ее энергий избавляться. При этом стало возможным «законсервированные» эмоции распознать, так что я их легко «прочла на выходе», тем более что они сами явно и ярко обнаружили себя.

Время очищения от этих энергий в основном совпадало с временем, в течение которого они в мое биополе поступали.

Особенно любопытно было то, что я чужие эмоции — Витькино волнение — не ощущала тогда, когда он их продуцировал, направляя на меня, а ощутила тогда, когда их воздействие на меня прекратилось и когда моя аура избавлялась от ненужного балласта.

И это произошло в момент, когда Витькино волнение полностью прекратилось и мой организм стал «отдыхать». Вот тогда — на стадии отторжения уже не живых чувств, а слепков с них — закристаллизованной умершей энергии, — произошла как бы раскристаллизация, размораживание энергии: она приняла свой первоначальный «живой» вид, что позволило прочувствовать и ощутить ее так реально, словно бы все происходило наяву именно в данный момент времени.

Стало очевидно, что произошедшие контакты с людьми напоминают о себе повторно, спустя некоторое время, иногда неожиданно — резко и остро, иногда мягко, почти незаметно. След от события тем острее и ярче, чем острее и ярче была сама ситуация. Иногда кажется даже, что все произошедшее некоторое время назад как бы снова в душу возвращается, а на самом деле… оно из души уходит, порождая последний всплеск, отголосок… Еще раз на мгновение произошедшее переживается снова и… конец, теперь уже — окончательный: воспоминание уходит, покидает навсегда.

Я поняла одну очень важную вещь: в нас, в нашу ауру, биополе поступает информация из окружающей среды, от других людей. Затем наш организм от нее очищается, при этом «на выходе» информацию можно достаточно легко прочувствовать, «считать» — понять, что было. Можно «прочитать» и понять даже то, что не было сказано — отношение, эмоцию, настроение. Человек чувствительный и умеющий анализировать свое состояние оказывается в выигрыше, ибо таким путем расширяет свою информацию (расшифровывает ее) о произошедших контактах, событиях, людях. Важнее всего, оказывается, уметь наблюдать за собой и делать правильные выводы, ведь следует уловить ощущение и детерминировать его, следует понять, что именно я сейчас чувствую, к какой эмоциональной струне относится мое ощущение. А если вас ваше ощущение заинтересовало, «зацепило», то вы продолжаете дальнейший анализ: почему это ощущение ко мне сейчас пришло, в связи с чем, как оно связано с настоящими и прошлыми событиями жизни?

Самый верный способ познания — эмпирический, через ваши собственные ощущения. Во-первых, полученная таким образом информация

всегда правдива — ведь она пришла через чувства. И во-вторых, она всегда доступна, ибо она всегда с вами, вам принадлежит. Главное — ее не упустить, вовремя «словить», ну, а потом — правильно оценить, увязать с пережитыми событиями на базе имеющегося опыта. Результаты этой оценки зависят от вашей способности к анализу и синтезу.

Неисповедимыми путями

Женщина оценивает мужчину душою… Не внешность его меня «зацепила», хотя он был красив, а нечто другое, даже не сразу поняла что. Потом мысль свою о нем разглядела и запомнила: «Этот мужчина должен как-то очень красиво раскрываться. В любви». Вот что я подумала. Мысль диктовала необходимость оборвать любой интерес по отношению к встреченному красавцу: «Увидела и позабудь его — *такой* мужчина не бывает одиноким… в общем, он не твой и твоим не будет *никогда...*»

А вот оказалось все не так: Дима как раз-таки был «свободен» — именно в данный момент времени. И момент этот, как выяснилось позже, был весьма ограниченным — он со всех сторон нашей жизни был ограниченным: это все мы с Димой позже вместе выяснили. В общем, я удачно в этот момент вклинилась, вписавшись в паузу между Димиными отношениями… Но тогда, двадцать второго мая две тысячи второго года, я «увидела и позабыла», следуя внутреннему приказу. Позабыла его, как только вышла с парковки, на которую поставила свою машину. «Этот мужчина» работал парковщиком: он у меня мою машину принял, выписал квитанцию, мы перекинулись парой слов, соответственно ситуации, и попрощались.

…Владелицей машины и водительских прав я стала по чистой случайности. Еще за полгода до описываемых событий у меня не было ни того, ни другого, да и представить себе не могла, что у меня будет машина, а я сама научусь водить…

Мне что-то, наверное, помогло, или кто-то помог — ведь такое дивное хитросплетение судеб и событий трудно предугадать, предвидеть, а оно произошло, осуществилось!

Незадолго до этой встречи на парковке был сон, который предвещал мне любовь и вообще... что-то необыкновенное. Я еще подумала тогда: «Неужто сбудутся мои мечты — по молитвам-то!»

О любви я молилась уже около полугода — со всем усердием, на которое была способна. Просила у Господа любовь глубокую, настоящую, взаимную — в общем, такую, о которой все женщины мечтают. И Господь внял моим молитвам, и построил свой божественный план, и затем вел нас друг к другу своими неисповедимыми путями, да так, чтобы никаких сомнений не возникло в том, что все совершилось по этому плану, по воле Божьей. Ну, во всяком случае, чтобы сомнений не возникло у меня… События стали раскручиваться очень быстро, только я, конечно, не понимала еще, что события эти являются для меня судьбоносными и ведут к совершенно новому этапу моей жизни.

Что же касается Димы, так он и не молился, и планы строил не на любовь. Для него все было по-другому. Для него это было, наверное, просто стечением обстоятельств.

Просто у него произошел очередной скандал с женой, с Ниной, в канун Нового, 2002 года, и он начал бракоразводный процесс со своей второй супру-

гой. Развод состоялся первого марта, поделили имущество. Затем Дима сложил пожитки и из России, из Аткарска, снова перебрался в Минск в родительский дом. Однако, поступая так и отправляясь на Родину, к матери, он планировал на самом деле осуществить воссоединение со своей первой супругой Ларисой, от которой имел двух уже взрослых детей. Хотел с ними, да и со всеми родными, наладить отношения. Фактически, Дима собирался воссоединиться со своей семьей, которую он некогда оставил ради Нины. Однако его первые шаги в этом направлении не были встречены аплодисментами — Лариса «артачилась», «что-то из себя строила» и унижала раскаявшегося мужа. Поэтому Дима находился в глубоком раздумье по поводу своего будущего с нею и того, что ему в нем вместе с Ларисою «светит»...

Вот в этот момент на арене действий объявилась я — расфуфыренная, смелая и с новой машиной. Оставалось лишь сделать — предпринять — нечто такое, чтобы переключить Димино внимание на себя, перенеся его мысли и желания с хорошо выстроенных и обдуманных планов на иные — новые и довольно непредсказуемые! …

Парковка

…«Арена действий», на которой мы оба стали игроками... Территория, на которой мы должны были пересечься так близко, что и разойтись нельзя, имелась. Такая площадка, чтобы мимо не пройти, а столкнуться и… вплющиться, вмазаться друг в друга — бесповоротно! И не разомкнуть объятий…

Что ж, именно такую «арену действий» Божественный Промысел придумал и построил. И продумал те пути, которыми мы на эту площадку — *на парковку* — были бы приведены.

Мне для этого — по судьбе — нужно было пройти обучение в автошколе, сдать на права, купить автомобиль и поставить его на парковку возле моего дома, на которую Дима должен был прийти работать в мае. Что ж, в мае, восемнадцатого числа, я и купила свое авто и тогда же поставила на парковку. Купила, поставила — даже этого было недостаточно: в этот день Дима не работал, не его была смена, — работал другой парковщик. Так что «на все про все» — чтобы встреча состоялась и любовь «закрутилась» — судьбой было отпущено всего десять дней: от двадцать второго мая, когда мы увиделись на парковке *впервые*, и до четвертого июня, когда Диму уже перевели работать в другое место, на другую парковку. Встреча состояться успела — мы уложились в срок, который для этой встречи был отпущен, а все обстоятельства ее так связались! Было столько «если бы не…».

Вот, например, осенью две тысячи первого года, когда я только начала о любви мечтать, я и не чаяла, что начну водить машину, что вскоре куплю авто. «Если бы не» посмотрела перед Новым годом передачу «Большая стирка» про «звездных» женщин-автомобилисток. А могла ее не посмотреть, могла пропустить…

Также и для Димы путь на парковку начался с Нового года — с той роковой ссоры, которая, став «последней каплей» в его отношениях со второй женой, окончательно разрушила их брак. После развода, вернувшись в родной город в марте 2002 года, отставной майор Дмитрий Воробьев начал подыскивать себе работу — подработку к своей военной пенсии. Помог родственник, который работал на парковке: он устроил его туда же. Провидение привело Диму в квартал, где я проживала. Божественный план почти сработал — дело

оставалось за мною. Чтобы встретиться с Димой, мне следовало прийти или приехать на эту парковку, в общем, следовало на ней оказаться. Конечно, оказаться надо было в ту смену, в которую отставной майор выходил на работу, поскольку парковщиков было четверо. То есть, чтобы на Диму «напороться», на парковку следовало зайти, по крайней мере, несколько раз, а еще лучше следовало наведываться регулярно, чтоб уж не промахнуться и встретиться с ним наверняка, завязать отношения. Только мне на парковку заходить было незачем — я даже не заглядывала туда никогда, поскольку парковка находилась во дворах за фундаментальным забором. Тем более, я не могла туда приехать, поскольку не было машины. В общем, в те дни и часы, когда я Богу о любви молиться начала — в ноябре, за полгода до встречи с красавцем-парковщиком, у меня не было ни машины, ни даже водительских прав. В общем, причины идти куда-то во дворы на парковку и заводить разговоры с парковщиками у меня не было никакой. Так что со мною у Провидения как раз-таки возникла серьезная проблема. И проблему эту надо было как-то решать и создавать условия для того, чтобы я могла оказаться на этой парковке.

Что ж, Провидение, рассчитав и выстроив наш с Димой путь друг к другу, пришло к выводу, что наиболее естественным и надежным способом, который обеспечил бы мне встречу с *будущим мужем* и с его безмерной любовью, была бы покупка мною машины. Путь был, конечно, самый надежный, но отнюдь не самый простой, а напротив, довольно-таки сложный и не вполне предсказуемый. Что ж, тем интереснее становилась игра судьбы и та задача, которая вставала перед Провидением. И тем очевиднее был Божественный План «в исполнении» и его роль во всей этой заварушке.

Итак, чтобы встретиться с Димой на парковке, мне следовало купить машину и пригнать ее на эту парковку. Но чтобы на ней приехать, надо было, как минимум, уметь авто водить — надо иметь права. У меня же ни прав, ни даже желания учиться! И мысль о том, чтобы записаться в автошколу и сдать на права, не посетила меня ни разу за всю мою жизнь. Ну, а тем более, когда мне уже сорок пять — так с какой стати идти учиться вождению, коли до сих пор этому не научилась? Не было такой моды у женщин моего поколения. Мода была на то, чтобы шить, вязать, печь пироги и всячески развивать свою женскую природу — развивать ее духовно и физически. Поэтому я с ранней юности посещала курсы кройки и шитья, вязания, всяких дамских поделок вроде изготовления шляпок и цветов к дамским платьям… Кроме того, немало времени отводила на занятия спортом — надо было держать себя в хорошей физической форме: научилась играть в волейбол и в настольный теннис, летом регулярно каталась на велосипеде, а зимой на беговых лыжах. Позже, уже в зрелые годы, следуя моде, я и горные лыжи освоила. Не забывала и о своем внутреннем мире — окончила музыкальную школу по классу фортепиано, покупала абонементы в филармонию, ходила по музеям, слушала кинолектории, посещала тренинги по энергетике, курсы по астрологии, курсы иностранных языков и… так далее. В общем, постоянно чему-либо училась, стремясь к самосовершенствованию и самоутверждению, — я любила «все уметь» и «все знать». Но вот простая мысль о том, чтобы научиться, ко всему прочему, еще и автомобиль водить, мне почему-то в голову не приходила. Что ж, Божественный План строился на том, чтобы первоначально внедрить такую мысль в мое сознание. А дальше все покатилось бы само собою: пожелав учиться автовождению, я бы в автошколу записалась. А затем — с моим авантюрным характером-то — захотела бы и автомобиль приобрести, тем более что кое-какие накопления уже имелись. Далее, купив автомобиль, я бы

пригнала свою машину на парковку — ту, что поближе к дому. Где Дима работал. Там мы и встретились бы…

Что ж, Провидение приступило к «работе». Итак, следовало первоначально внушить мне желание научиться водить автомобиль — следовало такую мысль внедрить в мое сознание. А как ее «внедрить»? Конечно же — через средства массовой информации! Вот оно — простое тривиальное решение и первый пункт Божественного Плана. А средства для внушения лучше, чем телевизор, пожалуй, не придумать…

О влиянии телепередачи на судьбу человека

Летом 2001 года на экранах телевизоров постсоветской страны появилась «Большая стирка» — скандальная, динамичная передача. В те годы это был новый формат телепрограмм — невиданный и непривычный для скромной, пока еще «совковой», публики. Поэтому, как только передача появилась на экранах, она сразу стала очень популярной среди населения бывшего СССР. Я не была исключением и некоторое время тоже увлекалась ею. Этого «некоторого времени» мне хватило до того момента… в общем, до той передачи, которая и определила всю мою дальнейшую судьбу!

…Итак, в середине декабря 2001 года, когда моим молитвам о любви уже месяц сроку было, я вытянула гладильную доску на середину комнаты и включила телевизор: на экране была «Большая стирка» с Андреем Малаховым, и под мерное постукивание утюга я всецело погрузилась в передачу... «Большая стирка» уже началась, передача была посвящена женщинам-автомобилисткам — «звездам» кино и шоу-бизнеса. Каждая «звезда» изголялась в эмоциях, изливая свои восторги по поводу того, как здорово водить машину! А как классно чувствовать себя на авто и с авто! И все решать самой! И как выросла ее самооценка, когда она освоила вождение. А как все окружающие зауважали! А еще машина стала неотъемлемой частью ее жизни. Да что там жизни — души: с машиной буквально сроднилась, жизнь без нее уже немыслима и невозможна. Каждая «звезда» рассказывала, какими нежными кличками она награждает свою машинку. Тут у меня вообще «глаза на лоб полезли» от удивления — не представляла, что с автомобилями можно вести себя так, вроде они какие-то домашние котята-собачата: кто-то свое авто так и называет «Кисуля», другая свою любимую машинку обзывает «Пантерочкой», третья — «Стрекозкой», а у четвертой — «Конек-Горбунок»!

В общем, посмотрела я передачу и подумала: «Как это я «такое» в своей жизни пропустила? Вот же, научилась я всему чему только возможно, а вождению — почему-то нет! А права-то могут в жизни пригодиться! Могут! Допустим, останусь без куска хлеба, так хоть водителем троллейбуса устроиться можно… Тем более, автошкола рядом — дорогу перейти!»

Пошла и записалась на курсы вождения. Под Новый год. Учиться мне всегда нравилось. И занятия сразу — от Нового года. Хорошо ведь новый год с чем-то новым в жизни начинать! Вот я и начала учиться — новому и полезному. Поначалу было скучно — все эти нудные правила… вот кто-то другой бросил бы, но не я. Я начатое дело никогда не бросаю, всегда заканчиваю, а такое — существенное — как бросить? Да и деньги уплачены немалые. Правда, учила «теорию вождения» лишь с решением сдать на права, а о покупке машины даже и не задумывалась. Но вот в марте 2002 года на первом учебном занятии по вождению я впервые выжала сцепление учебного автомобиля,

нажала на «газ» и… машина сдвинулась с места. Ура, она… поехала! Кручу руль вправо — машина едет вправо, поворачиваю руль влево — она слушается и едет влево. Как прикольно и занятно — в руках появилась большая игрушка, и управлять ею, оказывается, так здорово! Просто классно! Да, недаром мужики так на машинах помешаны! И все эти… артистки «звездные». Все, решено — покупаю машину! Будет и у меня «Конек-Горбунок»! Спасибо тебе, дорогая передача, спасибо, «Большая стирка», ты изменила мою жизнь!

Пригрезилась мне Италия…

Вот и суббота восемнадцатого мая — день кардинальных перемен: сегодня состоится поход на авторынок. Знакомые автомеханики будут мне выбирать машину. Всю ночь перед походом на рынок я витаю во сне в Италии. Почему в Италии? При чем тут Италия? С какой стати я вдруг в нее мысленно — энергетически — погрузилась?

…Машину решили выбрать японскую, в крайнем случае — французскую. Однако, в какую я только пальцем ни ткну — в ней находятся серьезные дефекты: «Разве вы не видите, что у нее цвет дверей разный?» — спрашивает у меня автомеханик. «Не вижу…» — «Посмотрите внимательнее: оттенки цвета разные — одна из дверей перекрашивалась, менялась — был удар!» Что ж, разные так разные. Они видят, а я-то... ничего не понимаю. Прошли почти весь рынок, так ничего и не выбрали — все машины битые. Я пригорюнилась. «Ну, — думаю, — уйду без машины». Тут вдруг куколку-машинку увидели, бирюзовую: «Пойдем, погоняем ее!» Погоняли. «Все, эту берем, покупайте!» — «Берем так берем!» Итальянская — «Лянча». А что это за марка такая? «Ну, раз сомневаетесь, пойдем в следующую субботу снова выбирать...» — «Снова? Только не это! Берем “Лянчу”».

Звоню дочери: «Тут «Лянча» какая-то…» — «Мама, так у Пьеро — “Лянча”…» — «А-а-а-, ну да…»

Та «Лянча», правда, побольше моей будет: Пьеро-то — итальянский миллионер, руководитель благотворительного фонда. Еще он опекун моей дочери и наш итальянский друг… Оказывается, в Италии «Лянча» — очень даже престижная марка!

…Италия, итальянская машина — о таком я и во сне не помышляла! Впрочем, во сне я как раз-таки «помышляла» — всю ночь накануне своего грандиозного приобретения Италией грезила! Вот и «пригрезила» — сон оказался в руку… В общем, от Италии мне никуда не деться — даже итальянский автомобиль притянула…

Купить-то купила, а ездить как — прав-то еще нету: теоретический экзамен по вождению я сдала мигом — выучить-то я и теорию относительности смогла бы, а вот практика вождения… Практический экзамен я с ходу завалила, даже не начав показывать свое мастерство: с ручного тормоза машину не сняла — раз, ремень пристегнуть забыла — два: я и с места-то не сдвинулась, а уже отправили на пересдачу. Поэтому с авторынка на парковку машину пригнала не сама — пригнали те ребята-механики, которые мне ее выбрали, дала им за это по десять баксов. Ну, а потом… стала просто захаживать на парковку на свое авто полюбоваться и продлевать простой машины на стоянке — его требовалось регулярно проплачивать парковщикам. Вот тогда-то, двадцать второго мая, я и увидела Диму впервые… Но долго-то свои мысли на нем не фиксировала: как вышла с парковки, так сразу же о нем и позабыла — на дела переключилась...

Потом пришел день двадцать восьмого мая: я как раз от знатного гаишника возвращалась, свои дела по правам решала — вся расфуфыренная, в коже. Подъезжаю в троллейбусе к своей остановке — надо бы на парковку завернуть, уже пора простой оплачивать: квитанция у меня лишь до сегодняшнего дня. А ливень-то какой — все собаки мокрые! Идти неохота — по дождю, по грязи… Колебалась я, колебалась — чувство долга перевесило, пошла все-таки. А там — Дима. Увидела я его снова, и такая грусть легла на сердце, что не мой он… Стою у него за плечом в конурочке для парковщиков, и пока он мне квитанцию новую выписывает, все прикидываю, что ему такое сказать, чтоб на меня он внимание обратил… Вижу, что в его бытовке в верхнем углу разрывается телевизор… Может, спросить про его любимую передачу? Или сказать ему, например, что постоянное облучение от телевизора вредно для здоровья? Нет, не годится. Первое — шаблонно, этим внимание не привлечешь. Второе… Это вроде как нотацию читать, поучать… Да и чем тут еще в свободное время заниматься, если не телевизором, как его, свободное время, убивать-то? Наверняка и другие дамы тут паркуются, не менее расфуфыренные и смелые, они тоже могли пытаться обратить на себя внимание красавца-парковщика. Как же их всех перешибить-то, как всех переиграть? Нет, надо парковщику сказать что-то такое, чтобы было не пошло и не тривиально… И тут я вспомнила одну историю… Может, снова *так* попробовать? Рискованно, но… Все-таки один раз уже сработало…

Каким комплиментом укротить красавца?

Дима был очень красив. С усами и мягкой бородкой, он был как русский князь — очень благородная голова. И весь его облик был очень мужской, мужественный. Но было в нем и в его красоте еще что-то такое... такое особенное, что просто останавливало. «Этот мужчина должен как-то очень красиво раскрываться», — подумала я с грустью, впервые увидев Диму. Взгрустнулось мне, по-видимому, оттого, что я, обратив на Диму свой пристрастный женский взгляд, немедленно сделала логичный вывод: *такой* мужчина не одинок. Вероятнее всего, женат, и жена, конечно, держит крепко. А если не женат, так имеет подругу, женщину — такие, как он, в холостяках не засиживаются — про таких мужчин говорят: на дороге не валяются. Так что... он — не мой и моим не будет никогда, лучше и благоразумнее держаться от него подальше. «Увидела и позабудь!» — приказала я себе. С некоторым напрягом приказала, пришлось себя обуздывать, свои чувства.

А вот когда произошла вторая встреча, я про все свои категорические решения и приказы позабыла, а принялась лихорадочно обдумывать, как привлечь Димино внимание, заострить на себе. Пришлось напрячься — но не энергетически, а творчески. Напряглась — и вспомнила…

В общем, однажды в Италии, лет десять назад, я такой красивый «финт» сделала…

…Анжело был моим ухажером, наивным и чистым, он был лет так на одиннадцать моложе меня. У Анжело не было машины, и потому он являлся ко мне чаще всего с Томмазо, у которого машина была, мы могли вместе куда-нибудь проехаться, «прошвырнуться»: не сидеть же в помещении в такую погоду, не париться на жаре — надо на море или куда-нибудь повыше — в горы, в прохладное место. Ну, или просто прокатиться с ветерком, порезвиться…

Томмазо был маститый и зрелый, к тому же красавец. Он был лет так на одиннадцать старше меня и раза в два старше Анжело, так что я была удивлена, когда они впервые заявились ко мне вместе. Впрочем, компания «втроем» оказалась намного интереснее и предпочтительнее компании «вдвоем», тем более что без Томмазо это была вовсе и не компания, а так… два человека с непонятными отношениями.

Томмазо был не то чтобы приятелем Анжело, скорее он был его хорошим знакомым — они жили по соседству на одной улице, здоровались, болтали иногда. Пожалуй, в силу мужской солидарности, хорошего воспитания и не особой занятости Томмазо не отказывал Анжело в просьбах составить ему компанию, когда тот решал меня навестить. По отношению ко мне Томмазо вел себя просто и корректно — был по-итальянски разговорчив, дружелюбен и не более того. Поэтому отношения у нас были легкими, открытыми, но и сдержанными, дистантными, к чему склоняла не только разница в возрасте, но и положение Томмазо в обществе.

Томмазо был писателем, журналистом и в недавнем прошлом — коммунистом. Из рядов итальянской коммунистической партии он выбыл не по своей воле, а потому, что она развалилась вслед за советской компартией. Этим фактом Томмазо был весьма недоволен — судя по всему, ему нравилось быть коммунистом. Только что поделать — «c`est la vie »: все мы на переломе 90-х годов были чем-то недовольны и жили в условиях непонятных и непредсказуемых, жили в растерянности и неопределенности — под бурными политическими ветрами, от которых перекроило Восточную Европу и трясло весь мир…

Ну, а мне в ту пору — летом 1994 года — исполнилось тридцать пять, в Италии я была впервые в жизни и очень мало смыслила в итальянских мужчинах и в правилах тамошнего этикета. К счастью, мои новые знакомые были не только хорошо воспитаны, но и по-настоящему добры, так что в общении с ними я не испытывала никаких затруднений и никогда не задумывалась о том, пристойно и прилично ли я выгляжу, бросаясь вместе с ними во всякие увлекательные авантюры. Вместе мы колесили по той части Пулии (южной провинции Италии), которая расположена вдоль побережья Адриатики чуть выше «каблука» Апеннинского полуострова. Мы посещали красивые города из белого камня, приморские крепости, отдыхали на разных пляжах и везде фотографировались — благо Томмазо повсюду таскал с собой огромный «Зенит», который он всем охотно демонстрировал, гордясь качеством фотосъемки и надежностью питерского фотоаппарата, который он приобрел в русском магазине в Бари. Томмазо нравилось все русское. Эта привязанность была легко объяснима — ведь в 80-е годы его повесть «Синяя спецовка» была напечатана в журнале «Иностранная литература». Этой своей публикацией в одном из самых популярных русских литературных журналов Томмазо, безусловно, очень гордился и охотно общался с ex-sovietica gente, то есть с «бывшими советскими» людьми, которые знали не понаслышке про «Иностранную литературу», а случалось, и в руках ее держали, и даже читали, так что понимали, каков писательский уровень авторов, публиковавшихся в этом журнале. А оценив этот уровень, они могли оценить и свое знакомство с одним из авторов журнала. Что ж, это был «мой случай»: «Иностранную литературу» я читала регулярно — мы журнал выписывали, и конечно же, я была в восторге от знакомства с писателем, чье произведение было опубликовано в любимом мною издании. Томмазо, в свою очередь, был в восторге от того, что нашел новую почитательницу своего таланта, которая искренне гордилась

своим с ним знакомством. Так что, пожалуй, у него среди прочих аргументов была еще и эта уважительная причина для того, чтобы любезно отзываться на просьбы Анжело покатать нас всех на своей машине.

Томмазо был Лев по гороскопу, и я бы сказала, что это был типичный Лев. Всем основным характеристикам своего гороскопа он соответствовал вполне: большой, массивный, с гривой длинных волнистых волос, которыми он то и дело встряхивал, откидывая назад. Где бы он ни появлялся, он всегда оказывался в центре внимания — и потому, что сразу собою много места занимал, и потому, что всегда производил вокруг себя много шума, рассказывая всяческие истории, вступая в диалоги и непременно сообщая всем и каждому, что он писатель и что его творчество... Тут насколько терпения у слушателей хватало… Конечно же, Томмазо старался выглядеть значительным и всегда немного рисовался, однако никто не смог бы упрекнуть его в том, что он выглядит смешно или пошло, — вот что значит хорошее итальянское воспитание!

Тот вечер мне запомнился по многим причинам: и потому, что я увидела собственными глазами Полиньяно-аль-Марэ — дивный город на скалах, врезавшихся в море, и потому, что затем Томмазо повез нас в горы в уютный ресторанчик к своим знакомым, которым это заведение принадлежало. Великолепный теплый вечер длился вечность. Томмазо трещал без умолку, найдя благодарных слушателей в лице меня, Анжело и своего друга, хозяина ресторана, с женой.

За столиком я расположилась рядом с Томмазо напротив Анжело, и потому, сидя в пол-оборота к писателю и вежливо его выслушивая, я все время смотрела на него в профиль. Профиль был в буквальном смысле слова «римским» — точеным. И у профиля было большое красивое ухо, которое мне и приходилось, в основном, обозревать. Рассматривая профиль Томмазо и его ухо, я стала невольно вспоминать сеансы иглоукалывания, поскольку во время этих сеансов моя знакомая врач-рефлексотерапевт Жанна Васильевна обязательно «ставила» мне в уши несколько длинных иголочек и подробно объясняла при этом, почему иголки направляются в данные места. Жанна Васильевна любила побалагурить, а заодно пофилософствовать на темы, связанные с ее профессией. Она могла довольно долго разглагольствовать о том, как точки акупунктуры связаны с теми или иными органами человека и с его энергетическими каналами. Она была уверена, что форма ушей человека тесно связана с его характером, с личностью в целом. «Каков человек, таково и его ухо!» — не раз заявляла она. «У человека, гармоничного душой и телом, и уши красивые, а у дурного человека уши будут уродливыми». Для наглядного подтверждения своих слов Жанна Васильевна гордо демонстрировала мне свои уши — по-видимому, она считала их образцом отличных ушных форм. Один раз я не удержалась и заметила: «Так они ж большие!» Однако мое негалантное замечание не обескуражило оптимистичную докторшу, и она тут же парировала: «Большие уши — долгая жизнь». Вот вся эта «философия» из области акупунктуры постепенно всплывала в моей голове за ужином при виде уха веселого итальянского писателя, неотрывно маячившего перед моими глазами.

«Что ж, у Томмазо уши и большие, и красивые, — размышляла я, налегая на лобстеры. Значит, душа у него тоже красивая, гармоничная. Впрочем, это понятно и без ушей. Тем не менее, любой человек был бы рад узнать, что он потенциальный долгожитель... Вообще, за вкусную еду и приятный вечер можно было бы сделать писателю парочку неординарных комплиментов,

и он, как человек творческий и не без чувства юмора, несомненно, на них отреагировал бы положительно. Таким образом, я сделала бы Томмазо приятно, а всем — весело. Но это я так думаю. Я ведь рассуждаю с точки зрения советской плебейки. А как тут принято у них, у итальянцев, — кто их знает! Я ж выросла в стране, где нет этикета. А в Италии он есть. У них такой этикет!.. Так что не факт, что мои комплименты про уши обязательно доставят удовольствие Томмазо и всем здесь ныне присутствующим. Да и потом, можно ли в Италии публично за столом говорить всеми уважаемому писателю и хорошо воспитанному итальянцу что-то конкретное о нем самом? Касаться его внешности, его… ушей? Будет ли это тактично? Одно дело — сказать такое наедине, тут все сойдет — добрый итальянец все простит, но другое дело — при посторонних, да и в культурном обществе... Принято ли в итальянском обществе, за столом, рассуждать про чьи-то части тела, их характеризовать каким-то образом? А вдруг это в принципе недопустимо, и я испорчу отношения с человеком, который меня сюда, в ресторан, пригласил и угощает? Потом, если я «такое» выпалю за едой, за ужином... Как бы тут писатель не поперхнулся или, чего доброго, не свалился на пол от неожиданности! Как бы они все хором под стол не упали! А Анжело что подумает и все остальные — хозяин ресторана, его жена? Может, сочтут меня развязной или ненормальной? Правда, быть «плохо воспитанной» мне не привыкать — я уже не раз приводила в шок благовоспитанных итальянцев своими плебейскими замашками... Только разве ж я хуже прочих своих соотечественников? Что поделаешь — каково дерево, таковы и плоды: русское, советское — воспитание, культура поведения, точнее, отсутствие оных — уже давно притча во языцех. Чего уж тут так сильно переживать! Да-а-а, ничего предвидеть не могу! Рисковать — не рисковать? Ладно, рискну, но осторожно. Буду действовать издалека. И я начала… Томмазо как раз примолк и взялся за еду, а я дружелюбно и небрежно бросила в сторону писателя: «Послушай, Томмазо, хочу сделать тебе комплимент…»

Томмазо, заинтересовавшись, отложил в сторону вилку и нож: «Да… Слушаю…» — «Хочу тебя предупредить: комплимент — необычный».

Заинтересовавшись еще больше, Томмазо молча вытаращил на меня глаза, не зная, что и сказать. Примолкли и все остальные за столом, бросив есть. Выждав паузу, не спеша, я кинула своего «козырного туза»: «Знаешь, Томмазо, у тебя красивые уши!»

Я не ошиблась по поводу силы и последствий возможного шока от моего комплимента: Томмазо в самом деле стал медленно сползать со стула, а вместо слов из горла у него рвался шумный хрип, словно человека придушили и не дают вздохнуть. Так Томмазо мучился довольно долго пока, наконец, не прорезался смех… После затянувшейся паузы недоумения и осознания сказанного рухнули в смех и все прочие члены нашей маленькой компании — вместе со мною, конечно. Смех Томмазо был заразительным и длился очень долго — от смелой шутки он получал явное удовольствие. Наконец, все еще всхлипывая и периодически захлебываясь, писатель стал медленно цедить фразы, словно с трудом подбирал слова: «Знаешь, Елена… Я был красивым парнем… И женщины делали мне много комплиментов… Мне говорили разные комплименты… говорили, например, что у меня красивые глаза, говорили, что красивый нос и губы, в общем, говорили, что у меня красивое лицо. Еще хвалили волосы. Говорили, что у меня красивое тело. Говорили, что у меня красивые ноги. И что руки красивые. Мне говорили даже, что у меня красивые ступни ног! Но вот что красивые уши! Да... вот такого мне не говорили никогда. Никто. Тут… ты — первая! И тут… ты — неповторимая!»

Что ж, шутка удалась: писатель был «в отпаде», и все веселились от души. В общем, все закончилось хорошо. Все получилось. Не зря в народе говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Через много лет я эту шутку вспомнила и применила снова — на сей раз при обстоятельствах, намного более значимых, значительных… Так что мой первосортный комплимент — для красавца — сослужил мне службу повторно, став трамплином к новой жизни и к новой, необычайной любви…

…Парковщик приглашает меня в свою времяночку для оплаты парковки за машину. Я протягиваю деньги — хочу заплатить за несколько дней вперед. После коротких переговоров и подсчетов парковщик усаживается за свой столик и начинает выписывать мне квитанцию. В углу тарахтит телевизор, а я перебираю варианты «левых» тем, которыми бы возможно было зацепить парковщика. Набор фраз, который приходит в голову, — один сплошной шаблон: все такое обыденно-стандартное, затасканное. Нет, надо так сказать, чтоб понял и чтоб… неявно.

Парковщик сидит, я же возвышаюсь у него за спиной сбоку, за спинкой стула, рассматриваю его красивый профиль… Я решаюсь:

— Послушайте, можно, я вам сделаю комплимент?

Парковщик слегка поворачивает лицо в мою сторону, ждет.

— Комплимент, в общем-то, необычный…

Лицо парковщика как-то застывает, и я застываю, леденею, повисаю в воздухе, в прострации, и все вокруг замирает, и только губы продолжают шевелиться:

— Я… вот… дружила с врачом-рефлексотерапевтом… ну, иглоукалывание там всякое… в уши иголки вкалывают, знаете ли… Послушайте… так у вас красивые уши!

Разве кто-то сказал: «Отомри»?

Рука парковщика с шариковой ручкой на квитанции замирает. Совсем ненадолго — на несколько секунд… Затем, не поднимая головы, Дима говорит:

— Оставьте, пожалуйста ваш телефон… Вдруг с машиной что-то произойдет… Переставить там… понадобится... или еще что-нибудь...

Я пугаюсь:

— Произойдет?.. С машиной…

— Да не бойтесь вы. Мы ведь смотрим… Ну, могут приехать асфальтовые латки укладывать… тут вот песок будут подсыпать… Так что пусть будет телефон на всякий случай…

— Да, конечно, — я приободряюсь и диктую номер не без удовольствия и с легким сомнением в душе насчет того, зачем именно понадобился мой номер телефона. Вслед за номером внезапно добавляю — слова вылетают бесконтрольно:

— Что ж звоните, если что… Можете позвонить мне даже и не по поводу машины… если хотите.

Парковщик молчит.

Прощаемся. Я покидаю парковку с чувством легкого стыда: что это уж я совсем… не сдержалась. Что подумает про меня?..

А через неделю в трубке звучит незнакомый мужской голос, очень приятный:

— Вы сказали, вам можно позвонить…

Объявился ухажер

Неделю Дима ждал, что я на парковке объявлюсь, — явлюсь-таки за своим авто! Он приходил на работу, метался по площадке от машины к машине, а в голове была только одна мысль: «Ну где ж она, где? Все не приходит и не приходит...» Взял и позвонил...

Ну, а я... Я, конечно, могу быть временами предприимчивой, находчивой и авантюрной... Временами. Ну, а постоянно-то я — наивная и ограниченная, как все хорошо воспитанные бабы, в общем, до корней волос интеллигентка. Так что ушла я с парковки и даже не подумала, что флирт могу как-то продолжить, развить, придумать что-либо еще занимательное… Да, можно было просто забежать на парковку как бы ненароком — предлог-то искать уже не надо, там машина моя стоит, — ну и… повыламываться, повыкручиваться там, задать паковщику пару «женских» вопросов в духе: «А что там под капотом?», «А что это за лампочки на табло загораются?» Тем более что ни на первый, ни на второй вопрос я ответов реально знать не знала. Благодатная тема — об автомобиле и автомобилизме, она так мужиков захватывает и воодушевляет, так греет мужское самолюбие! А при этом — давая мужчине раскрыться и разгореться на любимой ими всеми, мужиками, теме — очень удобно строить глазки, завлекать… Заодно еще какой-либо комплимент можно подкинуть, ну, нормальный уже, не про уши... В общем, могла бы что-то сообразить — времени для разработки сценария на заданную тему у меня было достаточно, и я могла бы неплохо к встрече с заинтересовавшим меня красавцем подготовиться — продумать все свои слова и действия, разучить роль и красиво все разыграть. Однако ни о чем таком я не подумала и даже, напротив, «в ту сторону» думать перестала. Дав парковщику свой номер телефона, подумала про себя: «Да не позвонит он никогда — мужики-то у нас все какие-то робкие, нерешительные… ненаступательные — за женщинами ухаживать не умеют и не хотят, привыкли, чтоб за ними бегали…»

Дима оказался «наступательным», и активным, и деятельным — в общем, мужиком в полном смысле слова. Позвонил, предложил встретиться и даже сразу к себе домой позвал. Такое неожиданное предложение привело меня в некоторое замешательство — я смутилась и уже почти разочаровалась, но Дима тут же поправился:

— У меня дома мама, я вас с ней познакомлю.

Ах, вот оно как! Тогда другое дело. Правда, мама… на первом свидании… лучше бы отложить такое знакомство на более поздние времена…

— Послушайте, мне через неделю на права экзамен сдавать… Не согласились бы вы поездить со мною вместо инструктора?

— С удовольствием!

На следующий день я осторожно выруливала с парковки в родной переулок, а рядом на сиденье расположился мой новый инструктор с красивыми ушами: такая вот взаимно приятная компания. И начало романтических и страстных отношений!

Безмерная любовь

Я не ошиблась — в любви «этот мужчина» в самом деле раскрывался красиво. Необычайно красиво и необычайно самоотверженно.

«Я люблю тебя безмерно», — так написал мне Дима в поздравительной открытке на день рождения на четвертом году нашего брака и за год до роковых событий.

Эти слова не были преувеличением, я его любовь так и ощущала.

Дима сделал мне предложение руки и сердца на десятый день нашего знакомства. Объяснялся пространно и немного путано, волновался. Сказал, что он не хочет встречаться «просто так». И вообще... женщина должна быть уверена в мужчине и в том, чего она может от него ожидать. Ведь женщина должна чувствовать и понимать, что отношение мужчины к ней «надолго и всерьез». И коли «отношения» начались, то строить их надо также «всерьез» — с прицелом в будущее, в расчете на это общее будущее. А коли так, то чего тянуть, и откладывать, и жить неопределенно…

Я тогда сказала ему: «Ну, ты — Македонский! Сразу — гоп, и в дамки!» Но конечно, мне очень понравилась его решимость, и напор, и видимая откровенная влюбленность — «в омут с головой», и серьезное, ответственное отношение к любви и ко мне.

Конечно, по части сделанных мне когда-либо предложений Дима побил все рекорды скорости, что мне льстило и возвышало в собственных глазах. Только я была не готова вот к такому радикальному и масштабному вторжению в мою жизнь мужчины, в общем-то, малознакомого, пусть и очень влюбленного.

Моя готовность Диму интересовала мало. Не успела я и глазом моргнуть, как он с чемоданами оказался у меня в доме, оставив свою мамашу хныкать в трехкомнатной квартире. Этому перемещению я пробовала возражать: рассказывала о достоинствах и преимуществах «гостевого брака», который намного лучше подходил к нашим годам, да и меня устроил бы намного больше, ибо за десять лет одинокой жизни я привыкла к спокойному, ни от кого не зависимому существованию. Только Македонский он и есть Македонский! Дима полыхал чувствами. Ни о каком «гостевом» или там «гражданском» браке и всяком таком хлипком мирном сожительстве с ненадежным статусом он и слушать не хотел. Я подозревала, что он, будучи собственником и ревнивцем, стремится себя обезопасить, застраховать понадежнее свои отношения со мной и свою любовь, в которую он погрузился с головой. Что ж, Дима быстро просек мягкость моей натуры: «оседлать» и «объездить» с виду норовистую кобылку ему не составило труда.

Мне пришлось подчиниться. Возникла новая жизнь — настоящая семейная, такая, которой я до сих пор не знала, хотя и была ранее в браке, длившемся десять лет. Лишь с Димой я поняла, что такое жить и быть «как за каменной стеной».

А еще я столкнулась с необыкновенными, непривычными для меня чувствами.

Димина любовь не просто меня удивила — она ошеломила меня своей цельностью, самоотверженностью, беспримерной жертвенностью и всепоглощающей страстностью.

Было удивительно обнаружить в этом красивом и мужественном человеке бесконечную покорность, полную и совершенную подчиненность женской воле, которая его нисколько не тяготила. Для меня это было непривычно, ибо до сих пор мне не приходилось сталкиваться с мужчинами, для которых бы весь мир и вся вселенная сосредотачивались и концентрировались лишь на женщине, пусть даже и глубоко любимой. Ведь есть же и другие интересы и вещи, которые требуют внимания, которыми живет и дышит человек. Есть работа, природа, хобби, книги, всякая всячина. Для Димы же этих «других» вещей не было. Только любимая женщина — она одна. Через нее и жизнь, и хлеб, через нее — вода и воздух. Это про него, без преувеличения, слова: «Я люблю, а значит, я дышу…»

У меня возникало такое впечатление, что Дима дышит только тогда, когда я рядом, а без меня его жизнь словно замирает и прекращается — становится неполноценной.

Там нет меня, где нет меня вокруг тебя
Невидимо.
Ты знаешь, без тебя и дня
Прожить нельзя мне, видимо…

Потом я обнаружила в его дневнике записи вроде этой: «Днем позвонила Алена и сказала, что на Нарочи погода тоже хорошая, и дала «добро» на мой приезд, хотя я в любом случае поехал бы, так как для меня каждая минута, час, день без Алены — это настоящая пытка».

Вот такие были чувства. Полное растворение всего себя в любимом человеке. Это было так. Было. Я это видела, наблюдала, я с этим сталкивалась на каждом шагу ежедневно на протяжении четырех лет. Я этими чувствами прониклась от макушки до кончиков пальцев.

Там, где не было меня, не было и его. Я была для него центром вселенной, я была для него всем. Прожить без меня он не мог ни дня, ни часа. Когда приходил с работы, всегда говорил: «Не мог дождаться конца рабочего дня. Ужасно по тебе соскучился!» Он часто мне повторял: «Я думаю о тебе с утра до вечера». И это было правдой, и это было как в сказке. Если я в течение дня вдруг прикасалась к нему мыслью, вспоминала о нем, его душа моментально отзывалась горячим теплом, между нами сразу протягивалась ниточка связи, нить любви… Пожалуй, это было именно то, что можно назвать настоящей любовью.

Когда мы ехали вместе куда-либо — на автобусе ли, на своей ли машине, — он всегда держал мою руку в своей, и если сам был за рулем, то отпускал мою руку лишь на секунды, требуемые для переключения скоростей.

Если я спрашивала: «Что будем сегодня смотреть по телевизору?» — он отвечал:

— То, что ты хочешь.

— Что будем есть на ужин?

— То, что ты хочешь.

— Что будем делать в выходные?

— То, что ты хочешь.

— Куда пойдем погулять?

— Куда ты хочешь…

Все решения я должна была принимать сама. Рядом со мною, вблизи меня, у него не было своих желаний, не было себя самого. И его все устраивало, поскольку вся его жизнь напрямую зависела от меня и во мне заключалась, она состояла в любовании мною, наслаждении мною и соответственно в угождении мне. И потому вся жизнь была «как я хочу». До одури, до того, когда «уж слишком».

Например, когда мы смотрели «Чего ты хочешь», то он смотрел не в телевизор, а преимущественно на меня, так что мои надежды «душу разделить» и «взаимно обогатиться» в основном терпели крах: за канвою фильма или события он не следил, — ни обсудить, ни подискутировать… Неинтересно.

В доме он делал все «чего пожелаешь»: готовил, стирал, убирал, штопал белье, разбирал залежи накопившихся за годы моей одинокой жизни дел, в общем, взял на себя все домашние хлопоты. И это ему было нетрудно. Для меня ему ничего не трудно было сделать. Он так и говорил, и много раз повто-

рял: «Не существует ничего такого, чего бы я для тебя не сделал». Иногда я думала: «Скажи я ему — убей. И он убьет!»

Однажды, в самом начале нашей совместной жизни я столкнулась с еще одним поразительным фактом.

В тот день я отсутствовала на протяжении нескольких часов, и Дима оставался дома один. Возвратившись домой, я вежливо поинтересовалась, как дела, чем занимался. Дима, как отставной офицер, четко докладывает, перечисляя все, что сделал: «Почистил картошку. Приготовил ужин. Посмотрел новости. А потом смотрел тебя». Я в недоумении: «Как это — смотрел меня?»

Выясняется, что мой муж после всех дел включил семейное видео — тот бесконечный фильм, который он снимал на свою видеокамеру повсюду, где бы мы с ним ни бывали, и в котором на всех планах и во всех ракурсах была в основном представлена его любимая героиня!

С той поры практика «смотреть меня» стала для него обычным регулярным занятием в случае моего отсутствия. И не только тогда, когда я надолго уезжала, но и когда лишь задерживалась на работе. Была одна, особенно долгая для него, разлука — целых три недели, когда я уехала на рабочую стажировку в Лондон. Для Димы это был срок практически невыносимый. В этот период времени почти ежедневный «просмотр меня» по видео превратился для него в жизненную необходимость! Так Дима глушил свою тоску по мне.

Иногда мы ссорились. Ссоры никогда не происходили в связи с бытовыми вопросами, а лишь в рамках нашего любовно-семейного отношения, например, в связи с его ревностью или когда я, устав от его неиссякаемой навязчивой страсти, пробовала отослать его к маме на побывку — «отдохнуть». Тогда Дима, расстроенный и разгоряченный, уходил в свою комнату, включал видео и… снова «смотрел меня». Все это напоминало мне реакцию обиженного ребенка — протест в духе: вот она тут, в телевизоре, «хорошая», а за дверью — «плохая»!

Раза два эти ссоры имели печальную развязку: от того, что я настаивала на его «отдыхе» у мамы, у Димы «зашкалило» давление так, что пришлось вызывать «скорую» — купировать приступы. После этих случаев тема «побывок у мамы» отпала раз и навсегда: может, я и эгоистка, чтобы требовать своего, но все же не убийца.

Когда я возвращалась домой с работы, Дима выходил в прихожую, галантно помогал мне снять верхнюю одежду, затем становился на колени и снимал обувь. А когда я уходила, все происходило в обратном порядке. Порядок «одевания-раздевания» не менялся и на людях, в гостях, в любой компании. Он был по-настоящему галантен, но главное, никогда не стеснялся проявлений своей любви, не стеснялся выглядеть «подкаблучником», важнее всего ему было мне угодить, чтобы быть любимым мною. Так он завоевывал мою любовь и выражал свою — всеми подручными средствами, а значит, и себя он так выражал, ибо его самовыражение было в его любви.

Что же касается моего отношения ко всему этому, то я всегда себя считала классной и корону королевы носила так естественно, словно всю жизнь этим занималась.

Конечно, я понимала, что таких мужчин, которые могут на женщину эту корону надеть, пожалуй, не супермного. Однако, что такой нашелся именно для меня, считала правильным и абсолютно справедливым. И даже не сомневалась, что так быть должно. Ведь перед встречей с Димой я полгода молилась

Богу, чтобы послал мне такую любовь, какую я заслужила, такую, какую сама могу дать любимому мужчине...

Тем не менее, отлично понимала исключительность Диминой любви, которую приняла, как Божий дар мне. Ну, а его Божий дар был безмерно женщину любить и также безмерно ей служить и покоряться.

Пока мы жили вместе, я жила в его любви и в ней растворялась. Он меня в ней растворял. И ничего, кроме хорошего, кроме этой его любви и его самого в ней, я не видела и не чувствовала. И не могла почувствовать, не было дано. Это было объективно. Ибо мы были проникнуты одним отношением.

Ах, какая добрая!

Мы выезжаем из ворот нашего дачного кооператива и спускаемся по моей любимой горочке, которая ведет к железнодорожному полустанку «Радошковичи». До него — километра два-два с половиной. Едем вдвоем с мужем, заднее сиденье пустует, на него можно кого-то посадить. Я привычно смотрю по сторонам — рассматриваю поток дачников, направляющихся к электричке, — кого из них прихватить. Беру в первую очередь людей пожилых, женщин с детьми, а если таковых нет — просто кого придется, ибо в часы между потоками электропоездов на дороге никого нет. Иногда, о радость, вижу кого-либо из соседей по даче — приятно им оказать услугу.

Дима не очень любит эти мои «благотворительные акции». Он предпочел бы возвращаться в город вдвоем. К тому же бывает, что на заднем сиденье вещи свалены в беспорядке, и ему приходится выходить из машины и все там обустраивать, чтобы усадить нового человека, — ведь я за рулем. Иногда он ворчит и пробует меня убедить, что сегодня нам «подбирать людей неудобно». Его недовольство меня напрягает и сковывает, лишает возможности полноценно прочувствовать радость человека, которого я усаживаю в машину.

...Хорошо помню те дни, когда, груженная рюкзаками, и сетками, и маленькая дочка в придачу... топала к электричке пять километров пешком, а рядом проносились машины, среди которых было немало пустых или полупустых. Как хотелось, чтобы кто-либо из водителей сжалился над горемыками и подвез. Сама же руку поднимать стеснялась — среди дачников не принято проситься «на подвоз» — волоки свою ношу сам.

Чуда не произошло ни разу… И потому я могу представить себе, каково это, когда оно происходит. Когда останавливается машина и вам предлагают подъехать — и не просто до станции, но до самого города! Какая это радость для человека, настоящий сюрприз, чудо! Дома вечером, а может быть, и еще пару дней, он будет рассказывать об этом, говорить, как ему повезло, и снова будет радоваться. Он будет вспоминать меня с добрым сердцем, и простится мне что-то из того, что натворила я в жизни, и снимется чье-то проклятие с грешной моей головы, и может быть, в неурочный час его теплая мысль обо мне спасет меня от погибели...

Иногда люди пробовали давать деньги, а потом спрашивали, почему помогла, раз денег не надо. Отвечала просто: я христианка, а помогать — это норма православной жизни, да и в принципе — человеческой. Иногда шутила по поводу того, как я «двух зайцев одновременно убиваю»: оказываю помощь нуждающемуся (это мне пойдет в зачет на том свете), но при этом ничем себя особенно не обременяю, ибо эта помощь мне ровно ничего не стоит.

Кто-то говорил, даже многие говорили: «Какая вы добрая!»

Я уже не помню, было ли то время, или нет, когда я радовалась словам благодарности и гордилась ими, гордилась собою. Вообще-то, старалась не гордиться, «не заноситься» — себя я эмоционально ограничила, ну, а весь «процесс» — упростила, он сейчас протекает уже почти по-деловому: посадила человека, устроила его, дверь закрыла и — поехали. Иногда все делаю, даже не отвлекаясь от начатого в салоне разговора с близкими...

На слова благодарности людей, на их радость почти не реагирую, не размягчаюсь.

Вот сели, поехали. Пока едем. Слава Богу!

Ты, ты, ты… только ты

Третье лето нашего супружества ознаменовалось выездом на море — на Черное, конечно. Надо, в конце концов, поплавать вволю, на солнышке отогреться! А теплые южные вечера — разве может быть что-либо прекрасней?

Я не уставала удивляться Диминому энтузиазму — таскать повсюду за собой громоздкую, тяжелую видеокамеру! Она, конечно, не самая допотопная, но и не то, что сейчас… Правда, теперь, благодаря ей, я могу погрузиться в созерцание сцен, которые без этой съемки навсегда выпали бы из моих воспоминаний, вытерлись бы из памяти.

Вот, например, неожиданный верблюд на пляже. Оказывается, он совсем нестрашный, напротив, добродушный и добрый. Я его чешу и глажу по шее, по огромной выпуклой боковине (сказать «по боку» — язык не поворачивается!). Он ласку воспринимает с удовольствием, ох, как она ему нравится — не верблюд, а просто котяра!

А вот я на пляже и книжку читаю, ну, конечно, «под семечки». Сижу, прикрытая широкой панамой, а на носу очки, которые по носу скользят и едва не падают. Поза уморительная — книжка между ног, я над ней — в три погибели в этой панамке и в очках на грани падения. Невольно улыбаюсь даже сейчас, глядя на все это безобразие.

А вот Дима решил отснять наш поход на базар, точнее, победоносное с него возвращение. Вначале на камеру снимаю его я: Дима позирует с огромным арбузом под мышкою и с другими приобретениями. Затем он меня снимает. Ну, я, понятно, барыня-сударыня, я налегке, как всегда. Сумок на себе, как ослик, не таскала никогда. Ну, а теперь тем более — ведь у меня имеется заботливый и галантный муж. Я вышагиваю в отличном летнем наряде и в очень красивой белой шляпе с широкими полями. Шарман. Шляпа мне очень идет. В этой шляпе я как великосветская дама, даже полупрофиль в ней какой-то изысканный! Дима в восторге. Пройдясь перед камерой, я присаживаюсь на удобный стул у стола, где Дима только что пил пиво, поднимаю глаза и как-то медленно и лучисто улыбаюсь в камеру. Взгляд, улыбка — все словно заторможено, словно в замедленной съемке… Затем грациозным движением снимаю шляпу, проверяю, правильно ли она надета, не съехала ли набок. Еще одно грациозное движение — шляпа опять на голове.

— Как тут у нас в Китае? — небрежно шутит дама в шляпе.

Ее кавалер радостным возгласом реагирует на шутку. Наступает пауза — съемка затягивается, и в кадре надо что-то делать, надо что-то придумать. Я хватаю недопитый Димин бокал с пивом, картинно потягиваю напиток. Пиво, увы, уже на исходе.

— Скоро я твое пиво доконаю, — предупреждаю мужа небрежно.

В ответ мгновенное и страстное:

— Главное — ты у меня останешься!

Разве может быть женщина несчастной, коли с ней все это было? А было это со мною, не в сказке. Со мною…

Обручальное кольцо

Наступило наше последнее, четвертое лето…

Перед моим отъездом в Италию, куда я на месяц отправляюсь поработать переводчиком по линии благотворительного фонда (с группой детей из Чернобыльской зоны), мы с мужем целую неделю обсуждаем, на какой руке мне носить обручальное кольцо. Точнее, «обсуждает» и бесконечно тему ворошит Дима, заведомо мучаясь необоснованной ревностью и подозрениями в адрес горячих и страстных, по его мнению, итальянцев. Я же стоически терплю все эти разговоры и даже будто охотно их поддерживаю, демонстрируя свою лояльность и неравнодушие к Диминым чувствам. Пробую мужу объяснить, что на Западе, то бишь в Европе католической, все носят обручальные кольца на левой руке, и потому, если я в Италии буду его носить на правой руке, никто не поймет, что я замужем. Однако Дима с пеной на губах доказывает, что я должна носить кольцо на правой руке, ведь у нас на левой его носят разведенные. Что ж, приходится напору мужа уступить:

— Хорошо. Буду носить, как ты хочешь, — на правой руке.

Наступает день отъезда — тот день, который делит нашу жизнь пополам — на «до» и «после».

Мы с Димой, озабоченные и нервные, носимся все утро по квартире, «как подстреленные» — то что-то укладываем, то перекусываем. Наконец закругляемся: грузим мой багаж в машину, и Дима везет меня в аэропорт, как всегда, стремительно, так что по дороге ни взглянуть на пейзаж, ни расслабиться не успеваю. Приезжаем в аэропорт, начинаем разыскивать детей из моей группы, делать перекличку: волнение, суета, атмосфера накаленная — все как всегда. Впереди предстоит еще большее напряжение — надо сдавать багаж, проходить досмотр, границу, следить за паспортами детей и всеми документами на группу. Потом будет шумная и бестолковая погрузка в самолет, будет перелет, во время которого многих детей станет мутить и тошнить, и всех придется успокаивать, утихомиривать. Затем — на той стороне, в Италии, — аналогичные хлопоты, и все на чужом языке и с непредсказуемыми иностранцами. Впору свихнуться! За встречей в аэропорту последует долгий переезд на автобусе, и снова детей будет мутить, а итальянцам надо будет всю дорогу улыбаться и три часа занимать их внимание увлекательной беседой сначала про жизнь детей в Беларуси и влиянии ЧАЭС на экологию, а затем про погоду, фольклор, политику президента, который «не Путин», и про все то, на что только меня подвигнет мое, к счастью, богатое воображение. В общем, ужас, а не день! За неделю до отъезда меня уже начинает «колбасить» при мыслях о нем, а тут еще Дима наезжает со своей горячей претензией по поводу обручального кольца. Для него проблема эта — вселенского масштаба. Он не понимает и понимать не хочет, какая на моих плечах лежит ответственность за детей, за группу, за всю поездку и какой стойкой и непоколебимой мне надо быть на работе и особенно в день сегодняшний. Хоть бы мне его пережить благополучно, этот день, — не сорваться, не споткнуться на чем-либо!

Я хлопочу, бегаю по аэропорту, в какой-то момент мой взгляд падает на руку и — о ужас: я вижу, что обручального кольца на пальце нет! Вообще нет ни одного кольца на руках! Выходит, что все они так и остались на журнальном столике в центре гостиной, куда я их утром специально положила, чтобы не забыть надеть в дорогу, чтобы были на виду. А вот впопыхах как раз-таки и позабыла!

Сердце у меня обламывается: что будет-то! Дима меня сейчас разнесет по кусочкам! Это после недельной-то дискуссии остаться без кольца! Может, вовсе не говорить ему об этом?

Я не представляю, как мне эту новость сообщить мужу. Колеблюсь и все же говорю — все равно, вернувшись, он эти кольца на столике найдет.

Дима смотрит на меня — улыбка кривая, горькая:

— Ты нарочно оставила кольцо… Я еду за ним…

— Не сходи с ума…

— Я привезу тебе обручальное кольцо! Я еще успею вернуться до твоего вылета.

— Дима, не дури! Пятьдесят километров туда, пятьдесят обратно — больше ста километров! А мы сейчас уже заходим за ограждение, будем проходить границу. Тебя все равно ко мне не пропустят…

Мы прощаемся…

Прощаемся!

Не знала я в тот час, что уже навсегда попрощалась с Димой, с его безмерной любовью...

…До вылета остается два часа, мы их проводим уже «по ту сторону» — проходим таможенный досмотр, границу, сдаем багаж, затем долго томимся в зале ожидания.

Первый звонок в Италии

Автобус, припаркованный на красивой овальной площади старинного итальянского городка, опустел — всех детей разобрали и увезли в их итальянские семьи. Наконец и меня усаживают в машину и везут к моему новому месту жительства.

Едва мы останавливаемся у дверей двухэтажного особняка, как я слышу телефонный звонок в доме, а затем недоуменный голос отвечающего на звонок итальянца. «Дима», — думаю я.

Так и есть — мне прямо в машину несут трубку радиотелефона, и мой первый разговор с мужем проходит даже не на пороге дома, а на переднем сиденье подъехавшей к нему машины. Из-за этого я испытываю сильную неловкость перед моими новыми хозяевами, но они ко всему относятся с пониманием.

Я быстро рассказываю Диме о перипетиях сегодняшнего дня и о том, как я поперхнулась апельсином и чуть не погибла при переезде в автобусе. Но, слава Богу, все позади! Позади этот неимоверно тяжелый день.

Чувствую свою вину перед Димой из-за обручального кольца и пробую ее загладить, поэтому разговариваю с ним особенно нежно, обо всем заботливо расспрашиваю.

О себе Дима сообщает просто:

— Я дождался, пока ты улетишь, и потом поехал домой.

— Как дождался? Чего дождался? — мне кажется, что я не все правильно поняла.

— Я дождался, пока взлетит твой самолет…

Оказывается, что после того, как мы попрощались, он еще два часа провел в аэропорту лишь затем, чтобы увидеть, как я от него улетаю, и чтобы еще раз сказать мне вслед:

— До свидания, Алена!

Наверное, тогда же он услышал в ответ невидимое: «Прощай, Дима!»

Долгое прощание — не на два часа, а на всю оставшуюся жизнь…

С безмерной любовью мы уже не встретимся!

«Поздравляю с днем рождения!»

Дима рад бы звонить мне каждый день и разговаривать часами.

«Как я теперь понимаю Антуана!» — жалуется он, намекая на известную нам тему, ибо французский жених моей дочери «висит» на телефоне по полтора-два часа в день, что стало предметом внутрисемейных пересудов и критики из-за необоснованных и непомерных, с нашей точки зрения, трат на телефонные разговоры.

Я же с целью экономии Диминых расходов (а по сути, наших, семейных) ограничиваю его звонки до двух-трех раз в неделю, а наши разговоры — до десяти-пятнадцати минут. Но не только это Диму огорчает, есть еще кое-что похуже. Ведь вечерами, когда он мне звонит на сотовый, я чаще всего занимаюсь выполнением своих профессиональных обязанностей, то есть обхожу семьи моих подопечных ребятишек, знакомясь с условиями их содержания. Это обстоятельство создает дополнительные трудности для общения между нами и делает невозможным сколько-нибудь откровенный и интимный разговор, сосредоточенный друг на друге, — такой, который обычно происходит у любящих супругов в разлуке. Ведь я, по сути дела, нахожусь в гостях у итальянских синьоров с их изысканным тонким воспитанием и очень строгим этикетом. Там невозможно сказать: «Извините, подождите меня минуточку, я сейчас вернусь», — и уйти из-за стола на полчасика. А если в это время на тарелках у присутствующих горячие макароны? Ведь они — остынут! А остывшие макароны итальянец есть не станет. И разогревать не будет, поскольку они, то бишь макароны, в этом случае, с его точки зрения, теряют вкус, как и соус под макароны, который, по его мнению, утратит свой необыкновенный букет. Остывшие макароны можно только выбросить! И человека, который ест остывшие макароны, уважать не будут — его не поймут никогда! Так что, если я ухожу поговорить, не доев свои макароны, я создаю прецедент для большого волнения за столом с вытекающими разнообразными проблемами. Уж лучше, если Димин звонок придется на тот момент, когда подают второе блюдо, фрукты или кофе. Хотя холодный кофе для итальянца — это почти то же самое, что и холодные макароны. Только в этом случае итальянские синьоры хотя бы не будут ожидать, пока я расправлюсь с содержимым своей тарелки, чтобы перейти к следующему блюду, ибо в Италии не подадут второе блюдо, пока все не съели первое, то есть макароны. И не подадут фрукты или десерт, пока не съедено второе блюдо — мясное или рыбное — и… так далее.

Помимо этикета в еде требуется соблюдать этикет поведения или общения за столом: раз тебя пригласили в гости — будь добр «отрабатывать», то есть активно общаться с итальянской семьей. Надо весь вечер без умолку болтать: для итальянца хорошая беседа, или, как они сами говорят, «болтовня» — это такая же важная и необходимая часть застолья, как кофе и макароны. Поэтому, когда Дима вырывает меня в разгар еды с «болтовней», то это не очень хорошо

отражается на настроении всего застолья. А если еще позволить себе отвлечься на посторонний разговор свыше трех-пяти минут, то такая длительная отлучка будет расценена как знак неуважения к присутствующим за столом, почти хамство, и это скажется на моей репутации переводчицы и сопровождающей детской группы.

Все указанные обстоятельства создают определенные трудности для моего общения с мужем и делают невозможным сколько-нибудь продолжительный разговор между нами. К тому же я, будучи в гостях у незнакомых людей, чувствую себя напряженно и скованно и стремлюсь закончить разговор как можно скорее — где уж тут до любовных излияний!

Дима не понимает и не хочет понимать моих трудностей. Для него «быть в гостях» — это пошел себе в другую комнату и говори сколько хочешь. Он не видит глаза итальянских синьоров за столом, огонь их перекрестных взглядов, когда я отлучаюсь, он не представляет себе, что такое этикет, высшее общество. В нашей жизни эти факты не имеют места быть.

По мере того как напряженные ситуации с телефонными разговорами «в гостях» повторяются, раздражение и недовольство нарастает с обеих сторон. С моей, ибо я полагаю, что он, желая болтать со мной по телефону в условиях, когда я это свободно делать не могу, ведет себя эгоистично, ибо не стремится и не хочет понять мои проблемы. С его — ибо он считает, что я попросту не желаю с ним общаться, его игнорирую, не люблю. В довершение трудностей возникают моменты, когда мне сложно дозвониться, ибо мобильник, который мне передали в пользование для работы в Италии, очень ветхий — он разряжается и выключается в самый неподходящий момент. Вот такое несчастье случается с моим сотовым и в день моего рождения, седьмого июля, как раз за полчаса до Диминого звонка, о котором мы условились заранее.

В этот вечер я детей из своей группы не посещаю, провожу его в «своей» итальянской семье. Мне устраивают настоящий праздник: здесь и торт со свечами, и духи «Шанель № 5» в подарок. Внизу, где мы сидим, найти свободную розетку для подключения сотового не удается — они все заняты, и потому приходится ставить телефон на зарядку в моей спальне на втором этаже. Дверь оставляю открытой — звонки оттуда обычно слышны хорошо.

Урочный час для Диминого звонка подходит и проходит, и еще час проходит, но звонка все нет и нет. Это меня удивляет. Я поднимаюсь наверх, ибо мне нужно сделать текущий рабочий звонок и…о ужас — вижу, что мой сотовый выключен. Как только я его включаю, раздается звонок моего мужа. Дима на взводе, он в ярости:

— Даже в свой день рожденья ты не хочешь меня слышать!

Целый час он пытался ко мне дозвониться, набирал меня двенадцать раз. В довершение всех бед был занят и домашний телефон хозяйки, на который он также пытался позвонить: дочь хозяйки сидела в «Интернете».

Я понимаю и воспринимаю Димины чувства, его состояние, настроение. Полчаса я его успокаиваю, только все бесполезно. Такое впечатление, что мои извинения только больше его распаляют. Тогда и я уже выхожу из себя, видя, что он никак не желает успокаиваться и как-то смириться с ситуацией, хотя бы ради моего дня рождения. Я благодарю его за поздравления и бросаю трубку. Он перезванивает с извинениями — сразу же и потом еще раз — на следующий день утром: «Поздравляю тебя с днем рождения!»

— Мой день рождения уже прошел, и ты меня с ним уже поздравил. А мне, честно говоря, от такой «любви» бежать хочется! Домой возвращаться точно расхотелось…

— Что!?.. Что ты такое говоришь!?

Возвращение

Самолет из Италии битком набит загорелыми ребятишками, возвращающимися из оздоровительной поездки. Приземление происходит поздно вечером — в четверть одиннадцатого. Лишь к двадцати трем часам мы проходим все инстанции, и наконец я вместе с моей группой спускаюсь на первый этаж в зал, где будет производиться выгрузка багажа.

За огромными стеклами, отделяющими зал от холла, теснятся родители детей. Они пытаются рассмотреть и признать своих чад в огромной толпе, высыпавшей в зал. Я знаю, что и Дима где-то здесь среди встречающих выискивает меня, и совсем не удивляюсь, когда сразу вижу его за стеклом — он подает мне радостные знаки. Я смотрю на его красивое лицо и удивляюсь, что оно мне кажется каким-то далеким и чужим, словно и не муж мой это родной, а просто кто-то очень хорошо знакомый. Между нами какой-то холодок, словно утрачена связь. Конечно, приехав в Италию, я всю первую неделю наслаждалась отдыхом и переводила дух после тяжелого года, насыщенного большими нагрузками, — был ремонт квартиры, покупка новой мебели, были многочисленные перестановки и всяческие бытовые неизбежности с кучей невероятных осложнений. Еще в Италии я отдыхала от настойчивой, иногда даже назойливой Диминой страсти… Вспомнилось, что, когда уезжала, даже бросила ему фразу с вызовом: «Хоть бы ты от меня немного поотстал! Как клешнями рак вцепился! Пусть бы тебя от меня кто-нибудь немного отцепил!»

Можно ли отцепить «немного»? Или это парадокс в духе «немного забеременеть»? Тем более, предположить не могла, что в момент, когда я свое пожелание материализовывала, кое-кто уже начал усиленно трудиться над тем, чтобы Диму от меня «немного отцепить»! Или — «много». Короче — сглазила!

Жила, ничего не подозревая, и готовила свою душу к встрече с мужем, хотела соскучиться, изголодаться по его безумно-безмерной любви. Полагала, что в разлуке удастся упрочить нашу взаимную любовь, вырастить ее. Наверное, это удалось бы вполне, если бы не скандал в день моего рождения, ибо вся эта некрасивая сцена перечеркнула и уничтожила наработанный к тому времени «капитал» любви и чувств. Конечно, во взаимном отчаянном непонимании друг друга виноваты были мы оба. Но себя я винила больше: ведь я понимала, каковы Димины чувства ко мне, так что легко могла бы представить себе и то, каковы эти чувства будут в столь долгой разлуке. Могла бы понять его тоску, нетерпение если не увидеть, так услышать меня, и ненасытное желание хотя бы разговаривать вдоволь. С другой стороны, я имела право рассчитывать и на его понимание тоже. И все же винила себя бесконечно за то, что не разъяснила мужу перед отъездом все нюансы предстоящей работы за границей, не рассказала об итальянском этикете. Вот Дима и оказался совершенно не готовым к возникшим осложнениям и к тому ходу событий, который выстроился на фоне этого итальянского этикета, в результате чего дорогое телефонное время уходило не на любовное мурлыканье, а на то, чтобы все эти нюансы ему объяснять, причем результат был мизерный, ибо Диму уже «понесло», и он не соглашался принимать ни мои объяснения, ни характер возникших в разлуке отношений, который его уже не удовлетворял. Я же, откровенно говоря, слишком легко, даже легкомысленно, отнеслась к возникшим между нами противоречиям, полагаясь на то, что «свои люди — сочтемся», что раньше или позже все объяснится, утрясется, уляжется и мы придем к согласию и взаимопониманию. Не улеглось и не утряслось, а наложило отпечаток на все

последующие события, ибо потом Дима всегда возвращался к «итальянскому периоду» нашей жизни и искал себе оправдания в том, как я тогда проявила себя по отношению к нему. Нанесенные раны так и не зарубцевались...

Видимо, все же я несколько зарвалась, и требовался охлаждающий душ, который таки и пролился на мою головку и на все мои иллюзии. Пролился непоправимо, и уже не исправил и не улучшил наши отношения, а их погубил, уничтожил, смыл…

Он принимает решение

Но дочь-то у меня тоже есть! И для нее в моей душе — главное место. Об этом я Диме заявляю практически сразу после нашего знакомства, говорю: «У меня дочь — на первом месте! Была, есть и будет!» Может, Диме это не очень нравится слышать, может, эти слова его задевают, но он вынужден смириться и принять свою «второстепенность» хотя бы с виду. На самом деле он такой собственник и ревнует меня даже к Зарине, выискивает в ней какие-то недостатки, проступки и пробует обратить на них мое внимание. Я же все его замечания пропускаю мимо ушей: подумаешь! Я-то свою дочь знаю и понимаю лучше!

Мой отъезд в Италию радикально трансформирует Димино отношение к Зарине, он пытается сделать ее чуть ли не своей наперсницей — а с кем еще ему говорить обо мне? С кем еще он может обсудить все перипетии наших взаимоотношений, поделиться сомнениями, разочарованиями, горестями — не со своей же матерью?

И вот, когда я возвращаюсь из Италии, мне дочь пересказывает, как Дима по мне тосковал, как волновался, как переживал из-за того, что я с ним «так себя веду». Он обсуждал с ней свои чувства и всю сложившуюся ситуацию по поводу моего выезда и пребывания в Италии. Однако Зарине все эти Димины «страсти» и горести были немного «до лампочки» — ведь к ней как раз приехал жених из-за границы, и надо было его развлекать. В общем, у нее хватало своих проблем и хлопот. Так что когда Дима в очередной раз обратился к ней с «наболевшим»: «Ну как, Зарина, мне быть? Что там у твоей матери в Италии? Почему она так себя со мною ведет? Что мне делать?», она ответила незаинтересованно: «Дима, поступай как знаешь! Это твоя жизнь, твои проблемы, сам принимай решение…»

«Хорошо. Я приму решение…» — сказал он резко, почти с угрозой… В памяти Зарины его ответ пропечатался неожиданно хорошо — отложился, запомнился. И даже не ответ, а тон, каким были сказаны слова, и сделанный на фразе упор, а еще — выражение его лица …

Какое же решение ты принял тогда, Дима? И какое это уже имело значение? Ведь в тот момент, когда фраза была произнесена, любовница уже была в твоей, в нашей жизни. И уже был сделан любовный приворот. И порча на смерть мне… И уже поезд нашей жизни был пущен под откос!..

Заноза

Первые два дня по возвращении из Италии проходили сумбурно и бурно: разбирала чемоданы, дарила подарки, устроила прием гостей. Решила с помощью этого приема одним махом убить двух зайцев: побаловать родных и друзей отличным красным винцом, которым меня в избытке снабдили

итальянские знакомые, а заодно поделиться впечатлениями о поездке сразу со всеми, чтобы не встречаться с каждым по отдельности и не тратить время на одни и те же разговоры. Вернувшись, я некоторое время сохраняла инерцию прежней жизни — итальянской, лучезарной, — и, пригласив гостей, пыталась смягчить для себя переход к жизни рутинной, семейной, которая сразу же стала меня угнетать. Увы, хлопоты по приему гостей сопровождались постоянными разборками с Димой: мы продолжали выяснять, что было «не так» в разлуке и кто из нас «правее». Я постепенно трезвела, возвращаясь из итальянской сказки в повседневность к привычным реалиям, и переход был болезненным. К тому же позиция, которую занял Дима по отношению ко мне, отнюдь не способствовала оптимизму. Где оно, уважение и признание чужих прав и достоинства — итальянское благородное отношение к человеку, к личности? Где глубокое понимание ближнего и его всепрощение? Как мне не хватает теперь этого всего после Италии в отношениях с Димой, который своим скандальным поведением и истериками не тянет даже на самого невоспитанного итальянца: он совсем из другого теста!

А еще энергетическая перестройка: я очищаюсь, выхожу из энергетики Италии, которой пропитана насквозь, и проникаюсь энергиями своей родины. Переход чувствительный, как и смена понятий, привычек и стереотипов, норм поведения. Наконец все как бы успокаивается, устраивается, очищается от наносного и второстепенного, и я тоньше и лучше начинаю воспринимать все меня окружающее, в том числе и самого Диму…

…На третий день мы уже на даче. Ласковым утром девятнадцатого июля две тысячи шестого года мы прогуливаемся по нашей замечательной зеленой улочке, которой я всегда любуюсь, сколько бы по ней ни путешествовала. Беру Диму под руку, прижимаюсь к его предплечью, муркаю: «Какая я вся в тебя влипшая!» В общем, пытаюсь как-то «подлизаться», чтобы сгладить и компенсировать все неприятные стороны перипетий истекшего периода. Сегодня мы вдвоем, без посторонних, и все как будто идет без сбоев. Мы прогуливаемся, я к Диме прижимаюсь, он слушает мои слова и улыбается как бы довольной улыбкой, и вдруг… я получаю удар в сердце — прямой и неотразимый: «Я Диму потеряла!» Я не понимаю, откуда, как и почему ко мне приходит это знание, эта убийственная информация, разящая меня наповал, только я понимаю, что так оно и есть, так оно будет — полученное знание неотвратимо и бесповоротно: хочешь — плачь, хочешь — кричи, хочешь — уйди в космос, но ничто уже не изменит «статус-кво»: все уже произошло — потеря состоялась! А то, что я могу, что я в состоянии сделать, — это лишь констатировать свершившийся факт, в который проникла своей душой, своей превосходной интуицией. Отныне я это впечатление не забуду никогда, как и ощущение чего-то такого, что застряло в моем муже так же бесповоротно — застряло занозой, как данность, как судьба, изменить которую не в человеческих силах.

…Коленки у меня подкашиваются, но я владею собой превосходно: продолжаю инерцию движения и разговора, продолжаю к Диме прижиматься, что-то лепетать, а у самой сердце словно в ледяной бане, и в нем — ледяная заноза. Да, попала я в заколдованное царство в гости к Снежной королеве. И мой Дима — словно Кай с замороженным сердцем. Ледяная игла пронзила его сердце, пронзила нас обоих…

Я иду, я к Диме прижимаюсь, у него по губам блуждает довольная улыбка — Диме невдомек, в каком смятении я нахожусь, в каком ужасе колотится сердце! «Я Диму потеряла!» Как? Как такое возможно? Как я могу своего мужа, своего мужчину, который так любит меня, потерять? Страстная любовь

Димы, его непреодолимая и какая-то животная привязанность ко мне убедили меня за четыре года совместной жизни, что мы с ним соединены навечно и не расстанемся никогда. Во всяком случае, я была уверена, что по доброй воле он от меня не уйдет, что он на это не способен в силу своей вот этой фатальной зацикленности на мне. Я же со своей стороны — при таком вот раскладе — также никогда его не брошу, не изменю. Не способна я такими чувствами пренебречь, от них отказаться. Так что быть нам вместе до гробовой доски! Так я решила давно, так определилась и с таким убеждением жила все месяцы и годы нашего супружества. И если все у нас с ним вот так сложилось — тогда что? Тогда как я могу Диму потерять? Лишь по недоброй воле, по злой судьбе — разве только, если он умрет, погибнет! Может, авария какая-нибудь, несчастный случай или болезнь? Череда самых ужасных мыслей и предположений проносится у меня в голове, пока мы с мужем якобы беззаботно прогуливаемся по зеленой дорожке из травы и солнца… «Потерять Диму по состоянию его здоровья — это вряд ли, он мужик здоровый, крепкий. А вот несчастный случай или дорожно-транспортное происшествие — это другое дело, это более вероятно, поскольку объективно мой муж на голову горяч — бывает, что и гоняет на авто, а если расстроен, то и вообще себя не помнит!» Я немедленно принимаюсь горячо молиться: «Господи, спаси его от погибели!» Я молюсь Иисусу Христу, Богородице, Николаю Чудотворцу, покровителю путешественников, и всем своим любимым святым по очереди. Прошу, чтобы отвели от мужа беду, а от меня — ту пустоту в душе и одиночество без мужа, которые дамокловым мечом уже нависли надо мною…

Гулять, вести легкую беседу и при этом анализировать полученную в чувствах информацию я не в силах. К тому же при сложившейся ситуации рациональные маневры бесполезны — таково мое внутреннее убеждение. И все же, откуда и почему эта неотвратимая весть мне самой от меня самой: «Я Диму потеряла!» И что это за заноза такая — откуда она взялась? Чувствую неотвратимо, что в его сердце — заноза! А через нее стекает любовь, улетучивается тепло его души, которое меня так долго согревало, — все вытекает в некую прорву, а взамен идет холод. Эта заноза — все из-за нее! Она, как ледяная стрела или игла, пробила его сердце и в нем застряла. Как ее удалить, как выдернуть? И что предпринять вообще? Молиться? Только молиться! «Господи, спаси его от погибели!» Молюсь и надеюсь на чудесное спасение, в него верить хочу, но почему-то не верю: уж слишком бесповоротно и неотвратимо все то, что учуяла моя душа. Неотвратимость такова, что бороться с ней бесполезно и поздно, и молитва замирает у меня на устах. Но я напрягаюсь, я ползу по снежной пустыне и пробую пробиться сквозь ледяную корку — мне надо, надо отогреть Димино сердце и достать эту занозу, тогда его, нас снова зальет горячее тепло любви…

Пройдет немного времени — всего месяц или несколько недель, и я эту занозу буду чувствовать постоянно — почти каждый вечер, когда он, возвращаясь с работы, будет приносить мне в своей ауре вкус другой женщины, вкус, который каждый раз будет сшибать меня с ног. В этом вкусе — мое летнее впечатление — заноза в его душе и сердце.

«Порча, — шепчу я, — измена… Ты был сегодня с нею!..»

Что я знала, что я понимала тем жарким июльским днем? Что Дима потерян, утрачен для меня навсегда? Что утрата эта не была естественной, добровольной? Что все то, что я «схватила», прочувствовав в мгновение

ока, — правда и что Дима возле меня уже формально, а на самом деле у меня мужа уже нет. И не будет. И это — окончательно.

Как мне хотелось бы сказать, и поверить, и думать, что все обыкновенно и просто, как в шаблонных любовных историйках: встретил другую женщину, или даже не встретил, а просто завелась любовная интрижка на работе, которая со временем переросла в нечто большее, ибо на основе влечения возникло притяжение, и понимание, и, наконец, любовь. К более молодой и красивой, возможно, к более интересной женщине. Или просто без причин. Ведь приходы и уходы любви — их не объяснить…

Я хотела бы так сказать и так думать, и даже проще и легче мне было бы так сказать и так думать, если бы не четкий и не ясный вкус «очарования», некоего колдовского невыразимого духа со своим совершенно неповторимым, но определенным энергетическим окрасом!

«Порча, — шепчу я, — измена… Твое сердце похищено…»

Что ж, я продолжаю все описывать и заносить в свой дневник.

Проходит несколько месяцев, и наконец, после долгих хлопот и всяческих маневров я получаю распечатку звонков с мобильного телефона своего мужа за интересующий меня период времени. Вот она, проверочка моей интуиции! Сверка душевных ощущений с датами и звонками.

Что ж, картина получилась интересная. Не неожиданная. Неожиданным оказался процент попаданий. Все — в десяточку! Вот потому и говорю себе всегда и повторяю неустанно: «Люди могут подвести, могут обмануть. А вот душа не подведет и не обманет никогда. Правду ищи в душе своей!»

Уход любви

В воскресенье вечером тридцатого июля Дима уезжает домой — ему в понедельник на работу. Я же решаю остаться на даче еще на сутки — вернуться в город могу на своей машине.

Попрощавшись с Димой, иду в домик, удобно устраиваюсь на диване и принимаюсь читать книжку. Попутно щелкаю белые семечки. Мне спокойно и уютно, я отдыхаю душой и телом. Так проходит около часа, может, немного больше. Вдруг я осознаю, что со мною начинают происходить какие-то необычные трансформации — на клеточном, на энергетическом уровне. Чувствую, что разворачиваются поразительные внутренние процессы, за которыми я принимаюсь следить, как сторонний наблюдатель. Я понимаю, что у меня в груди («За сердечной чакрой», — отмечаю мысленно) начинает концентрироваться тепло. Постепенно оно сгущается и стягивается во все более теплый, почти горячий шар. Я с удивлением откладываю книжку и начинаю уже внимательно прислушиваться к тому, что там у меня происходит.

Шар, как бы мерцая своим теплом, начинает потихоньку раскачиваться. «Это Димина любовь», — понимаю я. Далее шар медленно поднимается вверх и легко и беспрепятственно выходит из меня. «Димина любовь покинула меня...» — констатирую я спокойно, ибо все действо, которое разворачивается на дачном диване, протекает без всяких эксцессов, очень мирно, почти обыденно, словно любовь бороздит душу в шарообразном состоянии чуть ли не каждый день.

«Почему она меня покинула? — продолжаю я раздумывать над произошедшим. — И что же теперь будет? Может, она еще вернется? А куда она

денется… В самом деле, куда подевалась любовь, куда она ушла? Ушла надолго? Навсегда? А ведь мне было с нею так хорошо! Что же теперь будет?»

Мои раздумья прерывает звонок сотового телефона. Звонит Дима, сообщает кратко: «Я доехал. Все в порядке».

Разруха

31 июля Дима выходит на работу, и наши отношения начинают развиваться вообще немыслимым образом. Немыслимым, непонятным, непредсказуемым.

В нашей жизни наступает полная разруха.

Первые признаки этой разрухи довольно явственно проступают во время нашего двухнедельного отдыха на даче, куда мы переехали на третий день после моего возвращения из Италии. Так, в одно прекрасное утро в ответ на мою просьбу вскопать еще одну грядку Дима отказывается в резкой форме и свой отказ мотивирует тем, что я не справляюсь с теми грядками, которые уже вскопаны. Отказом я удивлена и обескуражена — раньше такой строптивости за своим мужем я не наблюдала, напротив, он всегда был рад мне услужить. Ну, а тон, каким все было высказано, — тут я вообще растерялась. До сих пор на грубое обращение мужа мне жаловаться не приходилось. Если не считать «итальянской эпопеи». Правда, после моего возвращения из-за границы у нас с ходу начались какие-то разборки, но я еще к ним не привыкла и не перестроилась на новый лад, я все еще в инерции прежней жизни и тех отношений, которые существовали между нами «до Италии» и когда я была для Димы королевой, каждое слово которой внимательно выслушивалось и никогда не оспаривалось. Сейчас же мне впору рассердиться и обидеться за резкий ответ, но дело для меня важнее — мне нужны новые территории, чтобы высадить молодую клубнику, и потому я продолжаю настаивать на своем, — конечно, вежливо. Тут мой муж принимается уже кричать на меня. Он вопит так громко, что соседи начинают высовываться со всех сторон, с любопытством реагируя на семейную сцену, разыгравшуюся у них под носом. Димин крик производит на меня впечатление разорвавшейся бомбы. Тут я по-настоящему начинаю понимать, что значит «терять почву под ногами». Положение мое незавидное. День, к несчастью, воскресный, и вокруг наших четырех соток на соседних участках расположились целые компании дачников — я чувствую себя, как голая посреди улицы. Настаивать дальше в этих условиях означало бы просто выставлять себя на посмешище. Я обиженно замолкаю и принимаюсь готовить завтрак. Ну, а Дима, увидев мое замкнувшееся лицо, громко чмыхает и уходит в дом с книжкой. Я накрываю стол на открытом воздухе и зову мужа завтракать. В ответ — ноль движения. Зову один раз, потом второй — обида для меня не повод прерывать отношения и растить напряжение: я веду себя компромиссно и не намерена затягивать ссору. Однако у Димы другая позиция — он не реагирует на мои призывы и завтракать выходит часа через два. Кушает в одиночестве, молча. Дальше мы весь день ходим поодиночке и не разговариваем. Напряженность в отношениях продолжает нарастать. Я от сложившейся ситуации прихожу в шок — от того, как муж повел себя со мною, и от того, что он не выказывает ни малейшего намерения попросить у меня прощения. Я-то никогда не считала для себя зазорным извиниться первой и не раз просила у Димы прощения по самым мелким поводам. Извинялась

всегда, когда полагала, что каким-то образом задела его чувства, тем более, когда видела, что он на что-то обижается. С извинениями я не затягивала, чтобы не дать ссоре раскрутиться, разыграться. Рассуждала по-философски: зачем отравлять драгоценные дни нашей жизни всякими мелкими и в основном надуманными проблемами и такой же надуманной и никчемной «борьбой личностей» — нам этих дней отведено не так уж много. В общем, я всегда шла на уступки, была компромиссной и одновременно пыталась привить мужу такой же стиль в отношениях. Пробовала его научить не поддаваться ложным порывам гордыни и самолюбия, а думать в первую очередь о чувствах близкого человека, щадить их, тем более, если с этим человеком планируется дальнейшая жизнь и расставание с ним в намерения не входит. В конце концов,— распевала я на все лады, — извиняться — это благородно. Да, да — это признак благородства. И тот, кому удается преодолеть свою так называемую «гордость», а на самом деле — никчемную гордыню, тот преодолевает мелкое и ничтожное в себе, возвышается над ситуацией, короче, тот духовно растет и облагораживается. Только вот вся моя кропотливая четырехлетняя воспитательная работа с мужем резко «обломилась» в тот прекрасный день на даче. И выяснилось окончательно, что я так и не научила Диму извиняться. Но даже и не в этом было дело — не в извинениях, и не в благородстве, и не в гордыне, а в новом отношении ко мне — в том, что он никогда *так* не вел себя со мною раньше. Ему никогда не было трудно что-то сделать для меня по моей просьбе, какую бы форму ни принимала эта просьба. Тем более, он никогда не спорил, не кричал на меня. Четыре года мы с Димой неплохо ладили. Конфликты если и возникали, то только в связи с эмоциональной стороной наших отношений — по поводу любви. Никогда бытовые проблемы или заботы не становились предметом спора или ссоры. Но тут, на даче, мой муж будто с цепи сорвался, беря реванш за все истекшие годы. Он вдруг стал возражать резко и грубо, отказывая мне в исполнении просьбы, и не личной даже, и не моими прихотями обусловленной, а укладом нашей жизни, нашими общими делами и заботами. Ни с того ни с сего стал отказываться что-либо делать по своей, мужской, части. Казалось, что он находит удовольствие в том, чтобы мне противоречить, ругаться со мною и настаивать на своем. И вообще, он стал неожиданно каким-то свободолюбивым и независимым. Независимым от меня. Словно он уже и не боится испортить со мною отношения. Словно уже и не дорожит мною, как прежде, не боится потерять. Может, и копать он отказался потому, что не хочет работать на *моем* участке? Я сказала бы даже, что ведет он себя уже не как муж, не как родной и навеки близкий человек, а как… Тут я уже повторно ловлю себя на мысли, что…

…Мы медленно катим вдоль канала у Вязынки — это наше любимое место для велосипедных прогулок. Дима едет впереди. Его обнаженный крепкий загорелый торс у меня перед глазами. Невольно им любуюсь: «А ничего мужик! Красавец! И в постели хорош. Классный любовник, крепкий». И тут ловлю себя на мысли, что смотрю на Диму как-то уж очень оценивающе и отстраненно, даже отчужденно, словно и не муж он мне, а посторонний мужчина, который вдруг рядом «приключился». То есть… Смотрю на него скорее как на любовника и оцениваю как любовника. Вчера вечером так ему и сказала. И позавчера то же думала… Это новое восприятие Димы меня ставит в тупик — удивляет настолько, что я задумываюсь над ним. Любовник. Хороший любовник. Так-так, после Италии у нас весьма горячий секс развернулся… Ну, так и раньше он был таким же — горячим. Вот только сейчас все наши часы и объятия в постели — после моего возвращения из Италии…

В них что-то новое, в них какое-то иное отношение между нами. Такое, которое я испытываю сейчас, когда разглядываю его со спины, катящим на велосипеде! Это новое отношение заключается в том… что я уже не чувствую в нем мужа! Мы просто — любовники! Я снова задумываюсь: а как было раньше? И куда подевалось, почему ушло ощущение супружества — то отношение, когда я каждой клеточкой своего тела чувствовала, знала, понимала — вот он, мой муж, моя опора, моя стена. У меня было четкое ощущение любви как стены — нерушимой стены. А сейчас у меня ощущение не стены, а чего-то временного, непрочного, условного. Это ощущение любовной связи, а не брака. Ощущение игры с мужчиной, а не жизни с мужем. Вот как!

Размышления во время велосипедной прогулки меня взволновали, но я попыталась их утопить во всяческих успокоительно-оправдательных объяснениях. Как нельзя лучше подошло поверхностное знание астрологии — ведь очень удобно все на свете объяснять движением светил. Так и я, на свое счастье, вспомнила, что Солнце в конце июля вошло в знак Льва. Ну, а транзит Солнца по Льву, само собою, обостряет проблемы любви и любовных отношений: Лев управляет всеми любовными делами и является «домом» любовников! Вот почему, — решила я, — мы с Димой и ощущаем себя сейчас, как чистые любовники. Ну, а когда Солнце из знака Льва перейдет в следующий знак зодиака, — убеждала я себя, — то и наши прежние — супружеские — отношения наверняка вернутся, восстановятся. Я даже искренне удивилась, что переход Солнца из Льва в знак Девы ничто в нашей жизни не изменил и никак не повлиял на наши отношения и любовь. Увы, взаимоотношения остались теми, какими они стали «после Италии», — разваливающимися на глазах… Впрочем, похоже, «глаза» были закрытыми. Или я нарочно их закрыла, чтоб от реалий укрыться? То ли сложно было перестроиться психологически, чтобы все себе правильно объяснить, то ли страшно… оставаться с открытыми глазами! Любое самое невероятное объяснение было лучше самой видимой, самой вероятной правды! Вот так мы устроены, так устроена наша психика, она — самозащищающаяся!

…Его улыбка, когда мы шли по дачной дорожке. Она засела в моей памяти. Она была с каким-то двойным дном, со значением. По-мещански довольная. Или самодовольная? Это уже не была улыбка прежней доверчивой и бесконечно преданной души, которая жадно и восторженно ловит любые знаки внимания, жадно и радостно поглощает все слова и порывы, которые свидетельствовали бы о моей любви к нему, к Диме. Я тогда не раз говорила дочери: «Какая чистая у Димы душа! Какие преданные глаза!» И она соглашалась со мною. Когда же я перестала ощущать чистоту его души? Когда это произошло? Почему я это не запомнила?

Я снова плачу

Утром третьего августа в среду у нас было потрясающее сближение, полное любви и страсти. После этого я весь день хожу в любовном мареве, с нетерпением жду вечера и новой встречи с мужем. Знаю, что нас ждет новый виток любви, «раскрутка» наших чувств, как это обычно бывало.

Но Дима приходит в настроении, прямо противоположном ожидаемому мною, — взвинченный, холодный, раздраженный, и что особенно странно, — отчужденный. Он с порога начинает мне выговаривать по поводу ужина — почему не готов к его приходу? Более того, по этому поводу раз-

ражается скандал. Я открываю рот от удивления: претензия подобного рода поступает ко мне впервые за все время совместной жизни.

Спрашиваю с обидой: «А ты хотя бы поинтересовался, было ли у меня время ужином заняться? Я в дом вошла пять минут назад…»

Я работаю на вечерних курсах иностранных языков, и готовка ужина в список моих супружеских обязанностей не входит. Дима всегда сам занимается вечерней едой — готовит для нас обоих. Но сегодня, похоже, он решил распорядок в доме изменить. Его словно подменили или… «накрутили». Может, ему кто-то в уши ввел, как жене следует о муже заботиться?

Шок от полученного удара этим не исчерпывается. В еще большей растерянности я от того, что Дима внезапно пошел на столь острый конфликт со мною. Такого он раньше не позволял себе никогда. Дима как огня боялся малейшего охлаждения между нами, поскольку в этом случае он рисковал остаться без такой необходимой для него порции вечерней ласки. Впрочем, в ласке он нуждался всегда и постоянно — его мужская сила, казалось, была неисчерпаема, и подпитывалась она в равной мере как его темпераментом, так и его чувствами ко мне, его любовью. Отсюда для него вытекала насущная необходимость в моем постоянном присутствии рядом с ним. Ну, и в моем нежном и добром к нему отношении, которое он всеми силами стремился завоевывать и удерживать ежедневно и ежечасно.

И вот с любовью что-то случилось! Нет продолжения, а обрыв, облом! Вместо нового витка любви — ссора. Спим в разных комнатах…

Все в тот вечер казалось мне немыслимым. И это было загадкой, которую я не могла разгадать. А утром…

Наутро Дима уходит на работу, а я еще досыпаю — я в отпуске. Как только открываю глаза, немедленно начинаю плакать. Два часа я рыдаю, не вылезая из постели. Я буквально заливаюсь слезами, ибо у меня нестерпимо болит душа. Все же я встаю, но продолжаю реветь. Уже нет сухих носовых платков, и я принимаюсь сморкаться в тряпочки.

Иду к телефону и звоню мужу на работу. У меня лишь один вопрос: «Дима, почему у меня болит душа? Почему, Дима? Слушай, в понедельник, когда я осталась на даче одна, где-то прозвонил колокольчик. А сегодня ночью, очень поздно, наверное, в два пополуночи, я слышала внизу звуки фортепиано! Дима, почему сегодня все утро мне в голову лезут стихи: «Моя неумолимая судьба ведет меня опять на край печали»? Я твержу их непрерывно! Почему, Дима? Почему так болит душа и сердце рвется на части? Дима!»

Ты знаешь, почему… И я тоже это знаю…»

О Боже, все снова повторяется! Прошло семнадцать лет после того свидания с Григорием, кого безмерно любила я. В тот вечер я была бесконечно счастлива и глядела в глаза ему, веря и не веря в то, что я, наконец, нахожусь пред истинным лицом своей любви, но вдруг услышала странные звуки, разлитые в воздухе, словно невидимый колокольчик прозвенел тихо, тонко и размеренно: «Дзинь-дзинь».

Сердце мое сжалось — я поняла, что означают эти необъяснимые звуки, плывшие из ниоткуда, как будто прямо из космоса. Я поняла, почему при неизбежности финала говорят: «Звоночек прозвенел». Я отказывалась это понимать, только делать было нечего — все равно я знала уже: что бы там ни происходило у нас с ним и как бы долго это ни длилось — нам не быть вместе...

А по ночам — глубокой ночью — меня будили странные звуки фортепиано — кто-то ударял по отдельным клавишам, и они протяжно звучали…

Один раз я встала ночью и написала стихи:

Моя неумолимая судьба
Ведет меня опять на край печали,
Моя неудержимая слеза
Дорогу пролагает в край разлук.
Запуталась надежда
В паутине
Обманутого ожиданья.
Все глуше музыка любви,
Все громче колокольчик расставанья…

И еще я знаю, Дима, что если что-то сломалось на небесах — на земле уже не сложится…

Есть ли у меня выбор?

Я — срубленная лиана. Она еще зелена, но связь с источником питания прекратилась, и распад уже начался.

Я — подстреленная белка. Ее бусинки-глазки еще блестят, но сердечку все тяжелее гнать кровь по сосудам.

Я — угасшая звезда, свет которой продолжает пронзать галактики, хотя самой ее уже давно нет в природе.

Я еще живу, дышу, хожу, ем и пью, и все думают, что я есть, но я сама не понимаю, то ли есть я, то ли меня нет. А какая я была — я уже забыла…

Присутствие Димы в доме особенно больно напоминает мне о том, чем я была еще недавно и что безвозвратно (неужто?) кануло в Лету. Мой муж попрежнему со мною рядом — со мною его голос, лицо, глаза, руки... Все такое родное, узнаваемое. Даже тепло его души и тела — те же. Когда мы рядом, я ощущаю — он все тот же. Тот, да не тот! Запускаю свое сердце в него, запускаю всю себя, свою любовь — и не нахожу ничего. Блуждаю по уголкам его души, заглядываю в каждую щелочку — пусто, ничего не нахожу! Нет ничего!

«Не мой! — шепчу я в отчаянии ночью у плеча моего мужа. — Не мой Дима, чужой! Мой Дима, где ты?»

Разве этим человеком я была так любима? Безмерно любима. Разве не он еще недавно становился передо мною на колени, одевал мне туфельки? А пару-тройку месяцев назад — в июле, на мой день рождения, — разве не он безумствовал и закатил мне истерику лишь из-за того, что я вовремя не сняла трубку телефона! Но в сентябре уже все. Конец любви! Разве так бывает? Огромная любовь месяцами, годами истощается, истончается — незаметно, невидимо; истекает по капельке, по ниточке рассеивается…. Возможно ли, чтобы она вдруг схлынула мгновенно — слетела, скатилась, унеслась — как лавина, как водопад, как торнадо?

Я была счастлива еще недавно. Я была счастлива очень — тем горше мне сейчас. Все ночи у меня теперь тяжелые, бессонные — а я ведь всегда спала спокойнехонько. И что делать, куда кидаться? Отчаяние завело меня к гадалке. На этот шаг мне нелегко было решиться — пришлось ломать себя, ломать свои неслабые и не сиюминутные православные принципы, выпестованные годами, постами и молитвами…

К гадалке пошла, потому что уже «крыша ехала» и с ума сходила — отношения зашли в такой тупик, что я в них ничего уже понять не могла — ни

причин, ни следствий, ни последствий. Ясность была нужна позарез, она была превыше всего. Что ж, ясность я обрела. Ту, что меня устроила, успокоила. Успокоила в том смысле, что я хотя бы стала ориентироваться в происходящем со мною, с нами. Смогла выработать план действий, принимать решения, ну, хоть как-то шевелиться. А чтобы «шевелиться» и действовать, надо было понимать, куда двигаться и что предпринимать. Еще я надежду получила на то, что смогу что-то исправить в моих отношениях с Димой, что мне удастся задержать процесс распада любви и семьи, а может, даже обратить его вспять. Важно было и то, что мои предчувствия и ощущения по поводу всего происходящего между мною и мужем совпали с тем, что я услышала от гадалки. Я получила подтверждение тому, что в моей жизни была совершена подлость, а узнав об этом, я, как борец, восстала против нее, возмущенная нечестной игрой и горя желанием отвоевать украденное у меня — чувство и счастье... Да-да, необходимо вернуть все утраченное, нужно победить врага и восстановить справедливость!

Что ж, я не пожалела, что пошла к гадалке, о нет. Она меня подхватила в падении, «в раздрызге», и из тупика на свет божий вывела. Я ей по гроб благодарна. Как ее осудить? Никогда. Я же должна быть последовательной и логичной в мыслях и чувствах! Любому человеку за правильную информацию и добрый совет мы говорим «спасибо», так гадалка — чем хуже? Пусть ее вся церковь осудит, а от меня ей большое спасибо — я человек благодарный! Я благодарна ей за советы дельные и компетентные, за всю информацию, которую она мне дала. И я оправдала внутри себя и для себя свой визит к ней, ибо получила весомый и очень важный для себя, для своей жизни результат. Тем не менее с религиозно-церковной точки зрения я оказалась в серьезной «закавыке» — ведь по моим действиям и даже мыслям меня может осудить и, при случае, осудит всякий христианин, не то что священники, и потому я даже в церковь идти боюсь. Как исповедаться? Как причащаться? Вот я уже и не знаю, отчего мне хуже — от той ли ситуации, которая у меня сложилась с Димой, или оттого, что я вынуждена с нею, с этой ситуацией, предпринимать. Раньше, когда было тяжело, когда что-то не складывалось, я шла в церковь, молилась, иногда постилась, и как-то все устраивалось, выпрямлялось. А сейчас в моей жизни все протекает иначе — каким-то мистическим, непостижимым образом, и словно ничто уже от меня не зависит, и даже от Бога не зависит. Любое мое действие, словно по волшебству, претворяется в противодействие, и я захожу во все больший тупик. Ни церковь, ни причастие облегчения не приносят. Впрочем, я дошла уже до точки, когда и молиться-то не в состоянии! Выяснилось: чтобы молиться — тоже нужно «быть в состоянии»!

…Психика моя разваливается, не выдерживая не только резкой перестройки отношений в семье, но и рассогласованности убеждений и действий — отступления от православия, слома жизненных принципов…

А какие мысли завелись у меня в голове, и я ими жонглирую, как ребенок, бездумно и уже привычно. «Словно по волшебству». «Независимо от Бога!» Иногда ловлю себя на том, в какую ужасную «прелесть» впадаю, допуская в мое сознание эти негожие для православной христианки мысли! Однако мне настолько уже все равно, и я так смертельно устала, что совершаемые грехи больше не расстраивают и не пугают меня. И потому в мозгах такая каша творится-варится — сесть бы да разобраться в тишине и покое. Какое там! Всю так и колотит! И сознание, как в ознобе, как в лихорадке: в «котелке» температура до критической отметки поднялась. А что за спрос с больного человека, даже если у него болит не тело, а душа. Вот с телом-то как раз все

в порядке! Несмотря на глубокое нервное истощение и при всех осенних перепадах температур и погоды, несмотря на бесчинство гриппа и разных вирусов, меня ничто не берет — я здорова как бык, словно лихорадка эта внутренняя, от которой меня колотит с утра до ночи, сделала меня только сильнее, сделала неуязвимой. Меня питает и держит на ногах эмоциональный заряд, который сформировался как результат и как энергетическая квинтэссенция всех моих мыслей и чувств. Он не только держит меня в напряжении и в полном здравии — он мне вместо еды и питья, он дает силы. Как алкоголь для алкоголика.

Чары

Димина любовь к Ней… Ее отголоски я чувствую в своей душе: она такая изысканная, такая красивая! Нежная-пренежная — так он меня любил еще недавно. А сейчас эта любовь направлена на другую, и любовь его, пожалуй, даже и нежнее, и красивее, чем ко мне была. Что ж, можно его понять, его нынешние чувства, коли такая красивая любовь возникла у него… к той женщине — молодой и интересной, наверное, и …

Ее образ, он тоже у меня в душе — такой прекрасный, такой… прелестный. Слишком хороша она! И женщина, и любовь эта. Все как из кино. Не как в жизни. Все какое-то ненатуральное и ненастоящее. Поддельное, прелестное… Да-а-а… Слова-то какие… и состояния: прельщение… очарование… чары… Вот-вот, все трансформируется так… словно по волшебству! Только почему — «словно»?

Присутствие волшебства я откровенно чувствую в душе и в жизни — в моей, и в Диминой, и в том, как все меняется между нами, как все происходит — странненько, непонятненько и… бурненько: торнадо… лавина… Но при этом во всем, что происходит, имеется нечто неуловимое, еле различимое, почти невидимое. Нечто хитрое, поддельное, искусственное — какой-то подвох во всем. И я — словно не в жизни, а на сцене. И не живу, а в какой-то игре участвую. Вот-вот — со мной ведут игру, нечестную игру. К тому же очень злую и подлую, но при этом весьма искусную и тонкую, так что злой и негодящей выгляжу только я. О, здесь настоящее искусство! И подмена, и подлог. Тут такая ловкость и такое хитросплетение! Искусная игра! Хитроумная игра! Не игра, а подстава! В ней все поддельное и ненастоящее.

«Поддел…», «подвох…» Я вращаюсь в какой-то новой понятийной системе, в ней я оказалась поневоле, и теперь мне приходится перестраиваться — перестраивать мое самосознание, мышление, оценки мира, людей и себя. А система не просто понятийно-психологическая, она — мировоззренческая. Только разве… я не всегда жила в этой системе, разве не всегда я в ней находилась? Я в ней находилась, только не осознавала волшебство, поскольку оно не было выражено так явно. Но оно до меня доносилось, задевало каким-то образом, оно просвечивало, например, сквозь природу. Когда я любовалась лесом, полем, озером, каким-либо чудесным пейзажем, меня часто охватывали какие-то непонятные мистические чувства. Особенно когда любовалась закатом. Мы ведь часто говорим: «Какой *волшебный* закат!» И в воздухе, и в природе часто бывает разлито такое *очарование*! «Все как *зачарованное*», — говорим мы. *Чары* висят в воздухе, проявляются — природа их отражает, воспроизводит…

А еще в этой понятийной системе есть нечто очень важное — то, что я ощущаю, схватываю, но чему пока не нашла определения. Хожу вокруг да

около. Нужное слово — вот оно близко, у виска, оно рядом, я к нему то приближаюсь, то отдаляюсь, но ухватить за хвост пока не могу. Оно как-то связано с этими странными новыми мыслями в голове, на которые я уже не смотрю пренебрежительно, поверхностно и походя, а с которыми вступила в определенные взаимоотношения — материальные и реальные, пронзительные и… пронзающие. Они пронзают мою жизнь, мою любовь, меня саму…

С этим как-то связана его любовь к *ней*, к другой, которую я чувствую в своей душе! Чувствую постоянно — занозой в сердце. Разве нормально чувствовать в душе чужую любовь? Словно это и моя любовь тоже. Словно мы втроем в одной любви участвуем, одно чувство на троих делим, причем весь выигрыш от этой любви переходит к ней, а я — в вечном проигрыше, я все отдаю и ничего не получаю взамен. С меня все чувства скачиваются, у меня отнимается все хорошее, и потом уходят, пропадают, падают в бездну. А вот к ней, напротив, к ней все прибывает и прибывает, она все только получает. Ей хорошо — она цветет и пахнет…

У меня возникло подозрение, что мое сопротивление и все мои попытки укрепить любовь, возродить ее — только на руку моему врагу: я из последних сил любовь накапливаю, всю ее Диме отдаю, только она словно мимо него проходит и уходит… в совершенно иные сферы или руки. Получается, что я себя обессиливаю, обесточиваю, но при этом пополняю любовные силы иных действующих лиц. Получается, что я очень хорошо кого-то подпитываю своей любовью и даже просто своей душою, душевными силами. Да и физическими тоже. Главное, что кто-то к моей прекрасной любви подобрался и на ней роскошествует, пирует, в общем, опять-таки цветет и пахнет. Я же медленно, но верно загибаюсь. На любовь эту я растрачиваю не только всю свою душевную энергию, но и все жизненные силы, здоровье. Я выкладываюсь, выворачиваюсь наизнанку, но без пользы для себя, зато с пользой для других, для иных, а себе я наношу непоправимый вред. Игра идет в одни ворота, и безразлично, кто и как бьет по мячу! Все равно все голы — у Диминой любовницы. Господи, какая несправедливость! В душе у меня немой крик. Я кричу, реву от возмущения и несправедливости — из-за того, что меня обворовывают низко и подло, что отбирают и уносят все мои прекрасные чувства и разнообразные душевные накопления. Забирают, трансформируют, преобразуют и под новым соусом преподносят Диме — на тебе, пожалуйста, вот тебе прекрасная любовь, еще лучше прежней. Хотя прекрасная эта любовь не ее — моя! А я на фоне этой моей-ее любви — уже вычищенная изнутри, опустошенная я, плоская и неинтересная — как такую любить можно? Кому я такая нужна?

Разоблачения

Помните анекдот: «Как жизнь?» — «Бьет ключом, и все по голове!»

По голове меня сейчас «бьет» практически каждый день. Да как бьет! «Больно» — это не то слово. Сейчас, когда с той поры несколько лет прошло, я даже удивляюсь, насколько я была сильна тогда, что устояла и выдержала всю эту цепь жестоких событий, долбивших мою бедную головку безостановочно и беспощадно.

Вот я решаюсь на визит к гадалке, а через несколько дней у меня появилась маленькая отдушина, и я очень надеюсь, что удастся «перевести дух»: мы с Димой едем на дачу — надо завершить сезон осенних работ, собрать зимние яблоки и груши, привести участок в порядок перед зимой.

Погода чудесная, день обещает быть прекрасным — бабье лето на дворе. Это поднимает настроение, внушает надежду на лучшее будущее, на возможность некоего чуда. Мне очень хочется восстановить справедливость и вернуть то, что принадлежало моей душе. А украденная любовь — она моей душе принадлежала, она на ней была завязана! Я искренне верю и надеюсь, что мне удастся отвоевать свое добро, свое достояние; я верю, что я это сделаю. Во всяком случае, настроена я решительно — любовь и правда должны торжествовать на земле!

Итак, мы едем и едем на Диминой машине, поскольку она более вместительная, чем моя, а нам много чего надо с дачи увозить. Поэтому Дима за рулем и просит меня что-то из бардачка ему подать. Я начинаю рыться и искать требуемое. Вещица сразу не находится, и потому я начинаю все по очереди из бардачка выгребать и складывать себе на колени — предмет за предметом, предмет за предметом, пока у меня в руках не оказывается… презерватив. Я беру его и укладываю рядом с прочими вещами, затем протягиваю руку за следующим предметом… И тут до меня доходит, что произошло: ведь мы-то с мужем презервативами не пользуемся — я пью гормональные таблетки. Снова беру свою находку в руки, демонстрирую ее Диме: это что такое и как тут оказалось? Хорошо, что Дима классный водитель, но если бы он в это время ел, то конечно бы поперхнулся. В общем, именно такое впечатление я и получаю: Дима мычит в затруднении и набухает от злости, словно это не я у него, а он у меня нашел презерватив. Наконец он формулирует свою версию:

— Да это еще с той поры валяется, как мы с тобою познакомились...

— То есть, уже четыре года валяется.

— Да.

— Но мы с тобою презервативами не пользовались никогда — с самого начала наших отношений. Я все время принимаю таблетки!

Дима понимает свой промах и пробует подкорректировать версию:

— Этот презерватив мне по наследству достался — лежит здесь еще с той поры, как я машину купил у Володьки; я этот бардачок не чистил — он там всю жизнь валяется.

Машине, как и нашим отношениям, четыре года. Покупалась она почти одновременно с моею, и знакомились мы с Димой тогда же.

— Значит, презерватив лежит здесь уже четыре года, и за это время его никто никогда не обнаружил и не выбросил?

— Да!

— Вот как…

Я озадачена тем, как он нагло врет. Именно этим я сбита с толку и не знаю теперь, с какого боку, так сказать, подступиться, как парировать. Я-то играю по правилам, а Дима — нахрапом берет, по-наглому, лишь бы отбрехаться.

Я кручу презерватив в руках. Эх, если бы на нем обнаружить хоть какой-то штамп или дату. Ведь на презервативах положено ставить даты! Что за левая продукция? Дима углом глаза наблюдает за мною. Увы, нет ничего! Такое впечатление, что кто-то с облегчением выдыхает? Или мне показалось? Я пробую еще что-то сказать, но Дима орет как бешеный:

— Все, ухожу, надоела мне эта нервотрепка, эти бесконечные придирки и подозрения!

Я замолкаю — «затыкаюсь», так сказать. На дачу мы приезжаем оба взъерошенные, молчаливые, готовые при малейшей возможности атаковать друг друга.

Тут я вспоминаю, что в мае нынешнего года мы привезли на дачу новую плиту, подаренную подругой за ненадобностью. Это было очень удачное приобретение, ибо наша старая дачная плита представляла из себя нечто невразумительное. В общем, мы плиту привезли опять-таки на Диминой машине, однако возникла одна очень неприятная загвоздка: выяснилось, что нет ключей от дачи, и потому в домик войти нельзя, а значит, невозможно произвести перестановку плит и забрать старую плиту — вывезти ее куда-нибудь на свалку. И что делать с новой, привезенной плитой — не везти же ее обратно домой, не тащить на четвертый этаж? Пришлось делать большой реверанс в сторону соседей, с которыми у нас отношения были подпорчены, и просить оставить у них на участке привезенную плиту, поскольку на нашем участке забора не было и плиту могли украсть.

При чем тут проблемы с плитой? — скажете вы. А вот тут мы и дошли до самого интересного: дело в том, что в каждой из наших машин имелось по комплекту дачных ключей, и хранились они, естественно, в бардачках автомобилей. Таким образом, независимо от того, на какой из машин мы на дачу выезжали, ключи от дачи мы забыть не могли — ни при каких обстоятельствах. Вот так мы страховались на случай особо тяжелой, двойной, так сказать, рассеянности. Но в тот несчастный день, когда была привезена на дачу плита, в бардачке Диминой машины ключей не оказалось. Само собою разумеется, что бардачок мы тогда перерыли вдоль и поперек несчетное число раз, и каждый собственноручно. Когда же пропажа ключей была установлена, Дима выглядел как-то странно. И лицо его исказила непонятная гримаса… Я запомнила это выражение — оно удивило меня: у него был такой взгляд, такой вид, будто он понимает или догадывается, почему пропали ключи, или он, возможно, знает, кто может быть причастен к этой пропаже. Я даже спросила его тогда, не догадывается ли он, куда подевались ключи. Только вразумительного ответа не получила.

Сейчас я напоминаю мужу об этом эпизоде. Но с равным успехом могла бы этого и не делать. Разве в такой ситуации, как наша, это уже на что-то влияет? Или меняет? Изменить точно уже нельзя ничего! В общем, Дима фыркает и уходит подальше от меня — копается где-то за домиком. Ну, а я залезаю на зимнюю грушу собирать фрукты. В груди у меня многочисленные вопросы и разносторонняя боль, и я начинаю потихоньку напевать, бравируя этой болью. Отважно и почти небрежно устремляюсь на самую верхотуру груши. И в этом риске и в распевании, которое становится все громче, чище и увереннее, — мой вызов Диме и всему тому, что творят со мною сейчас жизнь и люди. Все мои песни — из того периода, когда накал страстей самый высокий — из юности, конечно. Тогда все пелось под гитару — громко и с большим чувством, и тогда все происходящее в жизни и в песне казалось таким серьезным! Впрочем, других песен из более поздних времен, да таких, чтоб смогла допеть до конца, я все равно не знаю.

Что ж, начинаю с высокодраматичного хита старшеклассников:

— Прощай, прощай, моя любовь, прощай!
Не в силах я скрывать свою печаль.
Не целовать мне больше губ твоих,
Я буду долго вспоминать о них.

Привлеченный и заинтересованный моим пением, Дима является из-за домика и начинает мне активно помогать со сбором урожая, принимая ведра, переставляя лестницу и сдержанно давая советы по поводу того, где и какие

фрукты лучше срывать. Приносит и длинный шест со стаканчиком для съема груш и начинает снимать те, что особенно труднодоступны. Он явно обеспокоен тем, как я веду себя наверху, и стремится упредить и урезонить меня и всячески обезопасить мои рискованные движения на грушевом дереве. Дело идет в три раза быстрей — вот что значит настоящая мужская хватка. Но самое главное, что при любых обстоятельствах Дима не теряет заботливости и галантности. Он во всем настоящий кавалер — до мозга костей. Такой реальный стопроцентный мужчина. Теперь, когда я его теряю, в полной мере оцениваю все его лучшие — величайшие — мужские качества. А главное, я теперь в полной мере понимаю, что он мне дорог и любовь его дорога. Неужели нельзя ничего поделать? Переделать? Размеры моей горечи и так немалы, а все происходящее делает ситуацию, в которой я оказалась, еще горше. Полный тупик!

Мой голос крепчает, я затягиваю другую песню:

— Эх, гостиница моя, ты гостиница.
На кровать присяду я — ты подвинешься.
Занавесишься ресниц занавескою —
Я на час тебе жених — ты невеста мне.

. . . .

Наплывает слез туман, а в глазах укор.
Обязательный обман — умный разговор.
Сердце врет: «Люблю, люблю», — до истерики.
Невозможно кораблю без Америки.

Ничего у нас с тобой не получится —
Ты привыкла голубой мукой мучиться.
Видишь, я стою босой перед вечностью,
Так зачем косить косой — человечностью.

Тема песен, слова, — все это весьма плотно совпадает с моим внутренним состоянием: одна драма подчеркивает другую, внутреннее напряжение обретает форму, выходит наружу, звенит и вибрирует в воздухе. В этот момент я сильна, я — почти победительница.

Нельзя сказать, чтобы мое пение и песни не возымели никакого действия на Диму — ведь человек он чувствительный, да и драма в его душе такая же, как и в моей, и его жизнь ломается вместе с моею. Но, увы, тем не менее, наблюдая за Димой в эти дни и часы, я увидела, уловила во всех его повадках, действиях и словах некую жесткую внутреннюю обусловленность и зависимость от чего-то или кого-то иного — не от меня, не от нашей жизни, конечно же. И в этом была неумолимость и безысходность для меня. Я видела, что он по своему новому пути идет, как по железным рельсам катит, — такая предопределенность и зависимость от этого пути была в нем. И сам он — как железный паровоз на этом пути — смахнет с него не глядя любого, кто помешает, и не остановится — раздавит всех и вся, кто на этом пути попадется. И я видела, что мне его с этого пути не свернуть. Им уже управляет другая сила, выше, чем все происходящее вокруг, и превосходящая все мои возможности, мыслимые и немыслимые.

Наличие у него любовницы Дима отрицает категорически, невзирая на факты: «Нет у меня никого!» При указании ему на все те промахи, которые характеризуют мужчину, ведущего двойную жизнь, Дима злится или корчит обиженную физиономию, заявляя, что у меня поехала крыша и жить так невыносимо. Уходит к себе в комнату, иногда хлопнув дверью, и начинает смотреть кино, ясно давая понять, что я со всеми моими заморочками ему малоинтересна.

При этом в моменты отдушин и примирений Дима твердо стоит на своем: никаких романов у него нет, я по-прежнему одна-единственная у него. Ну, а любовь, а чувства? Если они и изменились — так я сама их из него вышибаю своим поведением и отношением. Он-то со мною расставаться никак не собирается, если только я сама чего-либо не утворю; в общем, мой муж по-прежнему готов быть со мною вместе до победного конца, то есть до могилы.

Удивляюсь тому, как тверды и непоколебимы мужчины во лжи; как стойко прикрывают своих любовниц и свои отношения на стороне. И не подловить их, не выкурить, как пчел из дупла. Такая верность любовницам наблюдается, такое… джентльменство. Вон где их настоящая душа вибрирует всеми фибрами — на стороне, не дома!

Неожиданно сломавшаяся жизнь ломала волю, характер.

Несколько раз хотелось напиться, несколько раз я доставала бутылку водки, давно заброшенную в бар. Бутылка была куплена на случай неожиданных гостей. Доставала и разливала по рюмкам, предлагая Диме составить мне компанию. Выпивала с удовольствием, с наслаждением — одну рюмку, вторую, третью… Хорошо поняла, прочувствовала, что значит «хотеть выпить». И почему выпить хочется.

Вино мы с Димой пили довольно часто, то, которое я привезла из Италии, хорошее, добротное. А когда оно закончилось, восстанавливали запасы, как правило, в фирменном магазине и уж не самое дешевое брали. Обычно за обедом или за ужином выпивалось по полбокальчика, да и не каждый день, а под настроение, иногда. В общем, два-три раза в неделю, не чаще. Водку мы оба не любили, пили ее крайне редко. Но в нынешнюю изнурительную осень стали «прикладываться» — не из любви к продукту, а чтобы смягчить… мне — боль, а ему… напряжение, наверное. Думаю, что выпивал он со мною просто за компанию и не слишком охотно. Думаю, что дома ему было неприятно и тяжело — он отбывал повинность. А на самом деле он был влюблен и счастлив — тем неопределенным счастьем, которое может дать любовь, происходящая во лжи, в напряжении, в постоянном изворачивании и выворачивании себя. Ведь дома — разруха. А на работе — любовь! Пусть запретная, пусть ворованная, пусть урывками да украдками. Ну, а любовница его — я ведь выяснила позже — очень молодая женщина. На полгода моложе его дочери. Короче, седина в голову — бес в ребро. Правда, невзирая на молодые годы, дивчина с крепким характером. Держит «добро-старо-молодца» в ежовых рукавицах. Свою семью рушить не собирается, с мужем своим расходиться и не думает. Какое уж тут счастье, когда Дима привык у ног своей возлюбленной дамы находиться денно и нощно в прямом и переносном смысле слова! Во всяком случае, так было со мною…

…В общем, водка стала появляться на нашем столе и по праздникам, и по будням. Конечно, я не упивалась и не напивалась. Это был мой способ смягчения душевной боли и… ну, чтоб не стучаться головой о стенку, чтоб не выброситься в окошко…

Раньше успокоение приносила молитва, посещение церковной службы. Но с некоторых пор все это отступило. Как оказалось, все это пригождается, когда твое состояние… ну, в рамках нормальной жизни и здоровой психики. А когда ты на грани истерии... Рюмочка, водочка не давали в истерию «кувыльнуться», останавливали нервный срыв. Ну, правда, больше чем на три-четыре рюмки я не разгонялась, все-таки работа... Зато курить стала «как «матрос». Тут уж я ничего не могла с собою поделать.

Курить я пробовала в юности, в старших классах, но быстро бросила — решила, что курение плохо влияет на память. (А мои подружки, кстати говоря, по прокуренным туалетам и поныне все стоят.) Только в эту осень я сломалась — сломался весь мой хваленый самоконтроль, и все полетело под откос. Мне не удавалось справиться с разрушительной ситуацией в семье, и я принялась курить. И чем сильнее было страдание, чем сильнее я нервничала, тем большее количество сигарет выкуривалось.

Ранее, в прежней жизни, на веселых гулянках с друзьями я могла себе позволить «за компанию» парочку сигарет за вечер. Не больше двух, ибо от трех сигарет мне уже плохо становилось… А если учесть тридцатилетней давности бронхит… в общем, курить мне было нельзя категорически… А тут стала выкуривать до пятнадцати сигарет в день.

Мысль о том, что я гублю себя безвозвратно, конечно, присутствовала на заднем плане сознания, но трогала меня лишь мимоходом, — важнее было заглушить боль сиюминутную и всегда внезапную, которая резким порывом врывалась в душу почти по часам — по часам их свиданий. И я никак не могла этому противостоять, ибо душа и аура, и вся моя энергетика были настроены на частоту энергий моего мужа! Так что я хватала пачку сигарет и неслась наверх, на площадку восьмого этажа, и смотрела на чудесный, любимый мною пейзаж, невидимый из-за льющихся слез. Эх, отольются ли мои слезки тем, кто был их причиной? Об этом я каждую минутку спрашивала у Бога, а еще пытала его о том, когда наступит и наступит ли конец моим страданиям. Хотела я лишь правды и честности в отношениях и просто снисхождения к моему страданию. А мечтать о его прекращении было, наверное, такой же недоступной реальностью, как увидеть алые паруса. И все же и тогда я зла своим врагам не желала. Прежде чем обвинить, прежде чем разогнаться на злое в душе, я говорила «стоп» и искала оправдания другим. Разве можно винить кого-то за любовь? А любовь — это и есть высшее оправдание!

Нужен ли мне психотерапевт?

Моя дочка, Зарина, в ужасе от того, что со мною происходит!

Каждый день она наблюдает за тем, как я мечусь, как страдаю. Выслушивает все мои донесения «с поля боевых действий», все мои откровения и признания о том, как развиваются, а точнее, сворачиваются, мои отношения с мужем. Я рассказываю ей во всех подробностях о том, что говорила гадалка, и порядком надоедаю разговорами о порче, чарах, черной и белой магии. Когда ночью меня мучает бессонница и мною овладевает неконтролируемое возбуждение, я иду спать к дочери. Поначалу она ворчит и ругает меня, поскольку высыпается плохо, а работать ей надо много. Но постепенно смягчается и сама приглашает к себе спать, видя, что ситуация стала совершенно критической, и я, оставшись наедине со своим страданием, с ним уже не справляюсь.

О том, что моя дочь мне сопереживает, я скорее догадываюсь, чем чувствую, ибо открыто она свои чувства не выражает, но начинает усиленно давать разные советы — сходить к врачу, в баню, в церковь, попить что-либо «для мозгов», например, но-отропил или «от нервов», например, настойку пиона. Заваривает валериану и носит мне ее ежедневно. Начинает настаивать на визите к психотерапевту.

В душе я только улыбаюсь всем этим маленьким и деликатным ухищрениям, направленным на то, чтобы помочь мне выйти из кризиса. Как мне объяс-

нить дочери, что дело не в нервах, и психотерапевт для меня в этой ситуации «как мертвому припарка». Я не могу погрузить ее во все те потоки энергий и ощущений, которые колесят во мне ежедневно, но отнюдь не беспричинно. И которые, между прочим, четко доносят до меня суть происходящего.

Наконец, с огромной долей скептицизма, и скорее, чтобы доставить дочери удовольствие, а не по убеждению, я соглашаюсь на визит к психотерапевту, и восьмого ноября мы вместе отправляемся к специалисту, которого кто-то Зарине порекомендовал.

Мой рассказ врачу больше похож на отчет, и я веду его во всех подробностях от самого начала событий: рассказываю о моих снах, о «занозе», об ощущении бесповоротности потери и о том, как невидимая сила растягивает меня с мужем по разные стороны жизни.

Врач спокойно и внимательно меня слушает, все время согласно и ритмично кивая головой. Я никак не могу взять в толк — то ли она действительно со мною соглашается, то ли у нее подход такой, чтобы не обижать, а поддержать пациента. Наконец я не выдерживаю это немое одобрение, которое мне кажется неправдоподобным и нарочитым, и задаю ей вопрос в лоб по поводу всего произошедшего со мною: что же она все-таки думает обо всех этих аспектах и темах — о порче, о моем состоянии, о том, что со мною в действительности происходит.

— Все, что с вами происходит, и то, как вы это оцениваете… В общем, так оно и есть! Это все правда. Мы, врачи, в похожих ситуациях различаем и предлагаем три вида медицинской помощи: на неврологическом уровне ее оказывает врач-невропатолог, на психическом и психологическом — врач-психотерапевт, это, собственно, сфера моих интересов. Ну, а на энергетическом уровне, а это ваш случай… Я в таких вещах немного разбираюсь и экстренную помощь своим близким могу оказать, но только близким… Вам я помочь не могу…

При этих словах я, наверное, впервые поднимаю глаза на врача и смотрю ей прямо в лицо, смотрю с удивлением. Только что я чувствовала себя перед ней виноватой никчемной девочкой, рассказывающей сказки и всякие странности. Ведь я уже привыкла к тому, что практически все, с кем я на «эту тему» заговариваю, считают, что у меня «крыша поехала». Исключение составляет лишь небольшая группа людей, знакомых с эзотерическими науками, интересующихся астрологией, хиромантией, всякого рода оккультизмом либо йоговской и медитативной практикой. А тут у врача, у медика, у дипломированного специалиста я неожиданно нахожу такую необходимую для меня поддержку! Как хорошо и кстати, что моя дочь пришла вместе со мною и слышит заключение доктора. Но может, наш специалист шутит? Вовсе нет. Психотерапевт спокойно продолжает:

— Да, все это есть, все это существует, каким бы необычным оно ни казалось. Под руководством академика Верещагина в Петербурге давно работает научно-исследовательский институт, который непосредственно занимается изучением технологий воздействия на энергетическое поле человека…

Ну, а что касается вашего мужа конкретно… Неудовлетворенность «внутренними» отношениями в семье — с женой, с супругой, со своей женщиной — приводит к нарастанию внутреннего напряжения между двумя людьми. Муж, мужчина, не выдерживая этого напряжения, ищет «третий угол», то есть место, где он может разрядиться, или человека, с которым может это сделать. Для кого-то «третий угол» — это рыбалка, охота, баня, а для кого-то

это собутыльник или… любовница. Все зависит от характера и склонностей мужчины…

Визит к психотерапевту приносит неожиданное облегчение и некоторый прогресс в мои отношения с дочерью и в мою жизнь. Наконец-то у меня появился весомый аргумент против всех скептиков и «здравомыслящих»!

Слежка

По утрам я с болью наблюдала, как Дима наряжается, прихорашивается, меняя каждый день рубашки и галстуки, а на меня не обращает практически никакого внимания, всецело занятый тем, как он выглядит. Раньше на работу он одевался, как на стройку, ведь каждый день ему приходится что-то переставлять, передвигать, приколачивать, ремонтировать, на себе носить, да и мало ли по каким пыльным углам приходится отираться в архиве, где в фондах — в хранилищах и на полках — сотни и тысячи папок с документами. Но последнее время он выглядит скорее как директор архива, чем как завхоз, хотя отделы, фонды и пыль на папках все те же самые.

Я стою в прихожей, провожаю его на работу, слезы неконтролируемым градом стекают у меня по щекам, а Дима метким оком целится в свое изображение в зеркале, отслеживая движение расчески по волосам, и делает вид, что ничего не замечает. Идет к своей полочке в серванте, бубнит раздраженно: «Эта туалетная вода мне не нравится, а хорошая уже заканчивается, надо бы купить такую же…» Тщательно себя опрыскивает со всех сторон, равнодушно, почти с усилием, целует меня, отводя глаза в сторону: «Ну, пока…»

А я в полушоковом состоянии не только от боли, но и от растерянности, и от ужаса из-за тех перемен, с которыми мне приходится столкнуться так неожиданно и внезапно.

Туалетная вода у него плохая! Хорошая причина, чтобы расстраиваться! Ах ты, «сомилье» хренов! Эксперт по туалетной воде! Качество туалетной воды его беспокоит больше, чем все, что между нами происходит! Обзавелся-то он этими «водами» всего лишь пару месяцев назад, как раз когда вышел из отпуска. А четыре года до этого ничем, кроме одеколона, не пользовался!

До этой несчастной осени Дима мне всегда казался таким добрым, таким безотказным во всем! Но вот сейчас, когда дело коснулось его «глубоко личных» интересов, ему откровенно плевать на всех и вся, кроме него самого. Самое глубокое страдание, самая пронзительная душевная боль его нисколько не трогают и не задевают — он для них просто непроницаем и неуязвим. Если бы я рядом видела такое страдание, которое он сейчас видит возле себя, я и двух минут не продержалась бы — смягчилась, пожалела, как минимум. А он — нет. И не жалеет, и не смягчается, и все спокойно выдерживает, и его нимало не трогает то, как я корчусь от боли рядом. Умри я сейчас у его ног — он и глазом не моргнет! Я поражаюсь его жестокости. Я поражаюсь тому, как мало его знала и знаю, и тому, какой собственной противоположностью он вдруг предстал передо мною в эти дни — насколько он холоден, жесток, лжив, коварен. Обманывать, лгать, изворачиваться, придумывать всякие поверхностные, явно «за уши притянутые» объяснения для своего стопроцентно изменившегося поведения и отношения ко мне — ну, он в этом просто как рыба в воде, словно всю жизнь так и жил. Впрочем, во лжи он и в самом деле поднаторел, если учесть, что первой своей жене он изменил со второй, а второй жене изменял еще с кем-то... И так далее…

Все во мне протестует против откровенного, ничем не прикрытого обмана, и особенно против наигранного возмущения оскорбленной невинности, которую он из себя строит и каждый день передо мною разыгрывает. Как! Я его в чем-то подозреваю? Как! Я смею в нем сомневаться?! Ну и что, что пошли чистые рубашки и дорогие парфюмы, а объяснения в любви и вообще интерес ко мне — прекратились. Я сама во всем виновата! Это я к нему интерес потеряла! Это мне какие-то непонятные друзья звонят и поздравляют с днем рождения (день рождения был в начале лета, только давно уже осень на дворе). И вообще он практически уверен, что у меня в офисе и до работы, и после — свидания с мужчинами.

И вот крой чем можешь! Крыть просто нечем и незачем. С таким же успехом я могла бы объяснять, что я не жираф. От такой наглости я немею, тупею, задыхаюсь от возмущения и, объятая праведным гневом, решаю вывести подлеца на чистую воду. Я начинаю за Димой наблюдать, а затем — и откровенно следить. Сначала я обращаю внимание на то, что он теперь регулярно берет на работу сигареты, хотя курильщиком не является, скорее, он противник курения. Правда, иногда в выходные на даче мы можем выкурить после кофейку по сигаретке. Вот и все. Вчера же, в воскресенье, когда возвращались с дачи, он остановил машину у киоска специально для того, чтобы купить сигарет, а сегодня, после первого рабочего дня, я потихоньку заглянула в карман: в новой пачке не хватает шести сигарет, значит, три раза курили на пару — угощал свою даму, ибо один он столько не выкурил бы, все-таки некурящий. Я выясняю у Димы, где у них на работе место для курения, поскольку внутри архива курить запрещено. Курят на заднем крыльце. Я нахожу удобный наблюдательный пункт позади архива и несколько часов наблюдаю за крыльцом. Дима там не появляется ни разу, хотя другие курильщики на крыльцо выходят регулярно. Зато в этот день я недосчитываюсь восьми сигарет. Начинается разборка. Для пущей убедительности я утверждаю, что слежка длилась целый день. «Угощал знакомых», — парирует Дима.

— Где угощал, если вас не было на крыльце?

— А пошла ты…

Далее Дима не считает нужным объясняться и уходит, возмущенный моим поведением и слежкой.

Я пробую выяснить, где может быть место для его встреч с любовницей. Два-три раза мне удается незаметно проскользнуть в архив с заднего крыльца и обследовать подвальные помещения, даже замираю там в разных точках в обеденный перерыв (ведь я знаю точно, что они видятся в это время, — об этом мне говорят мои ощущения, мое рвущееся от боли сердце, мои звонки ему на сотовый, на которые он не отвечает, ибо «отключен»), но и это не дает никакого результата.

С той поры прошло две недели. Такой срок я дала себе, чтобы все это терпеть, хотя каждый день и спрашивала себя: «Зачем мне продлевать страдания?» И каждый день был невыносим. А следующий — был еще невыносимее... Но так хотелось… даже не возмездия, нет — торжества справедливости. Пусть даже это звучит высокопарно. Не удалось. Не вышло. Не получилось. Торжества справедливости не получилось. Ну что ж, придется обойтись без «торжества», зато есть повод для другой радости — я могу, наконец, прекратить свое страдание!

И вот, вернувшись домой из архива после очередной слежки, измученная, замерзшая, измотанная физически и духовно, я дожидаюсь Диму с работы —

жду его с особым нетерпением — чтобы почти с порога бросить, прокричать с плохо скрываемой злой радостью:

— Все. Расстаемся!

Да, Дима, пуд соли мы с тобою не съели и уже не съедим!

Кто Диму остановит?

За месяц до того, как я приняла решение с Димой расстаться, решила я пожаловаться свекрови на ее сына — попыталась объяснить, что у нас полным ходом идет крушение отношений, семьи и что ответственность за все это ложится на него, на моего мужа. Намекнула на измену. Евгения Владимировна только языком поцокала в свойственной ей манере:

— Не верю. У меня хороший сын.

— Может быть, сын он и хороший, а вот муж! Разве две его предыдущие семьи не из-за его измен развалились? По этой же причине расстается он и с третьей женою, со мною!

— Вы меня на вашу свадьбу не позвали, и в ваши отношения я вникать не собираюсь, — отрезает свекровь, попутно припоминая затаенную обиду: ведь приглашение на регистрацию брака ей было сделано лишь за пару недель до события, но к тому времени она уже обзавелась билетом на Украину, собравшись ехать к дочери. В результате наш тщательно подготовленный сюрприз провалился: отложить поездку свекровь не захотела, да и разобиделась, что ее так долго держали в неведении по поводу предстоящего бракосочетания. Впоследствии она по всякому поводу, кстати и некстати, припоминала, что свадьбу, пусть и символическую, сыграли в ее отсутствие. — Я на вашей свадьбе не была, — повторяет Евгения Владимировна, — и мне ваши разборки неинтересны. Захотели — поженились, захотели — разошлись. Это ваша жизнь, а не моя. А своего сына я хорошо воспитала, и я его знаю.

В общем, в горе моем свекруха мне не подмога и не советчик! Иду к Диме:

— Ты матери сказал, что от меня выезжаешь?

— Сказал.

— И что? — я втайне все-таки надеюсь, что муж от мамаши в кости получил. Увы!

— Она сказала, что будет только рада, если я к ней вернусь!

Сердце захлебнулось и упало... Нет, не дождаться мне, что Димина мама его образумит, остановит! Или кто-либо еще. Вот и все. Конец. Теперь уж точно конец!..

В круге наших интересов. «Психология» и философия влечения

От своих первых двух жен Дима явился ко мне стопроцентным законченным мещанином. Такой диагноз я ему поставила. Круг его интересов я иронично определила для себя тремя короткими составляющими: «ам», «бах» и «трах». Ну, «ам» и «трах» — это понятно. А вот что касается «бах» — так это определение касалось любимого времяпрепровождения моего мужчины (отставного майора), которым являлось исключительно кино и исключительно боевики — «стрелялки», так сказать, ну и еще, пожалуй, «порнуха» и

спорт. В общем, простые интересы, я бы сказала даже — упрощенные. И вот в круге таких интересов я неожиданно оказалась и была вынуждена не только соседствовать с ними, но и жить, и делить их, так сказать. И это было непросто. Иногда это было невыносимо!

В конце второй недели нашего знакомства мы лежали рядом на диване, и я принялась читать ему свои любимые стихи — проникновенные, любовные, с философской жилкой. Во время чтения Дима весело на меня поглядывал, а потом стал игриво щипать за бока. Затем плавно перешли к сексу…

Больше я не делала попыток читать ему стихи…

Мне Дима сказал, что последний раз художественную книгу он прочитал в 9-м классе. Я сглотнула слюну и сказала бодро: «Надо развиваться!» — «Охотно», — коротко и так же бодро ответствовал он мне. Этот ответ меня порадовал и вселил надежду на возможное совместное духовное развитие и духовное будущее (конечно, такое, каким его себе представляла я). Ведь до сих пор, да и в дальнейшем (все время, пока мы жили вместе) у меня не пропадало ощущение, что он видит меня лишь ниже пояса и что, по большому счету, для него не имеет значения, какой я в принципе человек — хороший или плохой, добрый или злой, умный или глупый. В общем, ему все равно, что у меня в душе и в мозгах! Казалось, ему все эти душевные качества по большому счету «пофиг» — принципиального значения для совместного проживания не имеют! И что ему все равно, какова я с «внутренней», так сказать, точки зрения. Притягиваю и устраиваю сексуально — вот и славненько, а больше ничего и не требуется! Важно обладание, а это акт физический, который имеет дело с телом, а не душою. И хотя он сильно заблуждался, об этом заблуждении был не в курсе дела совершенно. Как ему было объяснить, что безмерность его любви определялась безмерностью любви моей — той, что я имела и носила в своей душе. Как было объяснить, что сексуальная притягательность человека всегда связана с устройством его личности, обусловлена внутренним строем души и что, погружаясь внутрь человека, мы не только получаем сексуальное удовольствие, но прежде всего проникаем в нутро своего сексуального партнера, познаем его суть путем моментальным, сакральным, интуитивным. И сексуальное удовольствие тем выше, чем духовнее наш сексуальный партнер. Ведь при общении в постели мы получаем на самом деле двойное удовольствие — и половое, и человеческое — духовно-душевное. И если у вас по поводу кого-либо из вашего окружения складывается мнение типа «пожалуй, это неординарная личность» или «пожалуй, в ней (в нем) есть изюминка», есть «нечто особенное», то будьте уверены, что и «изюминка», и «неординарное», и «особенное», — все это присутствует и в сексе с этим человеком, ибо половое отношение — это всего лишь одно из наших многообразных отношений, и в нем мы раскрываем себя точно так же, как и в любом другом отношении, проецируя на него нашу личность в целом, все ее сильные и слабые стороны. Чем сильнее и «цветастее» личность, чем глубже в ней проявлено собственное «начало» (то есть, женское в женщине, а мужское в мужчине), тем интереснее и проникновеннее сексуальное отношение с этим человеком. Не потому ли мы так ценим женственность в женщине и мужественность в мужчине и презираем обратное.

Может, это и не повод для подобных воспоминаний, тем не менее, все вышенаписанное для меня выливается, опрокидывается своей изнанкой в дальний прозрачный октябрьский вечер. И в нем — тот самоуверенный холодноватый итальянец. «Я — синьор, — гордо заявлял он мне, — а русские женщины… у нас столько их тут ночью стоит на дорогах…» Ему пришлось

изменить свое мнение о русских женщинах — два его прямых «налета» я парировала с ходу, категорически отказавшись углублять наши отношения в гостинице. После этого настал мой черед удивляться — в отличие от русских мужчин, итальянец бросать меня не собирался («ну, не хочешь в постель, можем и так гулять»).

Мы ходили по барам, пабам, танцзалам. Наши отношения, в которых отсутствовали бури, присущие любовной связи, постепенно стали заметно теплее, чем вначале, и в конце концов как-то сдружили и сблизили нас. И хотя я, несведущая в итальянском этикете, то и дело наступала ему на какую-либо «мозоль» своей бестактностью, нам было вместе легко и весело, ибо мы были избавлены от двойного бремени — стараться друг другу нравиться: завлекать, завоевывать, преследовать, удерживать. И переживать из-за этого всего.

В общем, мы могли общаться спокойно и естественно, непринужденно.

Ухаживал он за мною немного свысока, не теряя своего достоинства синьора. Внешняя небрежность и беспечность маскировали отсутствие надежды на большую близость в наших отношениях.

И вот последний вечер накануне моего отъезда на родину, последняя встреча.

Я надела свой лучший наряд, а он повез меня куда-то далеко в какой-то особенный, свой любимый бар на берегу живописного озера. Пили легкие коктейли, кофе. Милый вечер с поволокой печали, с налетом чего-то несбывшегося — вроде и легкие у нас были отношения, а вот нелегко расставаться навсегда, непросто — свидимся ли когда-нибудь!

Разговор то и дело прерывался молчанием — тонкая линия грусти пунктирно окаймляла эту встречу.

Я держалась молодцом, но вдруг не смогла сдержать этот внезапно подкативший к горлу ком. Наверное, я захотела ускользнуть от этого холодного, как небытие, «никогда» и такого же леденящего душу «навсегда». Вдруг поняла, что успела привыкнуть к своему красивому сдержанному кавалеру, и сердце сжалось оттого, что вижу его в последний раз. Захотелось к себе приблизить, укоротить дистанцию, да просто узнать и понять, каков этот синьор вблизи. Впрочем, во всем ли я отдавала себе отчет по поводу того, что со мною происходило? Не знаю, я над этим не задумывалась тогда. Просто что-то животное, неразличимое накатило: нельзя расстаться «вот так» — с чем-то незавершенным, недосказанным... И я уже знала, что скажу и что сделаю, но продолжала ерзать по полированной лавке, не в силах решиться и произнести эти слова. А потом возбудила в себе азарт («посмотрим на реакцию публики в партере») и стала искать момент, чтобы произнести заготовленную фразу.

Тем временем мой почти что друг с достоинством лил в бокал «Мартини». Необязательная беседа о том о сем то и дело замирала. В одну из пауз я быстро вставила:

— Ты, кажется, предлагал мне поехать в гостиницу…

Рука с бутылкой напряглась и качнулась, а его прямой взгляд выразил не только бесконечное удивление, но и большой вопрос — не шучу ли я, не ослышался ли он. Я взглядом ответила: «Нет». Потом я стала смотреть на его руку, загадывая, прольется или нет любимая влага мимо сосуда («эх, зачем под руку сказала!»). Однако хорошее воспитание победило шок, и итальянец, быстро овладев собою, благополучно завершил процесс: не было пролито ни капли. Я получила свой стакан и сделала большой глоток, а его охрипший голос донесся до меня откуда-то издалека, словно из туннеля: «Сейчас я расплачусь…»

Мы быстро собрались. Недопитое вино осталось на столе…

Далее был красивый номер в гостинице и неширокая темно-синяя бархатная тахта, а на ней — совершенно другой мужчина, которого я не узнавала, ибо какой-то он был непривычный — без своего заносчивого достоинства. Как же он внезапно изменился! В тот вечер в гостинице я видела реально другого человека… Я же, напротив, ранее скованная его холодом, теперь как-то раскрепостилась, развеселилась и мило о чем-то щебетала, не сильно проникаясь тем, что между нами произошло. Однако, взглянув на него мимоходом, осеклась. Меня он не слушал — был в чем-то «своем», был глубоко сосредоточен на том, что внутри него происходило… Став вдруг серьезным и выйдя из состояния своей глубокой задумчивости, Джузеппе сел, выпрямившись, на край тахты и сказал с поразившей меня силой — с той, которая запоминается на всю оставшуюся жизнь: «С сегодняшнего дня ты — моя любовь!»

Тут моя очередь настала удивляться. Чего-чего — а такого неожиданно веского заявления со стороны моего холодноватого дистантного кавалера я никак не ожидала. И была в замешательстве. И глубоко тронута. И понять не могла, в чем причина для столь разительных и внезапных перемен в нем и для такого ошеломляющего признания, сделанного в несвойственных для «синьора» выражениях, не вязавшихся с привычным для меня его легкомысленным обликом. Такая… нехарактерная для западного мужчины откровенность в чувствах! А может… я просто плохо знаю западных мужчин?

Конечно, в душе я собой гордилась и даже развеселилась слегка: мол, проняла гордого синьора до самого основания, достала его до самой сути. И все же…

Зачем он это сказал? К чему были эти слова при тех-то обстоятельствах! Они ничего не могли в нашей жизни изменить!

Лишь много позже я оценила его решимость, и отвагу, и честность, потребовавшиеся для того, чтобы эти слова произнести. И еще что-то. Ведь мог же и не говорить! Но решил, захотел мне об этом сказать. Может, это было его прощание со мною? Или его вызов всему, что было против нас, всем обстоятельствам — времени, расстоянию, расставанию, всем «никогда» и «навсегда»? Он сказал: «С сегодняшнего дня… »

Это значило, что все только начинается! Любовь начинается...

Что ж, спасибо за слова, Джузеппе, за твою силу и волю к правде, к самовыражению в правде, в любви, какой бы короткой она ни оказалась! За все это ты и вошел навеки в мою благодарную память. В ней золотой крупинкой светятся мгновения подаренной друг другу любви…

Любовь, упавшая с неба, неожиданная и нежданная, приговоренная, обреченная… Всего лишь одна крупиночка выкристаллизовалась в грустный канун вечной разлуки — а вот пронзает года и память. И греет, и веселит, и радует своим вечным и бесконечным теплом. Как и всякая любовь. А иначе все определялось бы другими словами…

О любви, о жизни я сегодня понимаю больше, чем тогда, в тот последний наш вечер. Теперь я думаю, что вовсе и не его это была любовь, о которой он говорил, а — моя. Я думаю, что в тот вечер он столкнулся с моей любовью. И это та любовь и такая любовь, которая живет в душе у каждого человека и которая — у каждого своя. И вот моя любовь, наверное, обладала способностью «пробивать» сердца и души мужчин в силу присущих ей качеств и свойств. И эта любовь такова, что завораживает и заставляет желать себя. И перед нею нельзя устоять. И на нее невозможно не ответить.

Неотразимая любовь...

Рассуждая на тему любви и секс-эппила (sex-appeal — половой призыв), мы вступаем в круг философии особого рода, которую я условно окрестила «психологией влечения».

В ней все те вопросы, которые каждый из нас не раз себе задавал...

Например, можно ли целенаправленно и сознательно сформировать в душе чувство, любовь, которая с неизбежностью, как стрела, поразит сердце, в которое направляется?

Ответ прямолинейно прост: неотразимая любовь рождается в душе неотразимой личности, это значит, что само «качество» любви и все характеризующие ее составляющие напрямую связаны с качествами личности, которая данную любовь продуцирует, развивает.

Неотразимая любовь, неотразимая личность — все это на скудной почве не прорастает, а богатство души вытекает из богатства окружающего мира, которое одними людьми воспринимается, а другими — нет.

Прошло много лет с той поры, как мы встретились и расстались с Джузеппе, а также и с той поры, когда я услышала прелюбопытнейшую фразу о том, что личность человека развивается сферически. Потом я эту фразу долго обдумывала, «крутила» со всех сторон, приходя к прямолинейному выводу, что усиленное развитие одних «сфер» — сторон человеческой личности, тянет за собой — стимулирует, развитие других ее сфер, обеспечивая, таким образом, их взаимное перекрестное обогащение! И это есть момент обогащения всей личности. А это значит, например, что если ты умен, и добр, и честен, и «вкалываешь», и четко и добросовестно выполняешь огромный список обязанностей по жизни — не жалей об этом. Ведь это все вклад в копилку не только твоего духовного, но и сексуального обаяния! Чем дальше ты продвинулся в чем-то одном, тем ты интереснее и привлекательнее во всех отношениях, а продвинулся еще далее, сверх того, — и ты просто неотразим.

Итак, если вы хотите быть сексуально привлекательными для другого пола — что ж, развивайтесь! Набирайтесь ума, набирайтесь доброты, набирайтесь знания и понимания всех видов искусства, занимайтесь спортом, ну, и трудитесь не покладая рук. Каждый из нас проецирует на секс все, что внутри себя имеет. Вы видите прекрасную, гармоничную личность? Полагаю, что и секс с этим человеком доставляет истинное удовольствие!

Обаяние личности всегда включает в себя и обаяние сексуальное. Так что делаем выводы и делаем все возможное и невозможное для того, чтобы поумнеть — раз, подобреть — два, развить сильную волю — три, развить в себе многообразные эстетические наклонности и вкус — четыре, и… так далее, и тому подобное.

…Только с Димой я в философию любви не углублялась. Любые мои рассуждения на эту тему и возле нее он выслушивал из вежливости, но при первой же паузе в моем монологе «затыкал» мне рот поцелуем и тащил в постель. Я бы сказала: подкреплял теорию практикой, если бы он хоть сколько-нибудь этой теорией проникался! В общем, все мои рассуждения — да, на любые темы — в лучшем случае его умиляли. Не скажу, чтоб оставляли равнодушным, но только он их не воспринимал всерьез, они не проникали в него ни глубоко, ни мелко. А я столько раз пробовала довести до его сознания среди всего прочего одну очень важную мысль, которая меня беспокоила и волновала больше всего, — о необходимости, о бесспорной необходимости верности в любви. Иначе, твердила я, утрата любви абсолютно неизбежна: «Что сломается на небесах — на земле уже не соберешь!»

Моя «философия», я сама, хотя и не чуждая «физическому», но с избытком погруженная во все «духовное», — было ли Диме все это интересно? Меня постоянно и тяжело преследовало чувство глубокой неудовлетворенности из-за поверхностности наших взаимоотношений. Из-за того, что внутренний строй моей души его абсолютно не интересовал, не представлялся важным. Все мои накопления и завоевания на жизненном пути, мне казалось, он не ценит, не видит, да и не может видеть. Ведь в нем самом не было внутреннего критерия для оценки всего, что «выше пояса».

Такое было ощущение, что он на меня смотрит, но не видит. Ну как же это? Вот она — я! Во мне столько всего! Разве не интересно? Да, ему было неинтересно. То, что ему нужно было от женщины, он во мне находил, и его это устраивало, а все остальное его не трогало, а пожалуй, даже и раздражало. Особенно то, что я старалась жить по-христиански, старалась быть доброй и помогать людям там, где получалось. Впрочем, до поры до времени его устраивало все, что он во мне видел и находил. Ну, а если и не устраивало, то он умел с этим примириться. Он был, по сути дела, классный приспособленец и умел принимать все как есть. Все, абсолютно все — ради любимой женщины, ради того, чтобы находиться с нею рядом, постоянно.

А я пребывала в недоумении, растерянности, временами в отчаянии: мне-то как быть со всем тем, что я годами копила и пестовала в душе и в голове, чем втайне гордилась? Как поступить со всем моим «духовным капиталом»? Его свезти на помойку, что ли? Ведь в моей жизни со вторым мужем он только мешал…

Но могла ли я перестать быть собою и жить лишь с частью своей души, а о второй позабыть? Это было трудно, это было невозможно. Из зерна противоречия должно было вырасти большое-большое растение отчуждения.

И вот, хотя Дима и ответил мне: «Охотно!» — ответил весьма обнадеживающе, согласившись на совместное «духовное развитие», однако за книги браться не спешил. Все же не без моего нажима он вскоре взял в руки первый 700-страничный том стихов «Песнь любви». Часто приходил ко мне с книжкой в руках, чтобы прочитать то или иное стихотворение. Читал, запинаясь, коряво, плохо поставленным голосом. Все выдавало в нем внутреннее волнение. Затем принялся за второй том. Когда он его одолел, я принесла из библиотеки «Потоп», «Пан Володыевский» и «Огнем и мечом» — знаменитую трилогию Г. Сенкевича. Мы прочли ее вместе — это чтение давно было в моих планах. Потом были еще и другие книги. Всего восемь книг он прочел под моим «мудрым руководством» за четыре года совместной жизни. Последнюю из них — рассказы Стефана Цвейга — Дима дочитывал уже дома у своей матери, после того как мы с ним расстались. Да так и не дочитал. Я приехала к нему и забрала эту книгу несколько месяцев спустя. Так завершился Димин «духовный рост» и все его духовные «накопления» со мною.

Нет, пожалуй, не все. Было еще кое-что.

Были двенадцать моих дневников — двенадцать толстых тетрадок, которые он раскопал и повытаскивал изо всех моих тайников. Дневники писались лет за восемь-десять до нашего знакомства, их появление было связано с самой глубокой и самой тайной любовью моей жизни. «Застукала» его за чтением дневников случайно — Дима элементарно «зачитался» и не заметил моего прихода… Как я потом ни протестовала, как ни противилась его вторжению в такое «глубоко личное», мне не удалось его остановить или хотя бы ограничить. Уж если Дима упрется во что-либо, то идет как танк — его не повернуть, не сковырнуть. И я махнула рукой — а пусть себе читает. Все-

таки — чтение! Чем все это обернулось для нас? Не там ли корни всего, что было далее?

И вот Дима с головой погрузился в эти тетрадки, полные переживаний и размышлений влюбленной и страдающей женщины. И с подробными описаниями встреч! Как он все это «переварил», бедный Дима? Представляю, каково ему было!

Дима тетрадки читал и перечитывал, осваивал и усваивал сложный и горький материал.

«Проработал» и впитал в себя (пропустил через себя) сотни дневниковых страниц.

Влюбленный муж ревниво изучал прошлое своей обожаемой жены, изучал, так сказать, всю ее «подноготную», сравнивая себя с «ним», с другим мужчиной, и с тем, как она любила — не его. А «она», героиня его романа, прочла не то пятьсот, не то семьсот книжек. И весь этот духовный багаж был вписан в дневники, пронизывал их от корки до корки… Дима жадно поглощал всю относящуюся к любовной интриге информацию, а на самом деле он львиными дозами поглощал духовный мир своей жены, впитывал его в себя, проникался им…

На снимках и на видеокассетах первого года совместной жизни я вижу красивого и бравого молодца, открытого и несколько простоватого. На снимках последнего года нашего брака этот мужчина мне очень нравится — его мужественный облик приобрел оттенок красоты иного рода, чем вначале, — он одухотворен. Он притягивает взгляд и… он очень красив — своей ли любовью, а может, той глубиной, которая затаилась в его взгляде и между складок бровей — во всем его облике… Сейчас этот мужчина понравился бы хоть кому!

…В последние три месяца нашей жизни Дима книжки уже не читал, а все свое свободное время проводил у телевизора. В выходные дни телевизор включался утром и затем горел допоздна — до полуночи и позже. Он смотрел по три, четыре, пять фильмов подряд и все, что заодно попутно «под руку» попадалось. Он сказал мне тогда: «До сих пор мы жили твоими интересами, а сейчас я хочу жить своими!» Вот это и были его интересы.

Ну, а то, что было прочитано в годы нашего брака, — что это для него сейчас? Зря потерянное время? Возможно, да, возможно, нет. Ведь он купит потом и будет смотреть диск с фильмами по романам Сенкевича… И утром он будет продолжать вставать по будильнику под слова «Благословен Бог и Господь наш…» — так включается диск с утренними молитвами. Под них он одевается, готовит себе кофе, как было заведено в нашей жизни. Будет делать это еще год. А через год диск поменяется — теперь по утрам его будит попса.

Окончательность ухода

Что там у Димы в голове творилось, что и как он для себя решил, — я так и не поняла… Я лишь видела мужчину, который уходит от жены навсегда. И в задней мысли не держит зацепку на дальнейшие контакты с нею, тем более — на возвращение. Так ведь и уходит — в третий раз от третьей жены, так что опыт у него не только в плане того, как «вещички паковать», но и в плане знания и понимания того, что за этим последует, что будет в дальнейшем…

Дима паковал свои вещи основательно — проверял все вплоть до мелочей, чтобы ничего не забыть. Я в растерянности наблюдала за тем, как он,

выложив все свои сорок видеокассет, внимательно сверял их со списком в блокноте: неужели это он всерьез? Неужели он не понимает, как обидно и почти цинично все это выглядит? Разве я могла на его добро позариться и что-то где-то припрятать? Своим глазам верила и не верила.

Даже если мой муж — пока еще муж — и понимал, как все это выглядит, то это для него было не суть важно. Уже было видно и понятно, что для него существует нечто более важное — то, что связано с более широкой перспективой наших отношений, нашего будущего — не с нынешним, а с завтрашним днем в нашей жизни порознь. И этой новой перспективой, этим новым будущим он был уже поглощен, ему он подчинялся.

За выходные дни Дима все свои вещи упаковал полностью. Он не порол горячку, но и не мешкал, не медлил — делал все взвешенно, внимательно, спокойно, по порядку: снял с вешалок в шкафах рубашки, брюки, пиджаки, аккуратно их сложил, тщательно упаковал. Последовательно и методично разобрал шуфлядки, не торопясь переложил в чемодан носки и носовые платки, галстуки, ремни... Вещичка к вещичке, мелочишка к мелочишке... Мне ножом по сердцу это внимание к мелочам, эта тщательная методичность. Ну хоть бы что-то забыл! Хоть бы что-нибудь нарочно оставил, чтобы был потом повод еще раз увидеться, встретиться! Нет, ничего не оставлено, не забыто — мороз по коже! Видно, что повод для встреч Дима в уме не держит или он ему не нужен: все собрано подчистую — ни себе надежды, ни мне.

Я запаниковала, растерялась от этой его какой-то уж слишком холодной, слишком «здравомыслящей» четкости и методичности в сборах, от той решимости, с какой он их осуществлял. Все происходящее надрывало душу. Ушла в другую комнату, чтоб не видеть, как и что он там складывает. А куда уйдешь, если все равно и сюда за чем-нибудь да заглянет!...

Было в этих сборах, во всем происходящем нечто такое, чего я вовсе не ожидала. Или я всего не ожидала? Не ожидала такого вот прямолинейного и нелицеприятного воплощения «сермяжной» правды — ты не шутила, сказала: «Уходи». Вот я и не шучу — ухожу. Ты, может, думала поиграть словами, поприжать, пошантажировать, наказать по-бабски — думала, я одернусь и одумаюсь. Ан нет, не вышло. На что набивалась, на то и напоролась!..

В каждом Димином движении, в каждом его шаге ясно просвечивала окончательность ухода. Я увидела мужчину, который понимал, который хорошо представлял себе, как нужно уходить, как это следует делать, — ведь я не первою женою была, с которой он расставался, и даже не второю, а третьей. Он уходил в третий раз от третьей жены — немалый и весьма достаточный опыт ухода: процесс был изучен, его он представлял себе в мелочах, детально, как и то, что сюда, в этот дом, он уже не вернется больше никогда. И он понимал, что «все свое» он должен забрать с собой сейчас же — сразу и навсегда. На этот счет у него не было иллюзий, не было и мысли о том, что он позже — завтра, послезавтра, через неделю или месяц — может прийти и забрать оставленные вещи. Нет, на это он ставку не делал, такую возможность он во внимание не принимал. А может, он просто элементарно боялся, что потом ему «егоное» не отдадут? Может, был подобный опыт? Или просто не хотел «чикаться» — тянуть, мусолить, выгадывать, растягивать надолго и неведомо зачем и без того болезненную процедуру.

Вещей у Димы больше, чем сумок, поэтому муж заимствует у меня мой самый большой чемодан, предназначенный для дальних путешествий. Деловито осведомляется по поводу некоторых вещей, которые ему не дарились, но которые были у него в постоянном и уже привычном пользовании.

С этими предметами ему не хочется расставаться, и потому он спрашивает: «А можно, я возьму этот кинжальчик? А лыжную шапочку?» Мне становится не по себе от этих вопросов, в них тоже заложена какая-то окончательность, бесповоротность. Все выпрашиваемые вещи мне самой пригодились бы, да и нравятся они мне, иначе я их не покупала бы, однако я соглашаюсь отдать их без колебаний, демонстрируя Диме со всей открытостью и искренностью свою приязнь. Только вот воспринимает ли он мою благожелательность в том ракурсе, в каком я сама ее вижу? «Надежда умирает последней…» — и я втайне рассчитываю на то, что Дима оценит, если не сейчас, то потом, мою щедрость и благородство, мое доброе к нему отношение. Говорю ему, словно на шею бросаюсь: «Бери, конечно». Возможно, подсознательно я надеюсь, что вещи, которые нас связывали в нашей общей семейной жизни, будут эту связь хранить и впоследствии, или даже они ее восстановят, возвратят. Да и вообще, мне для него ничего не жалко: все эти вещички — это такие мелочи в сравнении с тем, что утрачено! Пожалуй, муж хорошо понимает мое состояние и слегка этим злоупотребляет. Мне же он демонстрирует отношение по сути противоположное, поскольку от него мне в подарок не достается ничего — никакой самой завалящей мелочишки. Дима ничего мне не оставляет! А мог бы, мог бы! Он также мог бы сделать красивый жест в сторону еще недавно «безмерно любимой»! Ну почему бы не оставить хотя бы пару-тройку видеокассет — пустых или с затертыми до зубной боли фильмами? Дима знает, как я в них нуждаюсь, — для последующих записей. К тому же, все эти фильмы он знает на память! Но нет. Такая простая и благородная мысль ему и в голову не приходит. Тогда я сама иду к нему в качестве просителя. Робко интересуюсь: «Можно мне взять на какое-то время кассету номер двенадцать — я там фильм не досмотрела?» — «Хорошо», — помечает кассету в блокноте. Прошу еще пару-тройку кассет — что посмотреть, что переписать. Дима коротко соглашается, не уточняя срок: «Ладно». Помечает кассеты в списке, при этом на меня не смотрит.

Проходит время, и мы встречаемся по поводу ранее оставленных мне видеокассет — я их ему честно возвращаю. Мне неприятно и обидно это делать, неприятно еще раз убедиться в том, что я уже не та женщина, к ногам которой еще недавно слагались не только ахи, розы, мимозы и эти видеокассеты, но и многое другое. Однако эта обида — еще не самое главное мое огорчение от нашей встречи. Неприятной неожиданностью становится разговор, который Дима заводит по поводу нескольких своих крупногабаритных вещей, оставшихся в моем пользовании. Практически все это — рухлядь, которую некогда он сам не знал куда девать. Во-первых, это маленький и очень старый холодильник. Он был отвезен ко мне на дачу в лето нашего знакомства и простоял там все четыре года нашей совместной жизни. Тогда же на дачу была вывезена и старая деревянная кровать Диминого покойного отца. За холодильник «мой бывший» просит шестьдесят долларов, за кровать — двадцать, а еще у меня дома находятся две его маленькие застекленные книжные полочки — за них он запрашивает тридцать «зеленых». Дима говорит, что я должна заплатить ему за эти вещи, иначе он их у меня заберет. От такого поворота дел, от его мелочности и жадности я не просто в растерянности, я — в шоке! Мне крайне обидно и удивительно выслушивать такого рода ультиматум, к тому же соль сыплется на совершенно открытые раны! Справедливость, ау, где ты? Четыре года Дима жил у меня дома, пользуясь всем моим имуществом, и даже жировку не оплатил ни разу, ибо я полагала, что раз квартира моя, то я и должна за нее платить. Правда, он исправно вносил квартплату за квартиру своей мате-

ри. Кажется. Во всяком случае он так утверждал, но однажды проговорился, что все свои расходы его мать оплачивает сама…

Обиднее всего было то, что лишь полгода назад моя подруга Ольга предложила мне бесплатно забрать у нее отличный большой холодильник, который был лет на двадцать «моложе» маленькой Диминой «клячи». Я отказалась тогда — со скрипом! Колебалась долго, но решила лишнего не брать, не жадничать: ведь два холодильника на даче — куда их впихнуть? Или пришлось бы возиться с ними — «делать рокировку»: один вывозить, другой привозить — погрузка, транспортировка — ну его, лучше не заморачиваться! Скрепя сердце отказалась от выгодного предложения, от хорошего холодильника. Знала бы я, чем дело кончится! Приходится теперь за это старье платить — вынуждена, заставляет. При этом цену загнул бессовестно, пользуясь моим безвыходным положением, напирает: «Тебе в комиссионке другой холодильник покупать да перевозить — дороже выйдет, да и хлопотно». Я и сама это понимаю, приходится соглашаться.

В конечном итоге, после всех подсчетов и пересчетов, я оказываюсь в приличном долгу перед Димой, ибо помимо требуемых проплат за его вещи я должна учесть и иные его траты на общее хозяйство, поскольку он частично финансировал покупку новой стенки и дивана. Я безропотно обещаю ему отдать все суммы, которые он потратил: не умею торговаться — особенно с ним. И не хочу длить всю эту сердечную боль, влезать в дрязги.

Adieu — навсегда, навеки

Я сказала, чтобы он ушел до дня рождения дочери, до десятого декабря. Сказала, что мы хотим в этот день остаться вдвоем, без него…

В перерывах между сборами вещей мы, как обычно, как у нас было заведено, садились покушать перед телевизором и смотрели фильмы. Я сидела рядом с ним на диване, вцепившись в его руку, которую поливала слезами и иногда целовала. Говорила ему что-то доброе и нежное. А он плакал вместе со мною. Так мы провели два дня, плача бок о бок. Так что, когда он ушел, я даже обрадовалась, что все закончилось. Закончилось как бы благополучно, ибо я не успела умереть от этой сердечной боли, и он тоже.

…Уехав от меня с вещами в воскресенье на закате, уже в понедельник Дима звонит мне с работы, что вечером привезет мне чемодан. Я даже ошеломлена немного — мне чемодан «не горит», я и не рассчитывала даже, что он его так быстро возвратит. Напротив, от полученного за выходные стресса, от Диминых сборов и ухода я еще не отошла и предпочла бы отложить встречу с бывшим мужем хотя бы на несколько дней. Однако Дима настаивает и вечером приезжает — привозит чемодан, который якобы загромождает его маленькую комнатку. Войдя в дом, он долго с этим чемоданом возится у меня в прихожей, не глядя на меня. Я, наконец, догадываюсь предложить ему попить чаю, и он тут же охотно соглашается, словно только того и ждал. Мы пьем, нам обоим очень больно… Я проникаюсь Диминым состоянием — понимаю, что ему не удается сразу перестроиться на новый лад, на новый распорядок жизни и на новый дом, хотя он и старый, и родной на самом деле. Вот и вернулся ко мне, пришел в квартиру, которая еще вчера была и его жилищем… Почему вернулся? Зачем? И за чем? За утраченным счастьем в утраченном времени или надеясь найти что-то? Что? Уж точно не любовь! Его любовь переместилась по другому адресу...

Узнав о том, что Дима ушел, кто-то из моих друзей сказал:

— Разве мужчина по доброй воле может тебя оставить? Что же он наделал? Как же он будет без тебя, без твоей души, в которую так глубоко погрузился? Ведь он как никто другой проникся ею?

Замечание мне польстило, а все те вопросы… я их сама себе не раз задавала, только заключения делала весьма расплывчатые. Ответила в духе новых веяний, которым всецело поддалась:

— Погрузился, проникся… Ведь он ушел с моею душой и с присущей ей любовью! Из меня все похищено, разворовано и вернется ли мне обратно? Может, до конца моих дней я буду мыкаться без всего, что мне принадлежало. А Дима… Возможно, и поймет что-либо когда-либо… Возможно, поймет лишь тогда, когда я «все свое» отвоюю обратно. А произойдет ли такое, случится ли?

В душе я была уверена, что отвоюю, что это обязательно произойдет! Была уверена, что вскоре буду торжествовать и праздновать победу. Благо мне было понятно, как это можно сделать, каким путем следует идти. Казалось, что понятно…

Бедная, не знала я, во что ввязалась, во что оказалась вовлечена. Не знала, что все только начинается и что я лишь в самом начале борьбы, жестокой и непредсказуемой, в которой мне предстоит выдержать и пережить столько всего! А если б знала? Отказалась ли бы от этой борьбы, от схватки вслепую — с неправдою, подлостью, с гнусным и мерзким воровством?

Вот не знала я, что мои испытания только начинаются и что все то, что я уже пережила… Так, даже и не «цветочки», а «лепесточки» — в сравнении с тем, что пережить предстояло…

Время полета над пропастью

Конец любви наступил раньше конца совместной жизни. Но лишь уход мужа из моего дома подчеркнул и проявил все самое тяжелое и безысходное в драме наших взаимоотношений, доведя ее до высшей точки кипения, до кульминации — до чувств и переживаний невероятных, прежде невиданных и непознанных…

...И наступила не жизнь, а парение над жизнью, поскольку боль оторвала тело от жизни, наполнив его собою и раздув собою до предела. И вот наполненное болью существо, как воздушный шарик, подняло и носило над реальностью, над бытием… И в этом бытии реальность была ничем, она была неважной и незаметной, а единственной реальностью и бытием была боль, замешенная на отчаянии... И хорошо, что была вера — из давней, уже позабытой реальности. На веру в новой реальности уже не было сил. Но та, старая, как-то цепляла еще сознание важной фразой, не давая согрешить и уйти совершенно в небытие новой реальности...

…Дима ушел, и я не знала, как все это пережить, и долго потом все хлипко и ненадежно болталось и провисало в проеме моей жизни, прорисовывая многочисленные аспекты боли от потерь и потерь от боли.

Я не знала, что надо просто тянуть время, наполняя его чем-то быстро и плотно, — дни, часы, недели, месяцы... И тогда наполненные часы наполнят жизнь и перевесят чашу, и на излете истекших месяцев реальность уплотнится, переводя тело из невесомости во все более плотное состояние, пока под ногами вновь не окажется земля, твердая почва... Приземление…

Не только потеря любви прорвала, прорубила дыру в жизни и в груди, но и тот простой факт, что пришлось лишиться мужчины в доме, мужа, опоры в жизни и в делах. А потом еще пришлось собираться с силами и тратить их на перестроение всей жизни и всего в ней. Пришлось все перекраивать и перенаправлять в новое русло…

Еще не эпилог

...Вот он ушел.

Ушел жить к матери и живет с нею вдвоем до сих пор. Недавно сказал, что ему нравится так жить — свободно и независимо:

— Что хочу, то и кручу.

Прошло шесть лет с той поры, как мы с Димой в отдельной жизни, или точнее — в жизнях: он в своей, а я в своей. На дворе 2012 год. Я снова приспособилась жить без любви и живу… Просто живу. Этому пришлось учиться.

Новую кухню, которую планировала приобрести осенью 2006 года, я так и не купила. И финансов нет, да и зачем она мне нужна! Человеку хочется обновления, когда он живет обновляющейся, счастливой и полной, полноценной жизнью.

Когда мне что-то из моего прошлого с Димой отзывается — вспоминается необычно или болезненно, я ему звоню, мы болтаем.

Я ему рассказываю, например, что мне нынче вспомнился последний вечер накануне нашего отъезда домой из Коблево, из-под Одессы, где мы отдыхали в 2005 году. Говорю:

— Я снова это видео смотрела. И много плакала…

Когда фразу произношу, слезы снова льются — прямо в трубку.

Дима слушает мои излияния, хмыкает: «Ну, вот еще… Уймись». Иногда мягко говорит, а иногда как бы даже и цинично. Что он думает при этом, я так и не могу понять.

Он тоже мне позванивает — больше пяти дней паузы между нашими звонками не бывает. Если я «надолго», то есть дней на семь, пропадаю, он звонит, беспокоится: «Ну, что? Как там у тебя дела?»

Когда мне нужно что-то сделать «мужское» по хозяйству — прибить, передвинуть, перевесить, отремонтировать, или лужок на даче покосить, я звоню Диме, и он никогда мне не отказывает. По мелочам его не беспокою — стараюсь накапливать «фронт работ». Но с самым большим «фронтом» Дима управляется за пару часов. Теперь я смотрю на него с уважением (где моя былая пренебрежительность!): какой же он быстрый, четкий, умелый. И ум настоящего инженера: всегда гениально сообразит и в большом, и в малом! Все те комплименты, которые мне приходят на ум во время трудового процесса при реализации «фронта работ», я от души, не стесняясь, высказываю бывшему мужу. Хвалю обильно и искренне. Дима на все мои похвалы отзывается сдержанно, реагирует более чем скромно. Похоже, что мои комплименты в нем ни радости, ни гордости не подпитывают. Вот когда я ясно вижу, что он скромен внутренне, и как мне это нравится сегодня, как я это ценю сейчас, поскольку, в основном, везде вижу лишь таких мужчин, которые необычайно гордятся и хорохорятся своими достижениями хоть в большом, хоть в малом, даже если это будет один-единственный криво забитый в стенку гвоздь! А Дима, напротив, пресекает славословия несколькими

короткими фразами. Обычно, даже и не дослушав до конца мой комплимент, похмыкает иронично с полным пренебрежением к своим заслугам и скажет: «Да что тут сложного!» или «Да что тут тяжелого!» Даже как-то и обесценивает все им сделанное, словно я его на никудышное дело вызвала — на пару-тройку пустяков! Правда, в первый год после нашего разрыва он, бывало, мстительно припоминал мне прошлое: «Ты ж мне говорила, что я не профессионал и что на это дело нужно было вызывать электрика (сантехника, механика, слесаря и т. д.)». И тогда в ответ мне приходилось пускаться в длинные оправдательные витиеватости…

После выполнения всех моих заданий угощаю Диму обедом либо чаем — это в зависимости от того, насколько затянулся «фронт работ». Иногда предлагаю посмотреть старые наши семейные видеозаписи. Как правило, он отказывается. Тогда после его ухода я смотрю одна — по горячим следам все так живо, так трогательно…

Дивный вечер на восходе разлуки

…По Коблево мы никогда не прогуливались: место это было неинтересное, да и некогда было там гулять — надо было ходить на море, на пляж, на базар, в столовую, в общем, надо было выполнять все текущие и необходимые курортные обязанности. А еще была Одесса неподалеку, и надо было ездить туда на экскурсии — дневные и вечерние, на морские прогулки, надо было наведаться в Оперу и в магазины. Поэтому знакомство с центральной курортной улицей состоялось лишь незадолго до нашего отъезда домой, и воспоминания от этого знакомства остались незажигательные: вид у коблевского «Бродвея» был неуютный, неухоженный, и ощущение было такое, что мы не по курорту гуляем, а топаем по проселочной дороге, по кочкам белорусских болот. Что ж, дешевое место отдыха для небогатых курортников. Этим все сказано.

И вдруг, как оазис в пустыне, как жемчужина в бусах из гороха, возникло это прелестное кафе, неожиданное и милое, — слишком хороший вкус для улицы из кича и дешевой простоты. Мы остановились и стали его рассматривать: невысокие романтичные фонари в старинном стиле мистически и одновременно уютно подсвечивают теплую глубину иссиня-черной южной ночи, а на плотных кустах пышной южной зелени приглушенно мерцают многочисленные фонарики. Кусты окаймляют территорию кафе по периметру вместо ограды, они точеные, аккуратно подстриженные — радуют глаз своими жесткими жизнерадостными листочками. И повсюду гирлянды лампочек — они и по кромке крыши бара, и перевивают толстые стволы великолепных цветущих магнолий, которых на площадке несколько. Владельцы кафе сохранили и умело вписали в «проект» эти старые деревья, которые, как все магнолии, очень живописны. А под этой естественно-искусственной красотой разместились элегантные столики «на двоих» для посетителей…

Я сразу решила, что наш последний вечер мы проведем именно здесь, и ждала его с нетерпением, и пришла сюда, словно в новогоднюю ночь спустилась...

Почему Новый год? Может, потому, что ночь и луна, а я люблю ночь и луну, и ночные прогулки под фонарями со светом таинственным и загадочным, под которым так хорошо мечтается и тоскуется, и… скрывается, и… ищется самая небывалая, самая прекрасная в мире любовь…

А тут и фонари, и фонариков множество — этих маленьких полнолунных лун, слуг большой Луны, и так много глубокого синего и глубокого фиолетового…

Так вот и просидела весь вечер с ощущением, что вот-вот наступит Новый год и с собою принесет что-то неведомо-загадочное, необыкновенное, и воплотятся и сбудутся все неясные порывы души. Или наоборот — не сбудутся никогда. И тогда вся печаль души и вся ее ностальгия повиснут над морем, над дивным местом, задержатся над ним на века и присовокупятся ко всем остальным печалям и ностальгиям, высвободившимся и задержавшимся в этом месте, и будут притягивать души странников, манить их всем тем прекрасным, что содержится в любой печали…

Столик я выбираю у одной из магнолий, которая мне очень нравится, — пяти минут не проходит, и вот она уже мною любима. Потом я весь вечер этим деревом любуюсь: оно так красиво прекрасной красотой дерева, да еще и лампочками перевито! Когда я пересматриваю кадры, отснятые в кафе, даже не знаю, что меня в них больше всего притягивает — дерево это или люди возле него, то есть мы с Димой?

Дима часто и подолгу снимал на видео все наиважнейшие моменты нашего отдыха. И в это кафе камеру также взять не забыл. Тогда съемка несколько отвлекала меня от полной погруженности в этот вечер. Зато теперь мне очень нравится то, что я вижу в кадре. Съемка удачно передала все особенности как внешней обстановки, так и внутреннего нашего состояния. Но теперь из всего отснятого за годы нашей совместной жизни материала я по-настоящему люблю смотреть лишь этот эпизод. Правда, делаю это редко — чтоб не «засмотреть» и не затаскать до обыденного все лучезарно проявленное тогда…

…Эта женщина в кадре, такая прекрасная, неужели это я?

Женщина — вся в тон этой невечерней красоте, которой она преображена и проникнута… Гармония внешнего плана перетекает на план внутренний, гармонизируя состояние души, мыслей и чувств. Женщина проста и спокойна. Движения ее — мягкие, неторопливые, — они в некотором диссонансе с любовной поспешностью ее мужа, который, как верный пес, отзывается на каждый ее взгляд, жест и, словно по мановению руки, бросается туда, куда указует перст королевы его сердца. Все желания любимой предугаданы, предвидены, исполнены...

Любовное подобострастие мужчины не делает женщину горделивой, хотя и придает ее облику нечто неуловимое… неуловимо царственное. Да-да, именно такими — величественными, царственными — выглядят движения рук, повороты головы, тела. В народе сказали бы, глядя на нее: «Смотри-ка, да у нее корона на голове, что ли?!»

А у нее и есть корона на голове — корона из любви! А раз есть корона, то есть и королевство, которое ей принадлежит и которому она принадлежит сама, которому она служит, которому она нужна и дорога. Правит она своим королевством со всем присущим ей умом и милосердием. Подданных немного, и царство невелико, зато там она в чести и славе, там она решает все или почти все: от каждого ее слова, взгляда, жеста, от этого вот поворота головы зависит счастье и благополучие маленького королевства. Ах, как много, как много всего важного и нужного решает наша королева — в душе любящего мужчины!

А он, ее подданный, он также по-особенному красив в этом вечернем фонарно-лунном освещении. Со своей бородкой и усами он похож на русского князя — благородного и рыцарственного. Они оба очень красивы сегодня — в полнолуние своей любви. Они оба — в сказке еще пока. В сказке из света,

ночи и чувства. В них, вокруг них — витает давнее, тысячелетнее, необъяснимое, невыразимое…

Ты помнишь? Ты помнишь, что он ей говорил на своем царском ложе, этот прославленный старый царь? Писал ей слова проникновенные, называл их песнями… Вот и я тебя молю, как он молил, говорю тебе все то же самое: «Положи меня, как печать, на сердце свое, как перстень — на руку свою. Ибо крепка, как смерть, любовь, люта, как преисподняя, ревность. Стрелы ее — стрелы огненные!..»

Послушай, послушай! Понимаешь, это вовсе не песня! Не песня, не лирика, не стихотворение. Это мольба, заклинание, заповедь, это мой завет — не нарушь его, не опрокинь! Ты люби меня накрепко, люби меня — намертво! А нарушишь, сломаешь печать — что ж, тогда смерть предателю! Тебя ждет ужасная кара: вечная жизнь без любви!..

…Ах, чудная женщина в ненасыщенных тонах фиолетово-синего света, с которым так прелестно сочетаются и цветочки на маечке! Разве это свет новогодних фонариков так мягко выстилает твой взгляд? Или это молочный туман стелется по лощинам дорог?

Только в тумане уже просвечивают росинки грядущей безысходной печали… Может, поэтому милая женщина так грустна? Провидит свое будущее? Оно уже нарисовалось в воздухе?

О, прекрасная женщина в вечере, сотканном из любви, ты успеешь еще напоить мир из рек своего отчаянья, успеешь и луне отдать крик своей безысходности — в тоске по любви!

А пока. А пока…

Женщина двигается мягко, нежно.

И все движения, и взгляды, и слова, обращенные к мужу, — они такие мягкие...

И есть еще корона, и есть еще царство, и есть еще сердце — полное любви.

Но скоро корона с головы упадет…

Может, любовь была не та? Да, не та, не такая! Не настоящая. Не на всю жизнь. Не до конца! Не до края…

…К любви так близко подошли
К тому пределу,
Где притяжению земли
Не властно тело.
Ее горячая волна
Нас опалила.
Ее шальная глубина
Нас поманила.
И свет, вливаясь
В бездну ту,
Так преломлялся,
Что я шагнула за черту,
А ты — остался…

Нелюбимая

…Ах, бедная ты, бедная!

Всегда в бегах, всегда в погоне — за хлебом ли насущным, за счастьем ли эфемерным, за ним ли — тем «принцем», который принесет и вручит корону, самую желанную и самую надежную — корону своей любви. Не тут ли кро-

ются корни идеи-фикс «хочу замуж»: чтобы решить раз и навсегда проблемы любви и судьбы, удела и полномочий, власти и владений — «короны и королевства»?

Знакомый ловелас однажды удивил признанием:

— Гоняюсь исключительно за замужними женщинами. Они — подсвечены, в них есть любовь, огонь… А одиночки — они погасшие, неинтересные…

Вот так — просто и кратко — подытожил он суть двух главных внутренних женских состояний.

Да. Так и есть: одинокая, нелюбимая — она без внутреннего света, без огня; она погасшая, потушенная... От нее быстро отводят взгляд, как от заброшенного кострища, — здесь был когда-то праздник, а сейчас тут делать нечего, и кострище это не только не притягивает, но грустно о чем-то напоминает. Лучше от него подальше…

Женщина и… женщина.

Две в одной.

Была женщина любимая, а стала…

Женщины любимые и женщины нелюбимые, какие же вы разные!

Женщина нелюбимая — где свет твоей души? Кому он виден? Или он погас вообще?

Вся-то ты какая-то замотанная, вечно куда-то поспешающая, словно в шею гонят или что-то важное сделать не успела… Движения торопливые, порывистые, даже резкие иногда. Голос часто заискивающий, как и смех, который не всегда «впопад». Взгляд неуверенный, прячущийся — в глаза боится посмотреть. И держит себя так, будто надоесть боится — то ли запуганная, то ли затюканная, то ли — все вместе…

Вечно чего-то стесняющаяся, даже себя. Редко уверенная в себе… Она — никому не нужная: за ней нет спины, стены, нет вообще ничего. Какая уж тут уверенность!

Часто неухоженная, недосмотренная, безвкусно и плохо одетая, ибо без внутреннего стимула перестает за собой следить, либо, наоборот, — слишком нарядная и разукрашенная. Без меры во всем, но с вызовом. Или с призывом — заметьте меня, возьмите меня, подберите, полюбите! Мало в ней женского достоинства, тем более того, королевского, которое выделяет женщину любимую из сонма других… Затурканная и задрипанная, даже если и выглядит роскошно.

Неуютная и непристроенная, она, тем не менее, стремится выглядеть независимой и полноценной — напоказ, поэтому всегда наготове имеет замечательную фразу прикрытия: «Я отлично обхожусь одна». Есть и другие компенсационные фразы, чтоб себя успокоить да бдительность окружающих усыпить: «Мне мужики не нужны, от них одно расстройство». Или: «Я расцвела, когда мы расстались». Но самая коронная фраза — всем одиноким рекомендую: «Я — самодостаточная».

Так расцвела ли?

На самом деле разыгрывается настоящая трагедия, когда женщину бросает ее мужчина, или она его, но… тут без разницы, тут результат: оставшаяся в одиночестве явно сдает позиции. Убивается она и ищет выхода из ловушки судьбы не от хорошей жизни, а от плохой. Не сразу понимает и принимает новую жизнь, которая наступила и в которой все проблемы надо решать самой, и потому решаются они с натугой, долго, несвоевременно, плохо. И нарастает в душе раздражение, агрессия, обида на весь мир. Нелюбимая — она часто

злая и недобрая, завистливая и мстительная. Где уж тут быть покойной да милостивой! Такою лишь «коронованные» — лишь королевы бывают!

Но самое ужасное в том, как глубоко она понимает и осознает, что раньше при всех минусах, которые наверняка присутствовали в ее жизни и судьбе, она была *счастлива*. А теперь — *нет*!

Что такое любовь?

Развод состоялся летом две тысячи седьмого года, а точнее, в субботу 07.07.2007 — и это был день моего рождения... Вообще-то суббота в суде — не рабочий день, но были какие-то переносы из-за праздников, так что суббота стала рабочей…

Через год поздним августовским вечером я вслед за Габриэлой выхожу из поезда на маленькой железнодорожной станции в пригороде Болоньи и вижу на платформе на скамейке одиноко сидящего мужчину, который поднимается нам навстречу. Это Отелло, муж Габриэлы, точнее, бывший муж, ибо она с ним развелась лет шесть назад.

«Он тебе изменил?» — говорю я о наболевшем. «Нет». Просто он болел и полгода находился дома и ревновал, ездил тайком к ней на работу в их паб, следил за нею, она засекла его машину… Потом один раз он высказался в резкой форме по поводу того, что его не устраивало, а она ничего не ответила ему сразу. Однако на следующее утро она собрала документы и пошла к адвокату… Продали дом, продали дело, поделили деньги, теперь у каждого из них свой дом…

«Он просто морально устал и высказал наболевшее…» — так оцениваю я ситуацию.

Габриэла молчит.

Сегодня она устроила мне настоящий праздник — свозила во Флоренцию на целый день, мы посетили четыре музея. Однако еще утром под Болоньей ее машина сломалась, хорошо, хоть до станции добрались… Всю обратную дорогу они созванивались с Отелло, он приехал к нам на выручку… Мы здороваемся, Габриэла весело щебечет, небрежно подставляет щечку для поцелуя… Мы садимся с Габриэлой в ее машину и следуем за машиной Отелло к дому механика. В воздухе разлит аромат чего-то прекрасного… Я узнаю сладкий вкус любви на губах…Что же ты, залетная странница, вновь спустилась на мою душу? Каким попутным ветром тебя занесло?

Я провела сегодняшний день в радости! Столько прекрасных впечатлений свалилось на мою голову. И вся я какая-то свежая, чистая. Ели мы сегодня не очень плотно, перекусывали в разных местах, я фрукты с собою брала, сок. Физическая нагрузка хорошо очищает. И потом я довольно-таки долго молитвы в поезде читала — все вечернее правило выполнила и еще кое-что прочла попутно. Короче, на мою очищенную душу Господь пролил откуда-то немножечко любви. Я еду, наслаждаясь прекрасным вкусом любви, а перед глазами у меня образ мужчины на скамейке… Что-то в нем такое знакомое! Такое неуловимо общее… Ах, да, так Дима меня ждал… Какое-то общее у них с Димой ожидание. То есть, ждали они как-то одинаково. Вот оно что! Общий, единый для всех в мире и для всего мира в целом образ любви, образ всех ее проявлений и воплощений, так сказать.

Мы оставляем машину Габриэлы у механика и пересаживаемся к Отелло, теперь он везет нас домой. Я с заднего сиденья наблюдаю, как они оживленно переговариваются, и мне не хочется вмешиваться в их разговор, мне вообще ничего не хочется — ни делать, ни говорить, — а просто впитывать всем телом и душою то прекрасное, что теплою мглою окутывает меня сейчас. Мне кажется, что в машине стоит густой туман, такой густой, что его можно потрогать рукой, воткни в него ложку — и она будет стоять, не упадет… Густой туман любви. Я в облаке из любви. Теперь уже мне все окончательно ясно и понятно, откуда любовь и чья она!

Мужчина на скамейке. Мужчина, ждущий свою женщину…

— Габриэла, ты знаешь, как сильно тебя любит твой муж? У вас облако любви стояло в машине!

Габриэла опускает голову. Молчит. Еще бы ей не знать! Она бы так не щебетала и щечку для поцелуя не подставляла бы. Если бы ее бывший муж смотрел на нее, как на стенку, как на предмет, не представляющий и не вызывающий никакого интереса…

Утром я проснулась счастливая и чистая. Мне впервые не хотелось молиться. И не нужно было. Любовь Отелло прошлась по всем клеткам тела, по всем порам души и, как губкой, смахнула всю грязь…

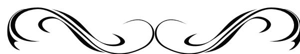
Тот, кто любит, — любит весь мир и весь мир спасает, всем помогает…

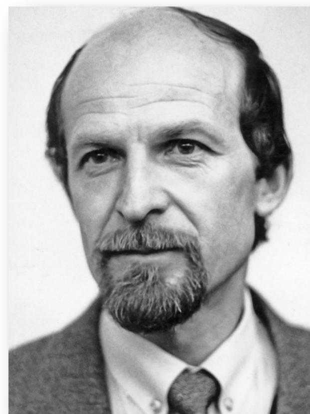
Любовь реальна, любовь материальна, она предметна, хотя и существует в виде определенной энергетической субстанции. И как всем сущим, ею можно не только обладать, но ее можно, как любую вещь, взять и унести, переместить — в нужное место и в нужное время, — похитить, уворовать. Ее можно уничтожить и можно просто потерять.

«Берегите Любовь», — расхожая фраза, говорится часто, но не зря, подумайте об этом. Берегите главное сокровище вашей души, вашего сердца. Охочих до вашей любви и охотников на нее — пруд пруди. Оглянитесь, задумайтесь и… берегите! Не убережете — окажетесь нищими и убогими!

Только я вот свою любовь потеряла уже! Кто поможет мне, кто? Разве только…

Господи, спаси и помоги... Помоги мне, Господи...

Федор ГУРИНОВИЧ

На подходе осень…

Фотоснимки

Громко, что картечь,
Град стучит в окно.
В нашем доме печь
Выстыла давно.

Древоточец — глянь —
Потолок долбит.
На окне герань,
Черная, стоит.

Рамы на стене —
Фотоснимки в ряд.
Шлют улыбки мне
Мать, отец и брат.

Бабушки, дядья…
Стыло на душе.
Не увижу я
Вас, родных, уже.

Улыбайтесь мне,
Хоть из-за стекла.
Хочется вдвойне
Вашего тепла.

Русак

Он выпорхнул буквально из-под ног,
Осыпав лыжи бархатной порошей…
И ахнул выстрел, хрупкий мир вспоровший;
И эхо нервно повторило: гр-рох!

И затаилось в призрачных лесах,
Где устоялась тишина стальная.

Следов в снегу почти не оставляя,
Катил межой седеющий русак.

Охотник гильзу теплую швырнул,
Как будто виноватую в промашке,
И весь намокший, словно промокашка,
Ушанку с потной лысины стянул.

Ругая, словно тяжкую болезнь,
Свою поспешность, свой характер пылкий,
Во внутренний карман стрелок полез,
Дрожащим пальцем зажигалкой чиркнул.

И завертелся змейкою дымок,
Как будто сладкий пар над чашкой чая.
— Не молод ведь, — подумал вдруг стрелок, —
Не молод, да… — промолвил вслух, вздыхая.

На небе яркий луч затрепетал.
И от светила низкого сощурясь,
Зевнул стрелок и снова завздыхал:
Как быстротечно промелькнула юность!

Он из мешка заплечного достал
Нехитрый тормозок и мятый термос.
И вдруг легла улыбка на уста:
Пальнул, как мальчуган, почти не целясь.

И, ощущая лет прошедших бремя,
Он торопливо бутерброд жевал.
А заяц на педали нажимал,
Стремительный и прыткий, словно время.

Горькое

Заросла речушка ряскою,
Лишь окошко посреди.
И уздечкой конь не ляскает,
Что по берегу ходил.

С гривою, почти оранжевой,
Ржал призывно в синеву.
В рыхлых кочках мордой замшевой
Он выщипывал траву.

И зимой, и в дни осенние
Он тянул крестьянский воз.

Сколько дров, картошки, сена он
На подворья перевез!

Верой он служил да правдою,
Был в деревне на виду.
И, ушами часто прядая,
Все бежал на поводу.

Вечно пьяный конюх плеткою
Бить по шее норовил.
Раз подъехал околотками
На конюшню грузовик.

Задрожала в луже тоненько
Недопитая вода.
Затащили в кузов коника,
Повезли…
Да вот куда?

Тишина

Месяц низко-низко, хоть руками
Трогай.
Вечер чистый — что слеза.
И такая тишина! — такая:
Слышно даже, как с травы стекает
Крупная хрустальная роса.

С каждым днем поля грустней и чище.
Значит, на подходе осень; все ж
Будь в согласье с возрастом, дружище,
То, что отоснилось, не тревожь.

Отцвело, отпело наше лето.
Хоть еще не близко до зимы,
С яблонь тихо падают ранеты.
Опадем однажды так и мы.

Разве ж объяснить непосвященным,
В чем он — долголетия секрет?..
Зреет месяц; кажется, еще нам
Жить на этом свете сотню лет.

Сотню лет!
Ты слышишь, дорогая? —
Завтра выйду я на встречу дня…
Месяц близко-близко. Догорает.
И стоит такая тишина!

Любимой

Грусть скопилась и не тает
На заснеженной аллее,
Но когда твой взгляд светает,
Солнце радостно светлеет.

Я тону в нем неизбежно,
В этом взгляде синеоком.
Как он искренен и нежен —
Взгляд очей твоих глубоких!

Стала ты моей судьбою,
Друг мой милый, друг мой вешний,
Я богат одной тобою,
Я одной тобой утешен.

Пусть ветра несчастий горьких
Пролетают мимо, мимо.
Ты — моя земная зорька,
Мать детей моих любимых.

Боль, неверье и тревогу
Снимешь ты в одно мгновенье.
Ты, любимая, от Бога,
Ты — от неба, несомненно.

Незабудки

На осине листва сгорает,
И зима уж не за горами,
И засохло все, что цвело.
Незабудки во мгле болотной,
Незабудки в воде холодной,
А какое от них тепло!

Вечереет, и зябнут пальцы.
Незабудковый, может статься,
Соберу для тебя букет.
Да, наверно, они не в моде,
Зацвели вот не по погоде,
Но прекрасней букета нет.

Ветер рвет мой намокший плащик.
Ах, цветы, вы — как взгляд щемящий
Незабудковых глаз родных,
Вы в печальной дали осенней,

Как открытие, как спасенье,
За тридевять земель видны.

Незабудковый, синий-синий,
Стынет в небе простор гусиный.
И сквозь сердце мое пролег
Путь, проложенный клином поздним
В неприветливой звездной шири
Среди тысяч других дорог.

Зимнее

Под упругим каблуком
Снег — хрустящим яблоком.
Хорошо бродить вдвоем
По крещенским ярмаркам.

Солнце, снег… Твои глаза—
До чего ж красивые!
В них искрятся небеса,
Синие-пресиние!

Тени веток на снегу —
Ломаные линии.
Влажный блеск невинных губ —
Алою калиною.

Ох и щиплет же мороз! —
На тебе да вот тебе!
Зря старается: прогноз
Обещает оттепель.

И хоть застит взор тебе
Снежных елей готика,
Все заметней на вербе
Нетерпенье котиков.

Перевод с белорусского автора.

Анатолий АНДРЕЕВ

Смерть как проект

Рассказы

Искусство золотого шва

Вергилий Золотцев одним неловким движением опрокинул старинную японскую вазу, которую его дед, инженер-железнодорожник, привез из Китая как воспоминание о своем разбитом сердце.

Вергилий хотел достать с полки фолиант по истории, рядом с которым стояла ваза… Хотел зачем-то освежить в памяти злодеяния Сталина.

И вот поди ж ты. Ваза — вдребезги.

Да, к дьяволу лучше не приближаться. С ним шутки плохи.

— Что случилось? — спросила Лилия, его новая подруга, забежав к нему вечером.

— Кошка черная бежала, хвостиком вильнула, ваза упала — и… Теперь вот груда осколков. Что-то в этой груде есть трогательное. И одновременно величественное, что ли. Рука не поднимается выбросить эти хрупкие черепки на свалку истории. Оказалось, что ваза была частью моей жизни, извини за сентиментальность. Дед дорожил этой вазой. Она как-то была связана с личной историей, которая разбила ему сердце. Но это были цветочки; репрессии вскоре разбили ему жизнь.

— Не надо ничего выбрасывать. Есть кинцуги.

Лилия всегда удивляла Вергилия своим умением не сдаваться, которое маскировалось под сугубый прагматизм.

— Извини?

— Кинцуги есть, говорю я. Искусство золотого шва. Искусство склеивания разбитых ваз.

— Искусство?

— Именно. С помощью клея и золотой пудры склеивают осколки, которые, как известно, не должны склеиваться. Шов не маскирует, а подчеркивает трещину. И линии разлома не уродуют, а украшают вазу, придавая ей уникальность. Вторая жизнь вазы становится едва ли не интереснее первой. Старинная японская традиция.

— Шрамы украшают мужчину. Швы украшают вазу. Интересно.

— Морщины украшают женщину. История украшает все на свете. Человек или предмет без истории — пустой звук. Тот, кто любит постоянно начинать с чистого листа, тот стесняется себя. Не понимает себя. Боится себя. Почему ты развелся? Только честно. Иначе кинцуги не состоится.

— Мне не хочется собирать осколки прежней жизни. Я все забыл.

— Мы все состоим из осколков. Вопрос только в том, что жизнь одних

напоминает груду черепков, а жизнь других смотрится изумительной вазой, украшенной золотыми швами. Спокойной ночи.

Ночью Золотцеву не давала покоя одна мысль-заноза. Его приучили (кто? вот кто приучил?) стыдиться сталинской эпохи, его приучили к истине, согласно которой сталинщину, один из мутных осколков великой истории, следовало забыть, как страшный сон, изъять из цельного полотна, а еще лучше — не забывать, потому что страшный сон не должен повториться.

Забвение или вечная память? Забыть иль не забыть?

Сталин — это зигзаг истории, положивший начало постыдной трещине, превратившейся в саднящую рану. За Родину, за Сталина? Из песни слова не выкинешь?

Так ведь это хуже всего. Часть той силы, что вечно совершает зло, которое становится началом дел благих.

С другой стороны, уберешь осколок, измельчишь его в прах — не станет вазы. Спаять Сталина золотым швом с русской историей? Убийца и злодей — спаситель нации?

С ума сойти. Сталин как украшение русской истории. Вензель на вазе.

Дальше мысль-заноза впилась в иные ткани, причиняя, впрочем, еще большую боль.

Почему, спрашивается, я развелся?

Жизнь с мальчиком-инвалидом, сыном, так и не ставшим существом разумным, и опустившейся рядом с ним его несчастной матерью превратила мое существование в ад. Все стало бессмысленным. Спасать было некого. Кроме остатков самого себя. Поэтому и ушел от них.

Да, понятно. Ушел, чтобы уцелеть. Или все-таки — предал? Иногда, чтобы уцелеть, — надо погибнуть. Многие погибали. За Родину, за Сталина — и вперед. Чем ты лучше других?

Боже мой, какими трещинами испещрена моя жизнь! И я либо делаю вид, что не интересуюсь черепками своей судьбы, либо склеиваю особо эффектные куски, тщательно маскируя смертельные трещинки-изломы.

Кинцуги или харакири?

Если страна выжила, если она не развалилась на куски после революций и войн, если история продолжается несмотря ни на что, — значит, золотые швы уместны.

Если я не распался на атомы, значит, трагедия дала мне силы жить.

Золотцев, пересилив страх интеллигента и взяв за глотку либерала в себе тем же стальным хватом, каким либерал держал в себе за жабры товарища Сталина, постарался честно ответить на один вопрос, который ему всегда было неловко озвучивать себе: что бы он, Золотцев, делал на месте отца народов в то лихое время, когда одна смутная година сменяла другую?

Ряд исторических по масштабу задач. Причинно-следственный ряд поражений-побед. Индустриализация, подготовка к войне, чудовищная война. Победа со слезами на глазах. Принял страну с сохой, оставил с ядерной бомбой. Убивал людей во имя величия страны. Ладно, не убивал — создавал условия, когда люди убивали себя сами.

Был палачом? Был. Нет?

Хорошо, следует признать (сквозь зубы): жертвы были неизбежны. Хотя бы потому, что любое решение чревато было жертвами. Антисталинский курс также был бы определенно кровавым. Уже одно это вызывало негодование и святую злобу не только по отношению к Кобе, но и к себе. Оправдание тирана похоже было на предательство. А превращение тирана в жертву истории…

Нет, только не это.

Лучше так: а нельзя ли было минимизировать масштабы государственного террора, коль скоро террор был, гм-гм, неизбежен?

А?

Да плевать на кинцуги! Дьявол он и есть дьявол! Я не желаю быть его адвокатом. Просто не желаю — и все. Пусть кто-нибудь другой марается во всей этой золотой пудре.

Золотцев уснул чутким сном, поддавшись усталости, в которую вкрались тревожные нотки протеста. И в его сон пришла звонкая Лилия и сказала:

— Плевать на кинцуги — плевать на историю, милый. Не плюй в колодец.

— Я знаю. Ничего нового. Ты меня не удивила.

— Зато ты меня удивил. Если знаешь, значит, понимаешь, что ты потерпел поражение, а товарищ Сталин — победил. Где Он — там победа.

— Слушай, дай мне поспать. Забыться.

— Спи, конечно. Спокойной ночи. И пусть утро для тебя будет добрым.

— Иди. Иначе я тебя возненавижу.

— Не меня. Себя.

— Уходи! Что ты за тиран!

Золотцев вскочил от собственного крика. Угадывались признаки рассвета. Начало марта выдалось хмурым и сырым.

Утро быстро набирало силу. Несмотря на сплошную облачность, было ясно, что на дворе не декабрь, а март.

Позвонила Лилия.

— Я нашла мастера кинцуги. Возьмет недорого. Сделает на загляденье. Что скажешь?

— Знаешь, почему я развелся? Потому что жена моя трактовала искусство кинцуги как предательство.

— Хорошо сказал. Я тобой горжусь, Вергилий.

— Только я не все сказал. Как ты думаешь, наша ваза, наши отношения, я имею в виду… В общем, что сказал бы мастер кинцуги, глядя на нас? А?

— Кинцуги — тонкое искусство. Золотой шов не просто украшает. Он делает вазу более прочной. И еще он делает ее другой, непохожей на прежнюю. Никто не скажет «ваза в трещинах»; все скажут — «какая красота!».

— Кинцуги превращает поражение в победу?

— Опять хорошо сказал. Продлевает жизнь. Творит историю.

— Мне кажется, тебе удалось вечером разбить меня, а за ночь — собрать из осколков.

— Значит, ты стал другим, Вергилий?

— Боюсь, что да. Только осколки прежние.

— А я всю ночь плакала…

Смерть как проект

Жил-был Поэт.

Жизнь его удалась. Он создал немало красивых стихов, его любили красивые женщины, он произвел на свет троих красивых детей.

Когда от него ушла жена, а вскоре после этого внезапно отвернулась Муза, Поэт задумал умереть красиво — поэтически, загадочно, как подобает великому. Только не просто взять и помереть, это и любой нищеброд смог бы;

предстояло вплести смерть в ткань своей поэзии. Красивое завершение красивой жизни заставило бы почитателей его таланта, а злобных критиков паче чаяния, разобрать жизнь на цитаты и каждую строчку срифмовать с жизнью.

Предстояло смертию смерть попрать.

Словом, Поэту предстояла Поэтова смерть.

Выбор был велик, ибо уже сложились великие традиции ухода из жизни. Можно было броситься в широкую реку с красивого высокого моста. Роскошный жест утратившего связь с жизнью, роскошный.

Можно было воспарить с высокого небоскреба, украшения родного Города Поэта. С высоты — вниз: дух захватывает! А небоскреб останется осиротевшим памятником. Рукотворным.

Можно было арендовать дорогой автомобиль и на бешеной скорости врезаться в бетонную стену. Тоже весьма символично. С другой стороны — оставить после себя мокрое место?

Петля? Грубовато. Низкий вкус. Жертвенно как-то. И одновременно нелепо. Приговор для поэтической биографии.

Точку пули в своем конце (из неизящного «макарова», само собой, где ж ты найдешь нынче браунинг)?

Плагиат.

Принимать смерть через пищевой тракт — это моветон, однозначно; где здесь поэзия? Отвратительная глупость, не более того. Цианистый калий — это неуклюжее бегство от жизни, а необходим был потрясающе красивый жест, завораживающий своей неотвратимостью. Даже церемониал харакири, связанный с желудком, заставлял болезненно морщиться. Безобразного, с точки зрения Поэта, здесь было более, нежели величественного.

Что еще?

Дуэль. Это, несомненно, сильный ход в вечность. Только танго всегда танцуют вдвоем — а где же взять достойного другого, такого другого, который бы оттенял Поэта, но не отвлекал на себя часть славы?

С дуэлью можно запросто вляпаться в историю.

Нет, нет, творить историю следовало только самому, только в одиночку.

Прежде всего, надо было пророчески предсказать свою смерть. Чтобы у всех раз и навсегда — мурашки по коже. Как там у коллег по перу?

«Я умру в крещенские морозы…» — и ведь именно в крещенские морозы и ушел из жизни, бедолага. Убили. Зарезали. Про Рубцова речь.

А это просто классика:

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота...

И ведь все так и случилось. Лермонтов. Как в воду глядел. С красивого высокого моста.

Своей смерти Поэт не видел. Не представлял своего скорбного лица, с которого можно было бы снять посмертную маску, как будто лица вовсе и не было. Тело в гробу еще смутно маячило, а вот лицо…

В общем, надо накаркать себе. Ворон — птица вещая. Пусть потом до скончания веков разгадывают тайну Поэта. То, что в основе тайны будет трюк, никому и в голову не придет.

В конце концов, что там было с Лермонтовым на самом деле, никто не знает и никто никогда не узнает. Но вот миф о его смерти вечно жив.

Время еще было, но и со старостью затягивать не стоило. Чем более молодым уйдешь из жизни — тем более жалости к тебе, ушедшему.

Однажды, гуляя вдоль реки и размышляя о вечности, живыми нитями связанной со смертью, Поэт стал свидетелем прелестной картины. Чарующе, уверенно парившая в воздухе чайка вдруг камнем ринулась вниз, гимнастическим движением сложив зигзаги-крылья. Отвесно. Будто ее подстрелили. Жизнь оборвалась. Казалось бы, ничто не предвещало беды — и вот, поди ж ты…

От судьбы не уйдешь. Особенно если судьбу сам и накликал.

Что было с белой чайкой потом — уже неинтересно; скорее всего, сильная птица добыла себе зазевавшуюся рыбку на ужин. Но вот момент падения — сомкнутые крылья, плотный снаряд-комок, рассекающий полет — был прекрасен! С высшей точки. Откуда-то с небес — вниз. В вечность.

Не запомнить такое невозможно. Это как раз то, что нужно людям с воображением.

Мост для такого проекта явно не годился. И небоскреб тоже. Не те декорации. Все это способы сведения счетов с жизнью для городских сумасшедших. Дешево и сердито.

А вот крушение лайнера, этакой гигантской чайки, — картина апокалиптическая. За это можно жизнь отдать.

Образ смерти — гибель элегантной чайки — запал в душу. Камнем упал на дно души, как чайка в реку. Такой образ был бы настоящим памятником нерукотворным. Великие бы обзавидовались. Забыть такое невозможно.

Но и исполнить на должном уровне сложно. Цивилизация все совершенствует и совершенствует меры безопасности, черт бы ее побрал. А самоубийц между тем все больше.

Пронести на самолет взрывное устройство?

Нереально. Холодное оружие?

Поэт не может уйти из жизни, как вульгарный террорист. Это аксиома.

Стоп. Террорист. А если уйти из жизни, вступив в смертельную схватку с террористом? Правда, при этом самому бы и пришлось готовить террориста. Продюсировать апокалипсис. Режиссировать все — вплоть до мизансцен. Кому Аллах акбар — а кому Господи благослови. Каждому свое. Террорист получил бы свое место в пошлом раю, а Поэт — вожделенное местечко в невеликом сонме великих.

Отдать жизнь за людей! Погибнуть в схватке с очень раскрученным Злом! Это почти мечта.

Поэт даже стал опасаться, что у него могут украсть идею смерти.

Потому решил не откладывать дело в долгий ящик.

Прежде всего он набросал эскиз будущего шедевра — «Чайка». Зафиксировал пророчество.

Террористов следовало искать среди мусульман, это всем известно. Стоило познакомиться с исламистами поближе. Завести контакты. Прикинуться сочувствующим, наконец. Да все что угодно, только чтобы, не дай Бог, не засветиться. Смерть как проект — это очень поэтическая история, из которой так и прет поэтическая энергия, энергия жизнеутверждения.

Опыта общения с мусульманами у Поэта не было.

Он недолго думая отправился в Соборную мечеть. Просто чтобы присмотреться к чуждому для него племени.

Уже слышалось завывание муэдзина (вот где поэзия в этом суровом горловом призыве? в каком месте? — нет ее), уже сверкнул полумесяц, украшав-

ший шпиль мечети, словно занесенный над миром ятаган. Вдруг путь Поэту преградил какой-то отвратительный нищий.

— Закурить не найдется? — интимно склонился клошар, источая неземной густоты смрад.

— Нет, — сказал Поэт. И зачем-то добавил: — Пошел прочь, чучело.

«Чучело» осклабилось, при этом добродушная (не зловещая!) улыбка способствовала превращению лица в череп. Просто череп как таковой. Поэт невольно отметил, что улыбка странным образом сложилась в ломаный силуэт чайки в разлете. Потом «чучело» ловко выхватило из лохмотьев широченный кухонный нож, невероятно острый, и лихо смахнуло голову Поэта, будто кочан капусты, сопроводив ужасное действо странными же словами:

— А не пакости, мразь. Не выбирай смерть. Развели красоту, человеку ступить негде.

Под эту назидательную речь жертва судорожно насладилась последним поэтическим мигом, сокровенным экстазом, принимая его то ли за возмездие, то ли за насмешку.

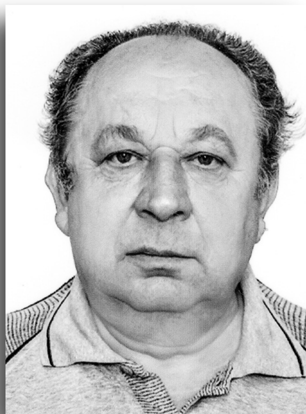
Обезглавленный Поэт как проект судьбы. Как вам такой зигзаг?

Самое обидное, что Поэт в последние секунды жизни уловил своими поэтическими фибрами нечто такое, что наверняка продлило бы его поэтический век да и развернуло бы его поэтическую судьбу совсем в иную сторону.

Но, как говорится, это была бы уже совершенно иная история.

Поэта не стало.

Виктор КУЦ

Под мирным небом

Утро в деревне

По всей деревне ясени и клены
стоят, как часовые на посту.
Зарею ранней вечно опаленный,
готовит стадо к выпасу пастух.
У сонных, потревоженных калиток,
на столбиках, скамейках, свысока
глядят в лицо надоенные литры
коровьего парного молока.
Они пьянят проезжего инстинктом
простого материнского тепла,
что в полных банках, словно жизнь сокрыта,
за радугами синими стекла.
Котенком пискнул у колодца ворот,
хозяйской не дождавшийся руки.
Ветрами чуб соседской крыши вспорот:
шагнули в вечность рано старики.
Молочного испробовав настоя,
пропахло утро свежим молоком.
Сады покрылись снежкою густою,
застрявши в росах чистых босиком.
Казалось мне, не только вся деревня,
а вся округа, свежестью дыша,
пьет с упоеньем сей напиток древний
из солнечного в золоте ковша.

В канун свадьбы

Деревня вся в движении с утра:
Несут скамейки
        со столами вместе.
По огородам шарит детвора —
цветов нарезать
        все хотят невесте.

Кто баньку топит,
кто пирог печет,
все сообща, все спорится,
все срочно.
А где-то самогоночка течет,
звеня струей целебной
денно-нощно.
Паленой шерстью мне
щекочет нос:
кабан повержен,
распрямивши спину.
Горелки пламя,
как голодный пес,
рвет деловито жесткую щетину.
В деревне свадьба
завтра загудит!
Девчата крутят пышные
завивки.
В поту хозяин —
знай за всем следи,
хоть малость принял он
на грудь наливки.
Смакуют деды крепость
старых уз:
нет дружбы той —
за молодежь обидно.
Разъехались, все строили Союз,
а от него и дыма уж не видно.
Приедут, соберутся — дай-то Бог!
Что ни забор — то новая граница.
Проснулся утром,
вышел за порог,
а твой сосед тебя
уж сторонится.
Да что галдеть:
всяк плачет, коль болит.
Но завтра свадьба,
а денечек жаркий!
Пошел и я щетинку опалить:
помочь-то надо —
я любитель шкварки.
Лишь к вечеру утихли старики,
ушли до блеска начищать
медали.
Упало солнце в колыбель реки,
чуть отдохнуть —
на свадьбу приглашали!

Катил троллейбус

Ползет троллейбус,
Битком набитый.
В углу — коляска,
Торчит кибиткой.
Скрипит троллейбус
На повороте.
Ребенок плачет,
Скрививши ротик.
Мать молодая
Сует пустышку.
Не успокоит
Никак сынишку.
Пускай поплачет:
Тряхнуло, видно.
Не может парень
Снести обиду.
Здесь очень жарко
И очень тесно,
А голос тонкий
Звенит протестом.
Не надо соски,
Пусть привыкает.
Жизнь — вагон
          жесткий:
ох, потолкает!
Я вспомнил детство
И схрон — землянку.
На стенах — плесень,
Жара, как в танке.
Чуть приоткрыто
Отверстье лаза:
Хватают воздух
Душ десять сразу.
Щербатый месяц,
Пробитый пулей,
Поплыл над лесом:
Огнем вспугнули.
Горит деревня,
Весь лес освечен.
Дома пылают,
Как в церкви свечи.
Там крик и стоны,
Там плач и слезы.
Людей всех — в гумна,
Добро — в обозы.
Там лязг затворов,

Там звон патронов,
За метров триста —
Фашист от схрона.
Мы рты открыли,
Сидим, как мыши.
А за спиною
Плач детский слышен..
Он здесь, он рядом,
В землянке нашей.
Назло стал мучить
Дурацкий кашель.
Я помню, мама
Грудь дать хотела:
Прикрыла брата
Дрожащим телом.
А он — синеет,
Как полог ночи:
Какие немцы —
Он кушать хочет.
Он грудь хватает,
Смотреть — нет мочи.
Вдруг стал, как камень,
Груди комочек.
Ребенок плачет
В ночи проклятой.
Горит деревня,
Пылают хаты.
О, Боже правый!
Спаси нас, Боже!
И кто-то хлеба
Кусочек вложил,
В открытый ротик —
Сухую корку!
Ночь захлебнулась
Слезою горькой…
Катил троллейбус
Средь улиц душных...
Я плач ребенка,
Как песню, слушал.
Под мирным небом
Сей плач — улыбка.
Катил троллейбус
С коляской-зыбкой…

Бронислав СПРИНЧАН
(1928—2008)

Автобиография

В этом году известному поэту и переводчику Брониславу Спринчану исполнилось бы 90 лет.

Долгие годы, а именно 25 лет, Бронислав Петрович работал в журнале «Нёман» в качестве редактора отдела поэзии. Но и затем, на заслуженном отдыхе, не расставался с журналом — был его постоянным автором.

Предлагаем читателям автобиографию поэта, написанную им в 1987 году и ранее нигде не публиковавшуюся, а также избранные его стихи.

1

Родился я на Украине, 16 августа 1928 года, в селе Каниж Новомиргородского района Кировоградской области. Село это было основано в середине XVIII века. Среди населения преобладали сербы, черногорцы, болгары, венгры. Они и дали селу название от города Надьканижа, который располагается на юго-западе Венгрии. Кроме выходцев с Балкан в Каниже селились беглецы из Польши и Молдавии.

Мои предки — молдаване. О чем свидетельствует фамилия. Молдавское слово «спринчан» означает «бровастый».

Каниж я помню смутно. Когда мне было шесть лет, мои родители — потомственные хлеборобы — переехали в село Михайловку, что находится в нескольких десятках километров от Канижа. К слову сказать, в Михайловке весной 1849 года был Афанасий Фет, служивший тогда в кавалерийском полку. Михайловка расположена на живописных берегах речки Ингулец, все излучины которой навсегда вошли в мою память. Здесь я пошел в первый класс. Здесь у меня появились первые друзья. С ними я ходил и в школу, и на колхозные поля полоть просо, ячмень, пшеницу, собирать и сжигать долгоносиков, поедавших молодые всходы на свекольных плантациях. Я приспособился быстро собирать вредителей в бутылку. Этой работе придавалось особое значение, ее и оплачивали тут же, на поле. За килограмм живых долгоносиков давали килограмм ржаной муки: на редкость щедрая по тем временам оплата. С утра до вечера жгли костер, в котором сжигали вредителей.

Мне нравилось и купаться в запруде, и водить лошадей в ночное. Но, пожалуй, самым ярким и радостным праздником была для меня молотьба. В пронзительно синем небе сверкает лучистое солнце. На току оживление. Из молотилки летит душистая золотая солома. Скирда с каждым днем — все выше и выше. Я с товарищами забираюсь на самую вершину скирды и, как

зимой по снежному скату, стремглав, так, что дух захватывает, спускаюсь по ее крутым скользким бокам.

Узкий и мелкий Ингулец, питаемый осенними дождями, широко разливался по левадам и после первых звонких морозов представлял собой раздольный сияющий каток, по которому мы, сельские мальчишки, шумной оравой неслись несколько километров до железнодорожного моста. Ажурные стальные фермы, высоко вознесенные стройными каменными быками, источали гулкую музыку, когда по ним на северо-запад, в сторону Киева, шли груженные донбасским углем пульманы, а на юго-восток, в сторону Знаменки, неслись вагоны с лесом. Эта музыка завораживала, пробуждала детское воображение. И мне, и моим товарищам очень хотелось побывать в тех краях, куда шли поезда.

Мама поэта Любовь Ивановна.

Вскоре я начал ездить в Знаменку. Из нужды. Жили бедновато: не хватало хлеба. А там, на большой узловой станции, постояв час-другой в длинной очереди, все же можно было купить буханку хлеба.

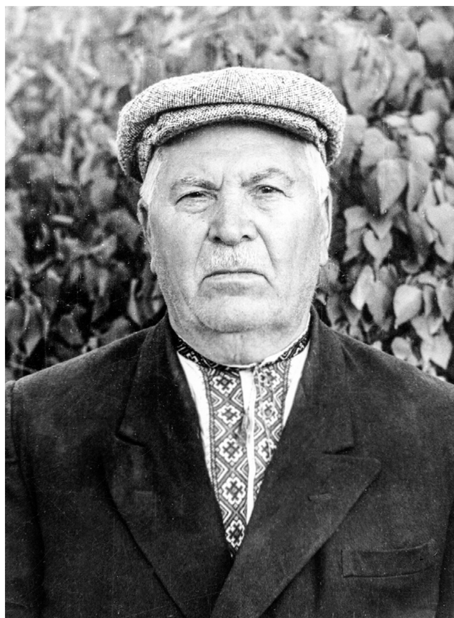
Мать моя, Любовь Ивановна, работала в колхозе «Коммунар» на разных полевых работах, и я охотно помогал ей весной шаровать сапкой делянки сахарной свеклы, во время жатвы — крутить перевясла для снопов, а осенью — убирать кукурузу. Мать пробудила во мне живой интерес и любовь к природе, помогла увидеть в каждой поре года своеобразную красоту. Бывало, идем на весеннем рассвете вдоль загона озимой пшеницы, а мать остановится вдруг и скажет:

— Послушай, как поют перепела: подь-полоть, подь-полоть...

Мать обратила мое внимание на то, как по-разному пахнут поля зреющей пшеницы, жнивье, свежая пахота... Она знала многие цветы — от пролески и фиалки до василька и чабреца — и всегда, когда они встречались, рассказывала о них. Любовь к цветам сказалась и в ее многочисленных вышивках.

Она увлеклась художественной вышивкой крестом, без канвы, в семь лет и вышивала, когда появлялась свободная минута, до 75 лет, пока не подвело зрение. В свое время ее искусство получило признание на областной выставке народного творчества в Кировограде. Ее работы понравились Владимиру Короткевичу и Василю Быкову, которым она вышила льняные купоны на сорочки. С юности и поныне я ношу рубахи, вышитые моей матерью. В них мне хорошо работается, легко дышится.

Отец мой, Спринчан Петр Ильич, родился в крестьянской семье. Успешно окончил церковно-приходскую школу. В свободное от извечных крестьянских работ время читал книги по истории Древнего мира и Киевской Руси. Стал атеистом. В августе 1915-го, когда ему исполнилось 23 года, был призван в армию. После обучения в запасном пехотном полку отцу было присвоено звание младшего унтер-офицера. Вскоре его назначили командиром отделения, а через некоторое время — командиром взвода.

Отец поэта Петр Ильич.

Осенью 1916 года отец со своим взводом был направлен на Западный фронт, в предгорья Карпат для пополнения Перемышльского полка, занимавшего позицию в селе Монастырчаны, около Станислава. Там за боевые заслуги был награжден Георгиевским крестом третьей степени. Весной 1917 года был избран членом солдатского комитета. И когда в армии появились большевики, вместе с ними выступал против продолжения войны до победного конца.

Больной, после тяжелой контузии, в феврале 1918 года отец вернулся домой, в Каниж, и вскоре включился в борьбу за утверждение Советской власти на селе.

Моя бабушка по матери, Дарья Васильевна, была женщиной набожной и сердобольной. Глубоко страдала, когда видела больного ребенка. Наверное, поэтому она и стала знахаркой: лечила детей разными целебными травами. И помогало. Она и меня не раз исцеляла от всяких хвороб.

Бабушка научила меня смотреть на природу как на живое существо, которое и радуется, и печалится, которому бывает и хорошо, и больно.

Любовь к фольклору, к народным песням пробудил во мне мой дед Илья Афанасьевич Спринчан. С замиранием сердца слушал я, как он поет: «Ой, коню, мій коню, коню вороненький...» Дед прожил трудную жизнь: рано потерял отца, с восьми лет батрачил. В семнадцать — овладел непростым ремеслом копать погреба. Почти каждый третий погреб в дореволюционном Каниже был вырыт моим дедом Ильей. И хату он построил себе своими руками. Был он человеком веселым, с доброй, поэтической душой. Все крестьянские праздники — новогодье, зажинки, дожинки, свадьбы — не обходились без его участия. Он хорошо плясал, играл на бубне, пел обрядовые песни.

Мой дед по матери, Иван Андреевич Киторага, был человеком степенным, главой многочисленной крестьянской семьи, хорошим хозяином. На протяжении многих десятилетий он занимался не только землепашеством, но и чумаковал. Возил на волах хлеб в Крым и Одессу, а оттуда — соль и рыбу. В глубокой старости, а прожил он без малого сто лет, дед красочно, с подробностями, рассказывал о своих чумацких приключениях, о Черном море, о том, что видел и слышал в дальних дорогах. Видимо, его рассказы способствовали тому, что в раннем детстве я приохотился к чтению книг, прежде всего о путешественниках и мореплавателях.

2

Годы фашистской оккупации — полуголодное существование, крайняя нищета, в хате — ни кусочка хлеба, ни щепотки соли. Я — в латаных-перелатаных штанах и сорочке из домотканого конопляного полотна, крашенного темно-лиловым соком бузины. Беру большую торбу и под прикрытием вечернего сумрака выбираюсь из села в поле.

Всходит огромная багровая луна. Я, согнувшись в три погибели, чтобы никто не увидел с дороги, хожу по стерне — ищу небольшие конусообразные холмики из ячменных колосьев, собранных мышами на зиму. Редкой удачей было найти кучу колосьев, которую мыши еще не успели покрыть слоем земли. Каждый колосок чистый, полновесный, без соломины. Все они тщательно уложены один к одному, остьями вниз, чтобы струи дождя скатывались с них, как с хорошо поставленного стожка. Но и покрытые землей мышиные припасы я не обходил. Торопливо срывал с них уже успевшую прорасти после дождей земляную крышу и заталкивал в торбу подопревшие колосья.

С будущей женой Светланой. Конец 1940-х годов.

Страшно было возвращаться в село с полной торбой. Встретится полицай или фашист — живым с поля не уйдешь. Пугал каждый лохматый куст, каждый неясный звук.

А потом — обмолотить колосья, провеять и подсушить зерно. Чтоб смолоть муку, в темном сарайчике, обливаясь потом, надо вращать жернов...

Крутил я, не чувствуя рук,
И, мир заслоняя собою,
Всходил над моею судьбою
Не солнца, а жернова круг...
(«*Память*»)

3

До войны я окончил шесть классов. Но за годы оккупации ни разу не держал книги в руках. Нужно было наверстывать упущенное. В 1945 году окончил семь классов и поступил на кузнечное отделение Кировоградского техникума сельскохозяйственного машиностроения.

В семнадцать лет я впервые увидел город. Трехэтажные здания казались невероятно большими. Особенно сильно поразили меня цеха завода «Красная звезда», куда мы, учащиеся, пришли на экскурсию.

— Это вагранка, — указав на черную башню, сказал преподаватель, — в ней варят чугун...

Слово «варить» в тогдашнем моем понимании было связано только с приготовлением пищи. Варить борщ, варить кашу... Как я ни силился, но не мог постичь — как это можно варить чугун? А спросить стеснялся, потому что по лицам своих сокурсников — городских парней — видел: им все понятно.

На каждом участке открывалось такое, что уму непостижимо. Оказывается, и сталь можно резать, как острым ножом вербовую ветку, делая из нее свисток. С резца длинной фиолетовой спиралью, дымясь, сбегает стружка, и покрытый рыжей ржавчиной кругляк становится гладким, голубым, сияющим.

Кузнечный цех оглушил громом пневматических молотов. Над горнами метались языки огня. Сверкали искры. Кузнец огромными клещами держал

раскаленную добела болванку, которая под бойками меняла очертания, приобретала нужную форму. На моих глазах рождалась поковка... Все это было подобно чуду. Восторгало, завораживало и пугало — смогу ли я когда-нибудь овладеть кузнечным делом?

Прошло несколько месяцев напряженной учебы. И вот я завершаю свою первую производственную практику. Наступил день экзамена. Мастер дал мне кусок стального круглого проката:

— Сделай молоток.

Я развел горн. С первого нагрева с помощью молотобойца отрубил заготовку. Но самое сложное впереди. Недостаточно накалишь сталь — трудно будет ковать, а пережжешь — пустишь в брак. Помогло то, что за несколько недель до практики я внимательно слушал и конспектировал объяснение преподавателя о цветах побежалости. Мне удалось довести заготовку до белого свечения. Сталь стала податливой. Я отковал четырехгранник и успел оттянуть один конец. Вырисовались контуры будущего молотка. Труднее всего оказалась прошивка овального отверстия, но и с ней справился.

Чего греха таить, молоток получился чуть-чуть кособоким. Но я видел, что им можно не только гвозди забивать, но и косы клепать, и даже новый, более удачный, молоток сделать.

Мастер посмотрел на мою работу и сказал:

— Сойдет!

А в зачетку поставил — «хорошо». Я был несказанно рад своему «творению», как и тогда, когда на весенней вспашке провел первую борозду. И поныне помнится, как, взяв в руки чапыги, я шел за плугом и завороженно смотрел, как лоснящимся винтом поворачивался пласт жирного чернозема на крутом отвале.

Хорошей школой постижения «секретов» горячей обработки металлов была для меня преддипломная практика на «Ростсельмаше». На этом ведущем в стране заводе сельскохозяйственного машиностроения я собрал материал для проекта поточной линии изготовления полевого колеса хедера зернового комбайна. Дипломную работу защитил успешно.

Летом 1949 года мне вручили направление на «Гомсельмаш». В Белоруссии тогда не было техникумов, где бы готовили специалистов по кузнечному делу. Меня охотно взяли бы и на «Красную звезду» в Кировограде. Там тоже не хватало нужных работников. Но предписание было очень строгим.

В Гомель я приехал с женой Светланой. Встретили нас в Белоруссии хорошо. Сразу же поселили в небольшой комнате в новом заводском поселке, хотя с жильем было трудно: Гомель еще не поднялся из руин.

На последнем курсе техникума многих моих товарищей волновало, в какой город они попадут, куда их направит руководство завода — в конструкторское бюро, в технологический отдел или на горячий участок цеха?

И вот я в кабинете главного инженера. Не волнуюсь, потому что выбору рабочего места не придаю особого значения.

— У тебя хороший диплом. Куда ты хочешь?..

— Пойду в цех, — ответил я.

А начальник кузнечного цеха Горянский уговорил меня пойти, хотя бы на некоторое время, сменным мастером на электросварочный участок, который входил тогда в состав кузницы. Меня больше влекло кузнечное дело. Но, комсомолец сороковых годов, я был приучен подавлять личные желания. Если надо — значит надо. И пошел на электросварку. Тут-то я и узнал, почем фунт лиха.

В редакции «Нёмана» с Валерием Липневичем. Начало 1970-х годов.

Моя бригада, состоявшая из резчиков, разметчиков, сверловщиц, крановщиц и электросварщиков, изготавливала каркасы для молотилки «Коммуна». Боковины сваривали из проката уголковых профилей и швеллеров. Огненные швы, остывая, сжимались, крестовины перекашивались. Нужно было брать кувалду в руки и рихтовать боковины. Иногда приходилось рубить швы и накладывать новые. Часто уже на готовых, покрашенных голубой краской молотилках обнаруживались треснувшие швы. Рабочих не хватало. Нельзя было снять сварщика с рабочего места и послать его на склад готовой продукции исправлять брак. Пришлось самому овладеть электросваркой и латать огрехи. К концу смены валишься с ног. Но пока не закроешь наряды сорока рабочим, домой не уйдешь.

Вскоре меня перевели в соседний, кузнечный пролет. Здесь я освоился быстро. Но и электросварочный участок не забывал, часто заходил: там работали замечательные люди, с которыми я успел подружиться, — Александр Камышный и Рая Козлова, совсем молоденькая. Тогда еще не Герой Социалистического Труда.

А в кузнечном пролете уже завязывалась новая рабочая дружба со старшим мастером Даниилом Матвеевичем Рихтиковым, кузнецом Василием Хурсаном, ставшим через несколько лет Героем Социалистического Труда.

Задания были напряженными. Приходилось круто. Но молодость брала свое. Работа полюбилась. Удачи радовали. На цеховой Доске почета появилась моя фотография. Настроение было творческое. После митинга, посвященного борьбе за мир, зашел к электросварщикам. Посмотрел на работающего Александра Камышного, и вдруг как бы сами собой возникли строки:

Электросварка
Пылает ярко —
Кругом светло.
И, как живое,
Дрожит тугое
Огня крыло.

И весь в движенье
От напряженья,
Металл поет.
И сварщик пламя,
Как мира знамя,
В руке несет.

(«*В цехе*»)

А через несколько дней у меня появилось еще одно стихотворение:

Из тихого далекого села,
Через кузнечный цех,
В широкий свет
Моим стихам дорога пролегла.

И понял я:
На ней покоя нет.

Благословенна вечная страда:
Кую железо и чеканю стих.
Я всей душой поэзию труда
У молота кузнечного постиг.
(«*Из тихого далекого села...*»)

Так в кузнечном цехе «Гомсельмаша» начался мой нелегкий путь в поэзию.

4

Я пробовал писать еще в техникуме. Но то были альбомные стихи о любви и природе. А теперь появились строки, воспевающие рабочего человека, его созидательный труд, его мечты и чувства.

Следует сказать, что первые стихи я писал на своем родном украинском языке. Они понравились заведующему отделом культуры «Гомельской правды» А. С. Рабиновичу. К ним сочувственно отнеслись и мои старшие товарищи по литературному объединению при областной газете Михась Даниленко, Александр Капустин, Константин Ельчанинов, Федор Одноочко и Эдуард Лакерман. Свои украинские стихи я послал в киевский журнал «Дніпро». Поэтесса Любовь Забашта, к которой они попали, прислала мне не обнадеживающий ответ. Печатать украинские стихи в Белоруссии негде. Заводчане, с которыми я ежедневно общался, говорили по-русски, хотя в их речи была изрядная доля белорусских и украинских слов. Многотиражка издавалась на русском языке. Мои заводские товарищи белорусы Виктор Семенов, Михаил Буткевич, украинец Владимир Кипенко стихи и рассказы писали на русском языке. Я тоже начал писать по-русски.

Однажды я послал в радиоальманах «Беларусь литературная» свое стихотворение о кузнеце нашего цеха Лобанове. А дней через десять услышал его по радио. Мои стихи довольно часто начали появляться в заводской, областной и республиканских газетах, в альманахе «Советская Отчизна», впоследствии ставшем журналом «Нёман».

В Гомель нередко приезжали писатели из Минска. Хорошо помню встречи с Пилипом Пестраком, Михасем Климковичем, Алексеем Русецким, Иваном Шамякиным, Дмитрием Ковалевым, Антоном Белевичем, Анатолием Астрейко. Тогда я не имел филологического образования, и беседы с ними были уроками, приближавшими меня к пониманию природы литературного творчества.

Неоценимой школой постижения «секретов» поэтического мастерства стали для меня семинары Литературного института имени А. М. Горького, заочное отделение которого я закончил в 1959 году. Вместе с Алесем Божко и Федором Жичко я был зачислен в семинар Якова Хелемского. Но никогда не упускал возможности попасть на семинарские занятия к Илье Сельвинскому и Михаилу Светлову. Уроки этих поэтов запомнились навсегда.

Я был рад высокой оценке моего диплома — сборника стихов «В центральном пролете», — хотя хорошо понимал, что Илья Григорьевич Сельвинский и Всеволод Вячеславович Иванов дали ее, конечно же, на вырост.

Моему творческому росту способствовали письма, в разные годы полученные мной от Николая Асеева, Кастуся Киреенко, Дмитрия Ковалева, Эдуарда Асадова, Пилипа Пестрака, Пимена Панченко, Якова Хелемского, Льва Озерова, Адольфа Урбана. Во всех письмах — желание помочь мне лучше

С Василем Быковым и Нилом Гилевичем.

увидеть сильные и слабые стороны в своих стихах. Эти письма ценны еще и тем, что они были для меня, будущего заведующего отделом поэзии журнала «Нёман», хорошим примером взыскательного и доброжелательного отношения к молодым поэтам. Строгая доброта и терпеливость моих учителей, их подробные письма ко мне впоследствии обязывали меня быть таким же терпеливым и доброжелательным с авторами, написавшими свои первые строки. Ко мне, в «Нёман», где вот уже более двадцати лет я веду отдел поэзии, охотно, в пору творческой юности, приходили показать свои стихи и услышать мое мнение о них Эдуард Скобелев, Евгения Янищиц, Валерий Липневич, Ольга Ипатова, Микола Метлицкий, Виктор Шнип, Татьяна Лейко и многие другие.

5

Оглядываясь на прожитое, вижу: хорошо, что мой жизненный путь пролег через центральный пролет кузнечного цеха. В рабочем окружении, в тяжелом труде, требующем изобретательности, ловкости и высокой дисциплины, формировался мой характер, мое миропонимание. Всякий созидательный труд прекрасен. И все же — кузнечный — ярче и величественнее. Лицо и руки кузнеца, озаряясь трепещущим пламенем горна и млечным светом раскаленной стали, как бы укрупняются. Весь его облик дышит какой-то особой, красивой силой.

В свободную минуту я любил смотреть на работающих кузнецов. Их труд всегда восхищал и завораживал меня, казался каким-то волшебством, священнодействием. Красочные картины ковки ассоциировались в моем воображении с животворящими явлениями природы — весенней грозой, зигзагами молний между ветвями дубов, восходом солнца.

Переполнявшие меня впечатления искали словесного выражения. Нередко за полночь я засиживался в кухне над листом бумаги. Трудно и радостно рождались строки. На протяжении длительного времени «Гомсельмаш» был благодатной почвой, питавшей корни моей поэзии.

С сыном и внучкой. Лунинец, 2004 г.

В 1957 году вышла моя первая книжка «Над кручами Сожа», а через четыре года — вторая — «В центральном пролете». Я почувствовал, что начинаю повторяться, и для того, чтобы расширить круг своих впечатлений, мне необходимо выйти за пределы родного завода, побывать на новостройках республики, в Новополоцке, Солигорске, Гродно, прикоснуться душой к новому, неизведанному. Кроме того, плодотворная работа молодого литератора почти невозможна вне писательской среды, без постоянного общения не только со своими сверстниками, но и с опытными мастерами — поэтами, прозаиками, критиками. Все это хорошо понимал один из руководителей Союза писателей Белоруссии, чуткий и добрый человек, замечательный писатель Иван Петрович Шамякин. Он и помог мне перейти из заводской многотиражки «Сельмашевец» в промышленный отдел газеты «Советская Белоруссия». Я бесконечно благодарен и И. П. Шамякину, и бывшему редактору О. А. Здоровенину. Частые журналистские командировки дали мне возможность познакомиться с новыми интересными людьми — строителями, химиками, шахтерами, хлеборобами.

Я побывал во многих городах и селах республики. В моей памяти запечатлелись своеобразные, такие непохожие друг на друга, берега Днепра, Немана, Припяти, Случи, Ясельды, Мухавца, Щары, Ипути, Друти, Западной Двины. В каждой из этих рек я плавал, причастился их живыми водами. Днепровская — голубая, припятская — коричневая, двинская — зеленоватая. В мои стихи начала входить природа Белоруссии со всеми своими красками, запахами, звуками.

В 1964 году я поступил в Минскую высшую партийную школу. Изучение философии способствовало творческой работе. Появились такие стихотворения, как «Стоит ли печалиться...», «Олень», «В музее».

В январе 1966 года Центральный Комитет КПБ направил меня в журнал «Нёман» заведовать отделом поэзии. Работа нелегкая, но интересная. Постоянное общение с поэтами и мастерами поэтического перевода способствовало моему творчеству.

В пятидесятые и шестидесятые годы я читал все поэтические сборники, выходившие в Белоруссии. Полюбившиеся мне стихи пробовал переводить. Изредка мои переводы появлялись в гомсельмашевской многотиражке, в газетах «Советская Белоруссия», «Труд». Но серьезно поэтическими переводами я занялся, уже работая в журнале «Нёман». Личные творческие пристрастия счастливо совпадали с интересами журнала. В моих переводах на страницах «Нёмана», а затем и других изданий, все чаще и чаще стали появляться подборки стихов П. Бровки, М. Танка, П. Панченко, Г. Буравкина, П. Макаля, А. Вертинского, Н. Гилевича, Р. Бородулина...

Среди самых любимых моих поэтов — Максим Богданович. Его «Выбраныя творы» — первая белорусская книга, которую я прочитал в 1949 году, когда начал работать на «Гомсельмаше». Первая книга — как первая любовь. На протяжении трех десятилетий я много раз перечитывал запавшие в душу стихи Богдановича. И только в 1979 году решился воссоздать их на русском языке. Перевел — «Слуцкие ткачихи», «Переписчик», «Среди песков египетской земли». Показал их Анатолию Кудравцу — главному редактору «Нёмана». Переводы ему понравились. И он предложил мне перевести для журнала большую подборку стихотворений Максима Богдановича. Кроме «Нёмана» стихи этого выдающегося поэта в моих переводах появились в «Правде», «Советской Белоруссии» и «Литературной газете». О моей работе одобрительно отозвались такие знатоки творчества М. Богдановича, как Олег Лойко, Михась Стрельцов и Микола Гринчик. Газета «Літаратура і мастацтва» напечатала статью Вячеслава Рагойши, в которой он высоко оценил лучшие мои переводы и посоветовал мне перевести всю книгу стихов классика белорусской литературы. Работа захватила полностью. Никогда раньше не работалось с таким упоением. И вот через пять лет в издательстве «Юнацтва» вышел «Венок» М. Богдановича в моем переводе. В книгу вошли полностью, кроме переводных, произведения белорусского «Венка», вышедшего в 1913 году в Вильне, а также избранные стихотворения разных лет.

Всегда испытываю ни с чем не сравнимое удовлетворение, когда вижу, что перевод нравится автору оригинала. Особенно живо и открыто выражают свое отношение к удачным переводам их стихов Нил Гилевич и Рыгор Бородулин, несколько сдержаннее — Пимен Панченко, Петрусь Макаль, Геннадий Буравкин, Анатолий Вертинский.

Большую заинтересованность проявил к переводам моих стихов Петрусь Бровка. Несмотря на постоянную занятость, он находил время, чтобы встретиться и обсудить переводы. Помнится, как в августе 1976 года я попал с гипертонической болезнью в лечебницу, где находился на исследовании Петр Устинович. Несколько раз мы встречались на утренних прогулках. Говорили о жизни, поэзии, переводах. Бровка весело, с юморком рассказывал всякие истории из своей юности. А однажды попросил:

— Прочитайте еще, калі ласка, «Пахнет чабор».

Я читал и видел по выражению просветленного лица Петра Устиновича, что ему нравится мой перевод. Об этом он сказал потом в интервью, которое дал Петру Шевцову для газеты «Літаратура і мастацтва».

Меня называют рабочим поэтом. И это не случайно. Молодость моя прошла в заводских цехах. Я писал стихи о заводчанах. Но до семнадцати лет я

не видел никакого завода. Все самые сильные впечатления детства и ранней юности связаны с природой, с трудом хлеборобов, с поэзией ярких крестьянских праздников, дошедших до наших дней из глубин язычества. Встреча весны, Купала, зажинки, дожинки, новогодние торжества — с их песнями, хороводами, колядками — навсегда вошли в меня, но в напряженных буднях моей заводской молодости никогда не вспоминались. Вспомнились они только через много десятилетий, когда я однажды случайно услышал, как

Сквозь неистовый вой дискотек
Пробивается голос колядки...

Картины крестьянской жизни ожили во всей своей первозданности, красочности, пластичности. И во мне неожиданно, волнуя до слез, зазвучало многоголосое эхо веснянок, колядок, купальских и дожиночных песен. Пошли стихи. За два года написалась книга «Надежды нежные ростки». Она тематически отличается от прежних моих сборников.

Сейчас пишу стихи для новой книги и параллельно работаю над поэтическими переводами. Неумолимо наступает осень... Не за горами время подбивать бабки.

Вижу — урожай мой небогат:
Недород на нивах прошлых лет.
Повернуло солнце на закат,
И струится предосенний свет.

Стихли грозы. Ясен небосклон.
И земля еще не холодна.
В самый раз перепахать загон,
Отобрать для сева семена.

Важно, — путь пройдя свой «от» и «до»,
Видя: иссякает дней запас, —
До конца надеяться на то,
Что еще наступит звездный час.

Свет надежды... Может быть, и я,
Все изведав на своем веку,
Если повезет, — одну строку
Напишу для книги бытия.

6 января 1987 года.

Публикация и подготовка текста Вадима СПРИНЧАНА.

Бронислав СПРИНЧАН

На крутых изломах бытия

Огонь надежды

На Полесье мы огонь везли —
Благодатный, от Господня гроба,
В церкви, отрываясь от земли,
Шли на встречу с нами хлеборобы.

Пламенел сентябрьский небосвод
Розово, лазорево, лилово.
В сотах золотой пахучий мед
Нам дарило Буда-Кошелево.

Был благословеньем осиян
Путь к святыне, где святые мощи,—
Тут, в Корме, Кормянский Иоанн
Нам придал своей духовной мощи.

В Хойники приехали с дождем,
С опозданьем. Темень, полночь скоро…
— С вечера огонь священный ждем! —
Люди говорили без укора.

Колокол исторг тугую звень, —
В сердце боль толкнулась, как отдача,
И полесскою стеною плача
Встала карта мертвых деревень.

А потом — прекрасное виденье:
Мощный человечий монолит.
Обжигает жаждой возрожденья
Страстный вечевой глагол молитв.

Свет струили тысячи свечей,
Превращали трепетные блики
Лица прихожан в святые лики,
Угли глаз — в сияние очей.

В Турове, когда крестом своим
Осенял нас Туровский Кирила,
Чем-то вечным, вещим, дорогим
Веяло, душа светло парила.

Землепашцы близлежащих сел
Перекрыли нам дорогу в полдень,
Чтобы их лампад не обошел
Исцеляющий огонь Господень.

И врастали — из глубин веков —
В сердце мне Рубель, Ольшаны, Столин
Радужной палитрой цветников,
Благотворным звоном колоколен.

Жизнь крестьян, насыщенная крайне,
День за днем приоткрывала мне
Ранее невидимые грани.
И ночами в мягкой тишине
Мне спалось, как в молодости ранней.

Мамин крест

Тихо просветляется душа
Звонким переливом соловья.
Луговой тропинкой не спеша
На рассвете вышел в поле я.

Взгляд ласкает льна голубизна,
А к тому же новая на мне
Вышиванка белая из льна,
Вышитая красным мулине.

С молодости ранней до сих пор
Озаряет все мои лета
Красно-белый трепетный узор —
Вещие славянские цвета.

Белый в Беларуси искони —
Чистота, а красный колер — жизнь.
Как сошлись, как весело они
На рубахе праздничной слились!

Свой узор на полотне простом,
На льняном беленом полотне
Мама тонко вышила крестом
И на счастье подарила мне.

Не ужалит ни одна змея:
От вселенской нечисти храня,
На крутых изломах бытия
Осеняет мамин крест меня.

Белые мои волы

Вся моя дорога обозрима,
Проступает быль сквозь пыль и прах.
Дед волами соль возил из Крыма,
Я — пшеницу с поля на волах.

Их ни разу не стегал с оттяжкой,
Не хулы — достойны похвалы
На скирдовке и на вспашке тяжкой
Были мои белые волы.

Кряжисты, лобасты, крутороги,
Рядом не волы, а божества
Шли со мною по земной дороге
С вешней борозды до Рождества.

Я не то чтоб холил их, но корма
Не жалел, житье-бытье само
Понукало, и они покорно
Подставляли шеи под ярмо.

Мы впрягались в плуг по доброй воле,
Я и пара молодых волов.
Живописным было наше поле —
Рыж загон, а свежий пласт лилов.

И хоть был я в латаной рубашке,
Хоть скрипело старое ярмо,
С неба, что ли, на меня при вспашке
Вдохновенье падало само.

Светлые наивные мотивы
Сочинялись мною на ходу:
«Гей, волы хорошие мои вы,
Ровную гоните борозду!..»

Облики меняла нам работа,
К вечеру — с утра белым-белы —
От насыщенного пылью пота
Становились серыми волы.

На рогах играл закат багровый,
Шли волы, величие храня,
Пахнувший травою дух здоровый
Из ноздрей их овевал меня.

И теперь библейскими глазами
Глянут в душу из лиловой мглы —
И всплывают предо мною сами
Утро, поле, белые волы.

Канеж

Ты и во снах моих, как наяву,
Передо мной, село родное Канеж.
Пока дышу, пока еще живу —
Из памяти в забвение не канешь.

Легенды и преданья говорят:
Когда-то здесь в долине соловьиной
Врос крепко в землю южной Украины
С полком своим лихой гусар Хорват.

Из века в век росло мое село.
Селились в нем болгары и венгерцы,
И молдаване прирастали сердцем
К селу, что духом вольности влекло.

Тропа моя — на склоне бытия.
Не потому ли чаще стали сниться
Мать, и отец, и дедушка Илья,
И даже колыбель моя в светлице…

Ладони теплых материнских рук
И речка Высь… В ее зеркальном лоне,
Когда восход горел на небосклоне,
Себя впервые я увидел вдруг.

У батьки след раздумья на челе
Светился в дни, когда, придя с работы,
Он, вспомнив давних былей эпизоды,
Рассказывал мне о родном селе.

Приоткрывался мир моим глазам:
Батрачил дед Илья в чужих усадьбах,
Колодцы рыл и в бубен бил на свадьбах,
И нашу хату он построил сам…

Узнал я, как отец мой, страх осилив,
Под загражденье «языка» тащил.
Ему за то сам генерал Брусилов
Перед полком «Георгия» вручил.

Не потому ль Вторая мировая
Своим масштабом, мощью огневой,
В моем сознании не умирая,
Не заслоняет Первой мировой…

К тебе прильну во сне, ты вновь расскажешь,
Как вешали германцы, сея страх,
Твоих исконных пахарей, мой Канеж,
На крыльях мельниц, словно на крестах.

Их свято чтят и в праздники, и в будни,
Они навеки — в памяти сельчан.
В большой могиле братской спят и люди
С фамилией, как у меня, — Спринчан.

Олень

Светлане

След волчий на тропе оленьей.
В охоте понимая толк,
Из поколенья в поколенье
Преследует оленя волк.

Через поляны и распадки,
Испуган и легко раним,
Бежит олень во все лопатки,
И серый волк бежит за ним.

Так в постоянном напряженье
За перевалом — перевал.
Оленя в яростном движенье
Упругий ветер шлифовал.

Вот замер в тишине морозной
Так, что снегирь присел на рог.
С глубоким вздохом через ноздри
В две струйки вырвался парок.

Не Бог, а бег творил оленя,
Но видит Бог, что вышел толк.
А в том, что нет в олене лени,
Повинен все же серый волк.

* * *

Время цветенья. Теплынь на земле.
Воздух пыльцою курится.
В этой душистой желтеющей мгле
Сладостно тыкаться чуткой пчеле
Пестику в нежное рыльце.

Время цветенья — надежда земли,
В солнце — луга, огороды…
Запахом меда цветки изошли.
В клевере красном хмелеют шмели.
Радостен праздник природы.

Только мне жаль, что на светлой земле
Коротко время цветенья.
К жатве готовятся люди в селе.
В тучах закат, словно угли в золе.
Стелются длинные тени.

Чувствую: к полночи вызреет гром.
С теплого, доброго ливня,
Знаю, начнется на поле родном
С первым, играющим в каплях, лучом
Бурное время налива.

Соками нива колосья нальет,
Щедро амбары наполнит.
Время итогов черту подведет…
Все отойдет… Только солнечный мед
Нам о цветенье напомнит.

Бекбулат ШЕКЕРОВ
Республика Казахстан, г. Алматы

Два рассказа

Домбра бабушки

Раздражение накапливалось незаметно, исподволь, и выплеснулось совершенно неожиданно, вечером перед уходом.

Мать как всегда сидела за столом, низко склонив голову, и, услышав шаги Даны, спросила бесцветным голосом:

— Ужинать будешь?

— Нет, — сухо отрезала Дана, готовая в любую минуту взорваться и дать отпор.

Мать слегка качнула головой и взглянула в сторону дочери:

— Ты куда?

— Не твое дело, — выпалила Дана и выскочила из комнаты, боясь, что мать сейчас заведется и скандал будет неизбежен, и тогда мать никуда ее не отпустит.

Только на улице Дана вздохнула с облегчением, выпрямила плечи и расслабленной походкой независимого человека пошла к остановке.

Встречные прохожие невольно оглядывали Дану, кто с открытой насмешкой, кто удивленно, а кто испуганно.

Густо подведенные черные глаза подчеркивали неестественную белизну лица и сверкающее серебро пирсинга.

Волосы, растрепанные во все стороны, блестели от лака и воинственности.

Грудь агрессивно топорщилась под коротеньким топиком.

А такая же коротенькая юбочка, подчеркивая красоту и безупречность ног, вызывала раздражение у женщин и восхищение у мужчин.

Тяжелые кованые ботинки позволяли двигаться расслабленно, так как ногу оторвать от асфальта было довольно тяжело.

Дана не чувствовала вины, наоборот, она шла и злилась оттого, что мать не понимает ее, что матери некогда поговорить с ней, что мать не одобряет ее стиль и ее дружбу с Игорьком.

Мать работала врачом в больнице, и Дана всегда обижалась, мысленно упрекая ее в том, что больные дороже ей, чем родная дочь.

И если бы не Игорек, Дана давно бы уже махнула на все рукой, написала бы маме предсмертную записку о том, что она ни в чем не виновата, и однажды шагнула в окно.

Но Игорек дал ей послушать грустную песню, и Дана поняла, что музыка позволяет ей выплеснуть свои эмоции в крике и ярости танца.

Мать дружбу с Игорьком не одобрила и привела совершенно нелепый довод, что Дане только шестнадцать, а ему уже двадцать пять.

Но Дана проигнорировала замечания матери, и вот, в первый раз в жизни ушла из дома, на целую ночь, чтобы провести время в компании Игорька и друзей, ценителей тяжелой музыки.

Собрались на пустыре, разожгли на бочках костры и врубили музыку на всю катушку.

Игорек предложил какую-то таблетку, но Дана отрицательно мотнула головой.

Игорек засмеялся и вытащил сигаретку.

А когда Дана снова отказалась, Игорек раздраженно спросил:

— Может, ты еще скажешь, что ты — девственница?

— Да, — прокричала Дана в ответ, — а что, это плохо?

— Ничего хорошего, — прокричал Игорек в ответ.

Дана пожала плечами и благоразумно решила промолчать.

Утром, уставшая, но довольная, Дана вернулась домой в надежде, что мать уже ушла на работу.

Но вопреки ожиданию, мать оказалась дома и ждала Дану.

Покрасневшие глаза матери выдали, что она плакала.

— Собирайся, — сухо сказала мать, — в аул поедем.

Видя, что Дана попытается возразить, мать пресекла все возражения:

— Бабушка умерла.

…Тетки Алмагуль, Назгуль и дядя Турсынбай беседовали со старшей сестрой, матерью Даны, о разделе имущества.

Разбирали и раздаривали вещи своей матери, и тут взгляд тетки Назгуль упал на домбру.

— А кто мамину домбру возьмет? — вдруг спросила тетка Назгуль.

Тетка Алмагуль отмахнулась:

— А кто у меня играть будет? Один, кроме своего трактора, ничего не видит, другому — компьютер подавай. А Айдана уже на мальчишек смотрит, ей косметика нужна.

Дядя Турсынбай хмыкнул и сказал:

— А нам фортепьянов нужно, две штуки.

Мать Даны искоса взглянула на дочь и тихо вздохнула.

И этот молчаливый взгляд взбесил Дану, она вспыхнула как спичка и назло матери, назло ее взгляду сказала — сказала просто так, чтобы досадить:

— Я возьму.

Дядя Турсынбай изумленно посмотрел на Дану и согласно кивнул головой:

— Правильно. Ты у бабушки — первая и любимая внучка. Кому как не тебе домбру взять.

Вечером Асылхан, двоюродный брат Даны, вытащил магнитофон и сказал Дане:

— Пошли к соседям. Покажешь, что у вас в городе танцуют.

Видя удивленный взгляд Даны, нетерпеливо добавил тоном, не терпящим возражений:

— Пошли, пошли.

В соседнем дворе собрались мальчишки и девчонки от четырнадцати до двадцати лет.

— Это что у вас, дискотека? — высокомерно подняла бровь Дана.

— Типа того, — усмехнулся Асылхан, — покажи нам, что в городе танцуют?

— Музыка нужна, — попыталась отвертеться Дана.

— Есть, есть, — успокоил ее один из парней, — сейчас сделаем.

Парень вставил в магнитофон кассету, и из динамиков хлынул рев «тяжелого металла».

Дана оглядела компанию, никто не улыбался, все с сосредоточенными лицами ждали танца.

А когда Дана, тяжело дыша, стряхивая капельки пота с челки, остановилась, девчонки восхищенно зааплодировали, а один из парней разочарованно сказал:

— Ва, а я думал, это так круто.

Дана гневно обернулась, но одна из девчонок заступилась и опередила ее:

— А что, твой танец круче? Дрыгаешь ногами, и все.

Парень не обиделся:

— Этот танец в Москве танцуют.

— Да брось ты, — девушка передразнила, — в Москве. Это что, показатель, что ли?

Дана заинтересовалась и просто предложила:

— Че спорить. Покажи.

— Без проблем, — ответил парень и сменил кассету.

К парню подошла одна из девушек и, улыбаясь, тряхнула косой:

— Как обычно?

Парень кивнул в сторону Даны:

— Ударно. Покажем горожанам.

Зазвучала веселая техно-музыка.

Дана восхищенно следила за танцорами, а потом присвистнула и признала:

— Круто.

Парень признательно кивнул головой.

…После долгих поцелуев и наставлений друг другу тетки, наконец, выпустили мать и Дану из своих объятий.

Мать и Дана сели в машину, и тут из дома выбежал Асылхан с домброй в руке.

— Дана, ты забыла бабушкину домбру, — напомнил дядя Турсынбай.

— Я же пошутила, — воспротивилась Дана, — что я с ней делать буду?

Дядя Турсынбай укоризненно покачал головой:

— Никаких шуток. Это тебе память о бабушке.

Дома Дана поставил домбру в угол и забыла про нее.

Снова потекла монотонная жизнь, школьные проказы, встречи с друзьями, с Игорьком, постоянные пререкания с матерью, громкий рев тяжелой музыки, а домбра тихо пылилась и старела в углу, за кроватью Даны.

Все изменил один воскресный вечер. Мать ушла на дежурство, а Дана собралась на встречу с Игорьком.

Но не позвонила ему, надеясь на сюрприз.

Сюрприз оказался монетой о двух сторонах. Игорек не ждал ее, а мило целовался на скамейке у дома с Наташей, одноклассницей Даны, которая сама же их и познакомила.

Дана даже не стала подходить, увидев их, она расправила плечи, развернулась и ушла, надеясь, что Игорек увидит ее, догонит и попросит прощения, объяснив, что это страшная ошибка с его стороны.

Дана не замечала, что слезы размазывают ее густую тушь, что черные подтеки залили ее лицо. Прохожие испуганно разглядывали Дану, а она все шла, шла и прислушивалась, не раздастся ли позади звук шагов бегущего, догоняющего ее Игорька.

Но Игорек даже не заметил ее.

Дома Дана включила телевизор, села в кресло и неподвижно застыла, ничего не видя и не слыша.

Слезы продолжали катиться из глаз, жалко было себя, жалко было маму, которая — Дана уже придумывала способ ухода из жизни — должна была остаться совсем одна.

Весь мир ополчился против Даны, и Дана решила отомстить миру.

А Игорек придет на похороны, увидит ее — величественную, бледную, и тогда поймет, какую красивую и любящую девушку он потерял.

И пожалеет об этом, и заплачет. Но будет поздно.

Хотелось бы посмотреть в этот момент на плачущего Игорька.

Но как это сделать? Она же будет лежать в гробу.

А как присоединиться к большинству?

Шагнуть из окна? Фу, это же каша-малаша получится.

Повеситься?

А вдруг язык вывалится и лицо синим станет? А от таблеток, наоборот, зеленым каким-нибудь?

Лучше в ванне кровь выпустить. Тогда точно лицо станет белое-белое, ни кровиночки.

Ой, как жалко себя, никто не подойдет, не погладит по голове, не приласкает.

Совсем одна Дана на белом свете — такой холодный и равнодушный мир вокруг. Никому нет дела до ее проблем.

Просто даже поговорить не с кем. Мама не поймет. Подруги будут смеяться. Ни сестры, ни брата нет, куклы не посочувствуют. Даже кошки нет в доме, чтобы выговориться.

И может статься — никто и не заметит ее ухода.

Так же будет светить солнце, так же будут петь птицы, смеяться во дворе дети — а ее уже не будет? Совсем не будет? Никогда не будет? А Игорек будет дружить с этой шалавой? И целовать ее? Да ей же надо просто лицо расцарапать, чтобы не заглядывалась на чужих парней.

Да, завтра же в школе, на большой перемене позвать в туалет и плюнуть ей в рожу.

И вдруг словно какая-то неведомая сила заставила Дану повернуть голову в угол, где пылилась бабушкина домбра.

Впервые Дана вдруг почувствовала боль утраты.

— Бабушка, — с нежностью подумала Дана и вспомнила, как они с бабушкой собирали в роще ягоды, как поливали маленький огород, как бегали — старая и маленькая — за непослушным теленком.

А когда возвращались домой, то обязательно прихватывали с собой найденные в степи щепки, дрова, и гора дров у стены сарая росла с каждым днем.

Дана встала с кресла и вытащила домбру. Сдула, обтерла пыль, села на кровать и устроилась удобнее, перехватив домбру, как профессиональный музыкант.

— Интересно, а бабушка хорошо играла? — и Дана слегка коснулась струны.

Струна отозвалась нежным переливом.

— Да, бабушка, я уже никогда не услышу, как ты играешь, — с грустью подумала Дана и, отложив домбру, упала лицом в подушку и горько расплакалась.

Но уходили слезы, уходила боль одиночества, и приходило облегчение.

И Дана заснула, забыв про свои обиды и про свои мрачные мысли.

…Сначала музыку было едва слышно. Так, как будто там, в глубине

степного океана зародился ветер и робко шевельнул седую шевелюру ковыля. Но осмелел и прошелся сильнее, и вот уже погнал волну перед собой.

И нарастала волна, и склонился ковыль до самой земли, и вот уже кустарники стали трещать и ломаться, а там и деревья закряхтели, застонали под напором могучего ветра.

И вот уже стукнул ветер по раме комнаты Даны, распахнул окна, небрежно отмахнул тюль-прилипалу и сделал торжественный круг по комнате.

Присел на кресло, пролистал книги, щелкнул по носу любопытное зеркало и пощекотал пятки Даны.

Дана проснулась и села в кровати, а ветер вспрыгнул на люстру, качнул ее с веселым гиканьем и прыгнул «щучкой» обратно в окно.

Дана встряхнула головой — и не то чтобы удивленно, но с недоверием спросила: эже?

Бабушка сидела величественно строго, выпрямив спину, и молчала.

Смотрела печальным взглядом на Дану, а потом перевела взгляд на домбру, — и просветлело лицо бабушки, и даже морщинки как будто разгладились, — и бабушка протянула руку к домбре.

— Ты хочешь узнать, как я играю? — вопрос словно прозвучал в душе у Даны, вслух бабушка не произнесла ни слова, ее губы даже не пошевелились…

...Сначала музыку было едва слышно. Так, как будто там, в глубине степного океана зародился ветер и робко тронул седую шевелюру ковыля. Но потом осмелел и прошелся сильнее, и вот уже погнал волну перед собой.

И нарастала волна, и склонился ковыль до самой земли, и вот уже кустарники стали трещать и ломаться, а там и деревья закряхтели, застонали под напором могучего ветра...

В разной тональности ветра Дана услышала, как стонет и поет казахская степь, как встревоженный топот бегущих сайгаков прорезает свист стрел и гром ружей, как разливаются реки, грозя смести земляные валы и затопить многодневный труд земледельцев, как хрустит коркой льда отощавшее, немногочисленное стадо овец, умирающих от голода…

Дана слышала, как стонут жители осажденного города, умирая от жажды и ран, как кровь журчит, разливаясь широкими ручьями и не впитываясь в землю, потому что земля, истоптанная тысячами копыт и ног, окаменела от боли.

Дана слышала, как два одиноких всадника скакали друг за другом…

Один из них с черным знаменем нес мрачную весть — и знамя его шумело, как камыш, сквозь который пробирается затравленный тигр, — напролом, без оглядки.

Другой — нес радостную весть о победе, но шум его знамени был похож на тихий жалобный перепев жаворонка — слишком велика была цена этой победы, и слишком мало было людей, доживших до этого дня.

Рев тракторов, надрывный вой авиабомб, глухие раскаты грома, взрывы и огненные грибы, устремлявшиеся в небо, все смешивалось в этой великой песне ветра, и домбра в руках бабушки выплескивала эту песнь отчаяния и надежды, слез и смеха, горького причитания и первого крика новорожденного — выплескивала как вечную боль обожженной совести.

И послышался Дане в последних аккордах призыв — не забыть, помнить все, что пережила многострадальная степь казахов, и Дана заплакала, мучаясь оттого, что в последнее время она стеснялась чувствовать себя казашкой.

— Я научу тебя, — бабушка не упрекала, молчала, и Дана чувствовала — как велико желание бабушки обнять и приласкать внучку, утешить ее и вселить надежду.

— Да, я буду играть, — всхлипывая, глотая слезы, пробормотала Дана, — а ты придешь еще?

— А я никуда и не уходила, — домбра тихо и ласково зажурчала, как весенние ручьи, — ведь ты думаешь обо мне!

— Я… я обещаю тебе,… что я буду играть так, как ты…— Дана вскочила, чтобы обнять бабушку.

Испуганный ветер взлетел с кресла, ласково коснулся струн домбры и «щучкой» выпрыгнул в окно.

— Бабушка, — удивленно позвала Дана.

Тюль-прилипала легким колыханием показывал, что в комнате только что летал ветер-забияка, но Дана не обращала внимания на его вздохи, она удивленно разглядывала домбру, которая не стояла как обычно в углу, а лежала на кресле.

Дана протянула руку к домбре и почувствовала тепло, исходящее от струн.

Мать, пришедшая рано утром с дежурства, не поверила своим ушам.

Сначала ее насторожила тишина. Но когда мать вышла из прихожей, она услышала, что кто-то в комнате Даны тихо, неумело, но настойчиво играл на домбре.

«Дайте умереть!»

Когда я открыл агентство, скажу без ложной скромности, оно оказалось одним из лучших в нашей Солнечной системе.

Сбоев в нашей работе не было, мы действительно представляли клиентам любые ощущения, какие они только просили, мы предоставляли им тела, чувства, события.

В самом начале у меня была помощница Элиза, которая и уговорила меня открыть агентство.

Я никогда не спрашивал, сколько ей биологических лет, но иногда она невозмутимым голосом рассказывала мне случаи, которые я подсознательно относил ко второму тысячелетию земной эры.

Но именно она пополняла банк чувств и ощущений, большей частью работала с людьми, и я уже мог позволить ей работать с чипами сознания — самой важной архивной частью нашего агентства.

Элиза все исполняла четко и добросовестно, лишь однажды обмолвилась, что чипы лишают сознание свободы выбора.

Я не особенно понял, что это значит — лишить сознание самостоятельности выбора, и решил закрыть тему, чтобы не попасть впросак.

И зря!

Потому что Элиза ушла от меня, и ладно, если бы она была в пределах системы, я бы обратился к ней за советом, но она ушла в другую галактику, а там, где пульсировала граница тьмы, она была недосягаема.

Считая по земному времени — ее не было уже три года.

И все это время меня преследует клиент, который, словно издеваясь над нашим всемогуществом, нашел себе и мне новую задачу.

Но давайте по порядку — это случилось через два дня после ухода Элизы.

Ко мне вошел красивый молодой мужчина, гуманоид, явно земного происхождения.

На вид ему было лет двадцать. Он вошел такой расслабленной походкой, что я сразу ощутил силу его тренированного тела.

— Джон Кейт, — представился он усталым голосом, так не соответствующим его телу и энергии.

— Алекс, — широко улыбнулся я, вспомнив, что улыбка — один из атрибутов приветствия и радушия землян.

Гость не отреагировал на улыбку, прошел и сел в кресло для посетителей.

Кресло приняло форму его тела.

— Чем могу помочь? — вежливо поинтересовался я.

— Я хочу побыть человеком, — неожиданно ответил Джон Кейт.

Я попытался выразить удивление:

— На мой взгляд, вы вполне человекоподобны. И не сочтите за комплимент — выглядите как один из лучших экземпляров.

— Это память, — устало и терпеливо сказал Джон Кейт. — Я только вчера нашел голографическое изображение человеческого тела. Я провел четырнадцать часов, самостоятельно вставляя себе части тела. У меня еще нет внутренностей. Я понял, что сам не справлюсь, и решил обратиться к вам. Ведь вы гарантируете все — тела, чувства, эмоции.

— Вы робот, — подвел я итог.

— Не совсем, я скорее биоробот. Я был создан еще в начале второго тысячелетия, но мой создатель внезапно забросил свои разработки. Я не видел его со второго февраля 2008 года по земному летосчислению.

В моей памяти зафиксировано незнакомое мне понятие — умер.

Я был оставлен в лаборатории, которая однажды обвалилась от расхождения земной коры.

После того как меня нашли, я был выставлен экспонатом достижений человеческого разума, периода I тысячелетия, но память моя получила доступ к пространству только вчера.

И вчера же я нашел изображение человека. Остальное вы уже слышали.

— Да, думаю, наше агентство предоставит вам все, что пожелаете. Но быть человеком — понятие растяжимое, вы не могли бы конкретно сформулировать свое пожелание в области ощущений?

— Я никогда не был человеком, — возразил Джон Кейт, — как же я могу сформулировать свое пожелание в области ощущений?

Ну что ж, в логике парню-биороботу отказать трудно.

— Я хочу полностью испытать все чувства человека, какие только у него имеются, — продолжал Джон Кейт.

— К сожалению, в нашем архиве не так много человеческих чувств — есть стандартный набор — влюбленность, ненависть и так далее. Есть несколько физических ощущений — кстати, не советую, напрасная трата пространства — голод, холод, боли и болезни, секс.

— Давайте все, что относится к области человека, — Джон Кейт внимательно смотрел на меня, как на неодушевленный предмет.

— Выберите вариант, — в тон ему сухо ответил я, — вы переходите в новое тело человека или же мы подселяем вас к уже существующему во времени и пространстве.

— В чем разница вариантов? — полюбопытствовал Джон Кейт самым равнодушным тоном.

— В первом варианте вы начинаете изучать свой человеческий мир с самых азов и постепенно продвигаетесь в изучении, каждый раз открывая новые чувства и ощущения, во втором вы приходите к человеку, который уже обладает кое-какой информацией. В том и другом случае ваша

память хранится в нашем архиве и всегда к вашим услугам, как только вы пожелаете воспользоваться данными или же прервать свое путешествие.

Джон Кейт выбрал первый вариант, и я быстро оформил его заказ.

Отсканировав на чип его память, прошелся по земной навигации, нашел Екатерину Бурцеву, которая находилась на девятом месяце беременности и должна была родить с минуты на минуту, и зафиксировал переход биоробота Джона Кейта в пространстве и времени — указав данные — Земля, СССР, I тысячелетие, 20-й век, 1980 год, декабрь 19-е число.

Через три дня, а я считал по земному летосчислению, в агентство поступил сигнал, содержащий просьбу о приеме.

Джон Кейт вошел ко мне уже не той расслабленной походкой биоробота, а порывистой, свойственной семнадцатилетним юношам.

Но что меня насторожило — он так и не научился улыбаться.

— Мне не хватает чувств, — с порога заявил Джон Кейт.

Я запросил данные о чувствах и эмоциях, испытанных Джоном Кейтом за время его путешествия на Землю.

И поразился, что наш архив значительно пополнился данными человеческого существования благодаря памяти этого биоробота.

С момента рождения Джон Кейт умудрился переболеть свинкой, желтухой, воспалением легких, двусторонним воспалением легких, во время тренировки сломал себе руку, количество расстройств желудка я решил не считать.

Также не считал голод и холод, многочисленные поединки и примирения в садике, в школе, не менее многочисленные влюбленности и разочарования, так как объект воздыхания улыбнулась сопернику.

— Довольно бурная жизнь, — осторожно заметил я.

— Нет-нет, — запротестовал Джон Кейт, — это очень медленная и довольно сложная комбинация. Мне нужны мгновенные ощущения. Мне нужна частая смена эмоций, а там я получил прозвище «Тормоз», и меня стали преследовать учителя и психологи, пытаясь выяснить причину моей хладнокровности. Как объяснить, что у меня не может быть холодная кровь, потому что у меня ее нет?

— Как же нет? — возразил я. — Вы были рождены в муках, у вас есть кровь, вы ее проливали в этих поединках.

— Хочу большего, — Джон Кейт был слишком по-человечески возбужден, — и хочу мгновенного.

Я заверил его, что любое его четко сформулированное пожелание ощущений будет исполнено немедленно.

И снова чип с памятью Джона Кейта вывел формулировку разнообразия человеческих чувств и ощущений — как стремление познать мир.

Но на этот раз я сам задавал Джону Кейту чувства, фиксируя колебания волн и отмечая, какие ощущения сильнее влияют на его сознание.

Высшего пика сознание достигло при оргазме во время секса с королевой красоты, и почти сравнялось с этим ощущением ощущение победы великого полководца, выигравшего свое первое сражение.

В общем последующие три дня Джон Кейт испытал все мыслимые чувства, ощущения, наслаждения и переживания.

При этом я умудрился заразить его азартом игр, он дважды падал с лошади, разбился в автомобиле, вступил в брак и благополучно развелся, он получил Нобелевскую премию в области физики и какую-то премию в области поэзии, убил Дантеса за день до дуэли вышеуказанного господина с неким А. С. Пушкиным.

Но еще через три дня Джон Кейт снова появился в агентстве с очередной просьбой.

— Дайте умереть, — с порога заявил Джон Кейт.

И это заявление привело меня в замешательство.

Таких чувств, ощущений не было в нашем архиве, так же, впрочем, как и подобных просьб. Ни я, ни мои сотрудники никогда не сталкивались с подобным понятием.

— Простите, — я старался подобрать выражение, чтобы наш клиент не заподозрил нас в некомпетентности, — простите, вы уверены, что хотите испытать подобное чувство?

— Ну да, — Джон Кейт был невозмутим, — мое сознание последние сто миллионов лет ни разу не слышало о подобном чувстве и ощущении.

Память фиксирует уход моего создателя как формулировку — умер.

Я хочу знать, что это значит. Ведь это человеческое понятие, — а вы гарантировали мне все человеческие чувства и ощущения.

— В таком случае, мы предоставим вам тело человека, но нам придется контролировать весь процесс, чтобы предотвратить возможные негативные последствия.

— Какие негативные последствия?

И тут я вспомнил Элизу и впервые пожалел, что ее нет рядом со мной.

— Ваше сознание не может фиксировать границу перехода из одного состояния в другое, нам нужно будет контролировать ваши чувства, чтобы они не нарушили ваш биохимический процесс, иначе произойдет распад сознания.

— Я не человек, — напомнил Джон Кейт, — разве у меня возможен распад сознания?

— Нет-нет, — заверил его я, — но сама подобная просьба весьма необычна для нашего агентства. И давайте начистоту, нам самим не помешает пополнить наш архив подобным состоянием.

Ведь если вы решили испытать подобное — возможно, и другие тоже захотят изведать чувство смерти.

И с того момента, как я произнес эти слова, мое агентство потеряло покой.

Джон Кейт прыгал со скал, выходил в открытый космос, резал себе вены, вешался, стрелялся, топился, прыгал в двадцатом веке под поезд, мотивируя этот факт тем, что так поступала одна из его любовниц, Анна Каренина, принимал всевозможные яды, дразнил акул, аллигаторов, вырывал себе сердце, в общем, пытался умереть теми способами, какие только мог придумать воспаленный мозг человека.

Но каждый раз датчик сознания фиксировал момент перехода, и мы прерывали эксперимент.

— Дайте же мне умереть, — как-то произнес Джон Кейт.

Я не поверил своим ушам.

— А разве вы не умираете? — осторожно спросил я.

Он фыркнул:

— Ну вы же постоянно меня контролируете. И в момент перехода я снова оказываюсь здесь, в вашем кабинете. Вы протягиваете мне конфету, и когда я открываю рот, вы вместо конфеты суете мне горькую пилюлю. Это подлог, это обман, и я не испытываю того ощущения, которое называется смерть.

— Но почему вы хотите умереть?

— Я просто устал жить. Я не хочу жить. И я хочу встретиться со своим создателем, потому что она говорила о вечном покое.

Я решил проверить, не ошибся ли мой клиент в обозначении пола.

— Вы сказали *она*?

— Да, — нехотя признался биоробот — я, кажется, испытываю к ней чувства. Я хочу встретить ее в раю. Она говорила про рай и что мы там встретимся и вечно будем любить друг друга.

Мне пришлось переваривать информацию дольше обычного, и вдруг мысль молнией сверкнула в моей голове и расколола затылок:

— Она умерла? Она нарушила конвенцию? У нее не осталось ни одного чипа сознания? Полный распад сознания? Как ее звали? — последняя фраза скорее звучала не вопросом, а подтверждением.

— Ее звали Элиза.

Я обмяк в своем кресле, которое тут же приняло форму моего тела.

Она все-таки провела меня! Она пришла в агентство и постепенно стирала свои чипы сознания. И не оставила ни малейшей зацепки, чтобы я мог вызволить ее из-за границы тьмы. Но ведь она нарушила конвенцию. Это преступление. А что если люди повально захотят умирать? Пришел же вот этот — биоробот.

Словно почувствовав, биоробот Джон Кейт снова подтянулся и произнес:

— Вы не даете мне умереть! Вы нарушаете мое право выбора!

Точно влияние Элизы. Ведь это она говорила о праве сознания на выбор. А собственно говоря, что я с ним вожусь? Ведь это биоробот — ему можно сказать все как есть. За психику биоробота можно не волноваться.

И тогда, после этого решения, мне пришлось признаться в своей слабости:

— Мы не имеем права допустить ваш переход на ту сторону. Это согласовано уже миллионы лет назад, и об этом подписана Галактическая конвенция.

Джон Кейт посмотрел на меня, как на представителя вида рептилий, с едва скрываемым отвращением:

— Кем согласовано? С кем согласовано?

— Мной. Со смертью.

— Со смертью? А вы кто такой, чтобы с ней разговаривать на равных?

И тут я впервые за миллионы лет позволил себе легкую улыбку:

— Для людей я Никто. И потому они называют меня Богом!

Юрий ЩЕРБАКОВ
Российская Федерация, г. Астрахань

Была бы только Родина жива!

* * *

«Не для меня весна придет…» —
Опять я слушаю и плачу.
Чем старше, тем напев казачий
Сильнее за душу берет.

Ну что казачьего во мне,
Кроме отцовской родословной,
Где были мятежи и войны,
И предки в страшном их огне?

Да, говорят, что я похож
На деда на старинном фото,
Где он сидит вполоборота
При шашке доброй. Ну и что ж?

Казак лейб-гвардии полка,
Усы подкручены по моде.
А ну-ка я! Похоже вроде?
Играть не стыдно в казака!

Никто не видит все равно!
Портрет и зеркало — напротив.
Что значит сходство нашей плоти?
Смех. Бутафория. Кино.

Но в сердце, сколько я живу,
Ношу родства святое чудо.
И никогда я не забуду
Мою казачью родову!

«А для меня — кусок свинца…» —
Моя судьба в заветной песне.

О, сила гордая, воскресни!
В душе останься до конца!

Казак не плачет и в бою,
И в злые грозы, и в морозы…
За песней легче прятать слезы.
Вот я сегодня и пою.

* * *

«Я — коммунист, бандит советской власти!» —
Орал мой дед, идя через село.
Ах, дедово нечаянное счастье —
На месяц лишь в кутузку занесло!
А все бабуля…
Главному с разлету
Упала в ножки:
«Разголубый мий,
Помылуйтэ босоту и голоту!
Мыкыта, як напьеться,
Вин дурный…»
И отпустили, деда отпустили,
Побитого, ученого — домой.
И простирал бестрепетные крылья
Над сирою страной тридцать седьмой.
Наверно, не в бабулином поклоне
Была судьба, а в том, верней всего,
Что был мой дед незаменимый конюх,
Что чахли кони в стойлах без него…
Как прежде, над запойной головою
Цыганским бубном дергалась луна.
Но с той поры дорожкою кривою
Шел молча дед, бледнея от вина.
Кто знает, и узнается едва ли,
О чем шептал у стойла пьяный дед.
А жеребцы понятливые ржали,
Кивая часто конюху в ответ…

* * *

Засадный полк. Заветная дубрава.
Свершилось чудо в заповедный срок.
Но почему-то сразу доброй славы
Не получил его творец Боброк.

Через века страданий и событий
Не видно в этом никакой беды.
Да здравствует великий победитель
Поверженной Мамаевой Орды!

По доблести и слава! Даром, что ли,
Великий князь сам выбрал пеший строй,
Чтоб обрести на Куликовом поле
Загадочное прозвище — Донской!

Судьба решит сама: кому рубиться,
Отдавшись смело ратному труду,
Ну, а кому могучею десницей
Натягивать сражения узду.

О, этот жребий — на зубах, на жилах
Держать наружу рвущийся пожар,
Чтобы могучей, свежей, русской силы
Хватило на решающий удар!

Пускай потом другим звучат в награду
О храбрости и доблести слова.
Иной награды, видит Бог, не надо —
Была бы только Родина жива!

Нет испытаньям ни конца ни края.
Где ж ты, герой-спаситель, гой еси?
Не в том беда, что князь — слуга Мамая.
А в том, что нет Боброка на Руси…

* * *

У астраханцев есть одна мечта,
У каждого — я вас уверить смею —
Чтоб сгинули жара и духота,
А заодно — и злые суховеи.

Чтоб завалил Господь солончаки
На радость земледельцам перегноем,
Чтоб комаров несметные полки
Исчезли невестимо вслед за зноем.

Пусть пропадет настырная мошка
И камыши — с заветных огородов.
Зимой побольше чистого снежка,
А не кефирной жижи с небосвода.

Чего еще? Чтоб не один карась
Блуждал в ухе, где место осетрины,
Чтоб Астрахань взяла и поднялась
Из ямы Прикаспийской на равнину!

Гневим судьбу свою через года,
Привычно грезим о заветном чуде.
А сбудется оно — и что тогда?
Да просто нашей родины не будет…

Из Венка Есенину

2

Неужто же канули в Лету
Творцы и мишени обид?
Посмертная маска поэта
Смиренно в музее лежит.

На все непростые вопросы
На гипсе написан ответ:
Там чудится на переносье
Удара смертельного след.

Как много досужего крика,
И сплетен, и споров вокруг.
Признайте, что это — улика,
И все, замыкается круг!

И сразу вселенским пожаром
Становится вдруг уголек.
Так, значит, родился недаром
В музее «нелепый» слушок,

Что будто бы хвастался кто-то,
Потомственной спесью согрет,
Что чисто когда-то сработал
Его засекреченный дед!

«Повесился? Ну, не смешите!
Сначала — наганом по лбу.
А там, господин сочинитель,
В удавочку — и на трубу...»

А тем, кто намять святотатцу
Готовился было бока,
Сказал, перестав улыбаться:
«ЧК — это вам не ЦК!»

И сгинул. Лишь черная птица
Закаркала там невпопад.
Нечистая сила гнездится,
Где память убить норовят!

Где бродят зловещие тени
И шепчутся ветры во ржи,
Что был слишком русским Есенин,
Чтоб долго на свете прожить.

Как тело поэта убили —
Сегодня судить не берусь.
Да только подрезали крылья
Мечте под названием «Русь».

С того-то и тычется слепо
Сегодня по жизни народ,
Не видя, что выход из склепа
Находится там же, где вход.

А может, пожаров завесы
Мешают всерьез обрести
Неведомый идол прогресса,
Который лелеют вожди?

Каким нам путем продираться,
Чтоб главное каждый постиг:
Ценнее любых инноваций
Сегодня есенинский стих!

Не в сказки, легенды и были —
В грядущее эта стезя.
А слово его не убили!
Убить это слово нельзя!

Вячеслав АР-СЕРГИ
*Российская Федерация,
Удмуртская Республика, г. Ижевск*

Все здесь мило мне, все я люблю

Родина

Притулилась деревня моя
К огромному шару земному.
Одиноко бежит колея
Параллельно тракту большому.

Воробей мой промерз до костей,
Но от страха чирикает в такт.
Не дождаться ему тут гостей —
Поле, лес, вдаль стремящийся тракт.

Побреду под «чирик» воробья,
Своей памятью доброй ведомый.
Вот чернеет во льду полынья,
К ней стремится тропинка от дома.

В полынье той воды зачерпну,
В самоварчике чай сноровлю.
Самокрутку тугую сверну —
Все здесь мило мне, все я люблю.

Пусть другим — другое,
Мне ж — оставь мое:
Не хочу чужое,
Мне милей свое.

Полночный Кылбур[1]

Остэ! Кылбур мой, кылбур,
Золотой мой удмуртский кылбур…
Полон музыки камской,
Вышины ты уральской!

---

[1] Кылбур (*удм.*) — стихотворение, дословно — благодать слова.

Сколько слез пролилось
В твои реки широки,
Сколько горя ушло
В твои краткие строки…

Но неплохо тобой и смеялось
Счастья смехом — совсем удальцом,
И любовь золотая венчалась
Птахой божьей — под белым венцом.

Мы с тобой ослепительным днем
Добрым делом, на благо, живем —
Заслоняем друзей от беды мы собой
И врагам продохнуть не даем…

…Вечерами же тени удмуртских поэтов,
Ушедших по рекам, великих поэтов —
Все сидят вот за этим столом,
За моим очень скромным столом…

Смотрим с ними мы в ночь,
Видим в звездные бреши сонмы богов,
Об ушедшем печали нам не превозмочь —
Упованье — молитвенность слов.

Ах! Наш стих ты — кылбур,
Золотой наш удмуртский кылбур,
Ты храни нас в кромешную ночь,
Откровение свыше — полночный Кылбур!

Мои удмуртские апрели…

Мы странны для себя, кому-то непонятны…
Лесной народ, пришедший из степей,
Но наши песни всем занятны —
На их мотив бежит лесной ручей.

В апрельском паводке рожденный в мир,
Я реки разные и слушал, и видал,
Чу! каждая река — как ручейковый пир,
Где каждый в гости сам себя зазвал.

Поют ручьи — на разных языках,
Но языком, уже чужим, гудит река…
Мне не принять ее замах —
Немеют тут удмуртские века.

На берегу стою я не своем,
Как памятник, и не печалюсь об одном,

Что вот сольются в соловьиной трели
Моих грачей удмуртские апрели…

* * *

Не вышел статью и лицом…
И что теперь тужить о том?
Да разве же не Божьим промыслом
Пришли на Свет мы голышом?

Не стал богатым ловкачом…
И что теперь тужить о том?
Ты знаешь… с каждым человеком
Господь наш говорит о том о сем…

Что не ядрены нынче зимы,
А летом — мокрый холодок…
С годами мы все более ранимы,
И все милее прошлого мирок.

Где было все легко и верно,
И в счастье верилось — само собой…
Где честность принималась — как и должно,
А подлость пряталась не за твоей спиной.

Мне кажется… теперь я понимаю,
Отец мой почему не спал во тьме ночной…
И черным чаем грусть я заливаю —
Рассвет мой озарен келейною свечой.

Зимний дождь

В Ижевске любят про погоду говорить —
Гадать, судачить, покумекать и решить —
Куда и в чем пойти, а может быть,
Про все дела и позабыть…

Усесться на диван с чайком —
Неспешно думать о своем…
О прошлых днях вздыхать —
И на себя незлобно попенять…

А за окном — такая непогода,
Там ливень, буря и невзгода,
А дома — хорошо, светло,
От капли коньяка тепло…

Но и в раю не в радость одному —
Нет дела до Адама никому…
Кряхтя я встану, вон пойду
И Еву вредную найду…

Октябрь

Кисти рябин прихватило
Колким морозцем ночным.
Грустью в груди защемило,
Дымком потянуло печным.

А в прошлом мы чинно уселись
За щедрым семейным столом —
Как будто бы птахи слетелись
Над домовитым гумном.

Вот в центре стола — перепечи
И шанежки горкой лежат,
Душевной беседы предтечи —
Пузатые рюмки стоят.

А вот и удмуртской гармошки
В окошко стучит перебор,
Хозяйской дочурки сапожки
Несутся скорей на угор.

Вот там плясунам-то — раздолье —
Осенние свадьбы звенят!..
Я помню фартовое счастье —
Девчонок глаза маяками горят…

…Но застыли рябинами в поле
Октябри мои в снежных дождях:
Лишь один все гуляет на воле —
С ним дружили мы в юных летах.

Римма АРТЕМЬЕВА
Республика Казахстан, г. Алматы

Отражения небес[1]

«Пристальное изучение палиндромов я начала с того момента, когда среди моих стихотворений появились такие, которые читались построчно и сверху вниз, и снизу вверх, сохраняя знаки препинания, где, сменив акценты при обратном прочтении, менялся смысл и появлялось другое стихотворение в том же неподвижном тексте. Для того чтобы получить подтверждение своим исследованиям, я обратилась к автору лекций по комбинаторной литературе, кандидату филологических наук, прозаику, поэту, переводчику Татьяне Бонч-Осмоловской (Австралия), которая в своей книге «Введение в литературу формальных ограничений», по отзыву известного российского литературоведа, поэта Юрия Орлицкого, создала периодическую (подобно менделеевской) таблицу литературных форм. Татьяна написала мне: «Спасибо, что поделились вашими стихотворениями. Они добрые, часто грустные тонкой хрустальной грустью. А иной раз не хрусталь — алмаз... Вы работаете с интересными поэтическими приемами. Вы спрашиваете, были ли уже стихотворения с таким формальным приемом... В точности таких — по форме, — насколько мне известно, в современной русской поэзии нет вовсе... Это отдельный прием».

(Из интервью)

* * *

У одиночества прозрачные глаза…
В них отражаются мелодии разлуки,
Где тихо прячется уставшая слеза
И ледяные, нецелованные руки,
Там старятся, тоскуя, зеркала…
Все обещанья, как пожухлая листва,
С щемящим хрустом исчезают под ногами,
Седеют души, не познавшие родства,
Сердца покрыты равнодушия снегами.
И ледяные, нецелованные руки,
Где тихо прячется уставшая слеза.
В них — отражаются мелодии разлуки.
У одиночества прозрачные глаза…

[1] Все стихи читаются сверху вниз и снизу вверх — авторский метод написания построчных палиндромов.

Полночь разлуки

Стена студила обнаженностью…
Там, где висел портрет любимого.
Осколки слов письма сожженного —
Хранили то, что не сгубили мы.

В ладонях дремлющего города
Шептались отзвуки прощания.
Жгла вкусом яблока раздорного.
Горчинка взятого молчания…
Но…
Нам безнадежность возвращения…
Вдруг новых встреч сулила россыпи
В негласных тайнах поощрения.
Шипы увенчивая розами…

* * *

Молчит мой веер, сотканный из слез,
Сиявший прежде розовым и красным[1] —
Его цвета разлуки звук унес,
Аккорд мечтаний сделавший напрасным.

Но непреклонен веера язык.
В устах сомкнутых снова зреют краски,
Как ждут судьбы загадочный призыв,
Раскрыться. Тайный знак придав огласке.

И как бутон, расправив лепестки,
Наполнить цветом сложенные грани
Сумеет веер трепетом руки…
Когда есть тот, кого не смеешь ранить…

* * *

Любовь рисует акварелью…
Прозрачных ливней теплый след —
Слова, разлившиеся трелью,
За череду прошедших лет

Волшебной, тоненькою кистью.
Признаний хмель и счастья смех.
На дни — оторванные листья
Наносит без шаблонных схем.

[1] На языке веера: розовый цвет означает любовь, а красный — радость.

Картины памяти, простившей —
И снег разлук, и лед потерь.
Наполнят соком спелой вишни
Уста остывшие. Теперь…

Теплый иней

Лидии Коваленко, художнику и поэту,
создавшей новую технику — «теплый иней»

В краске сваренный, «теплый иней»
Оживает — то в сказке синей,
То в восточном изгибе линий,
Проявляется снова и снова
Акварельных чудес основа.
По листам разливается нега —
Чище утра, белее снега.
Породнившись с душой, витает.
На бумаге, застыв, не тает.
То в восточном изгибе линий
Оживает, то в сказке синей.
В краске сваренный, «теплый иней»…

* * *

Гульфайрус Исмаиловой —
Народному художнику Казахстана

Когда живешь на верхнем этаже…
Никто не ходит по твоим молитвам.
Нам дарит взгляд особенный сюжет —
Пленяя светом и игрой палитры.

Ведь с высотой она обручена,
В ее порывах вызревают краски.
Душа гармоний солнечных полна,
На холст прольется, не боясь огласки.

Мир осветив, как стекла в витраже,
Приходит мудрость — тайной старых свитков,
Когда живешь на верхнем этаже,
Никто не ходит по твоим молитвам…

Олег БОНДАРЕНКО
Кыргызская Республика, г. Бишкек

Три цвета будущего

Рассказы

Золотой

Опавшие листья

Опавшие листья.

Они вымостили больничный двор мозаикой осени.

Ты на них смотришь сквозь окно палаты, смотришь, но, наверное, не видишь, потому что мыслями сейчас не здесь. Держишь за руку Донну — ее ладошка бледная, безжизненная, хотя пока и теплая, — и вспоминаешь, как вы совсем недавно бегали с Донной вместе, вот так же взявшись за руки, и, дурачась, наслаждались запахом октября.

Увы, счастью не дано повториться. Осенний же дождь принес с собой воспаление легких, и слишком позднее обращение в больницу не оставило Донне никаких надежд.

Глядишь… И не видишь… Донна лежит на койке, застывшая, осунувшаяся, как восковая. Ты закрыл ей глаза. И теперь пытаешься понять, как жить дальше одному. Без нее. И нужно ли вообще жить…

Тихо открывается дверь из коридора. Главврач входит в палату и мягко прикасается к твоему плечу. Шепчет (шепчет ли? слова бьют по темени, как молотом!): «Соболезную». Стоит рядом, молчит.

Ты беззвучно плачешь…

Главврач вздыхает. Произносит: «Нам надо поговорить».

Ты вытираешь с лица призрачные свои слезы, откидываешь волосы, спадающие на лоб. Отпускаешь руку Донны — еще теплую, но уже неживую. Киваешь — как-то тупо, сам не понимая, что к чему.

«Конечно, конечно. Я иду…»

Шагаете вдвоем, точнее, ты — за ним. Больничные переходы, лестницы, палаты. Операционные. Кабинеты… Вот нужный кабинет. Главного. Заходите. Садитесь — тебя настоятельно просят сесть. А ты — в тумане…

«Мне очень жаль, что так получилось, — говорит главврач, всем своим видом выражая сострадание. — Вы сами видели: мы сделали что смогли… Хотите коньячку? — Ты грустно, даже обреченно качаешь головой. — Ну что ж… — Он со вздохом открывает ящик своего рабочего стола. Достает что-то. И кладет перед тобой: — Вот!»

Ты видишь чип. Маленький такой чип, который люди обычно носят под кожей, в наше время чаще всего в области предплечья.

«Это Донны?..» — спрашиваешь, а у самого голос надрывный, прерывающийся. От волнения. Аж хрипишь.

«Да. — Главврач выпрямляется и смотрит на тебя внимательным взглядом. — Вы знаете, что сейчас начали практиковать нововведение… Самую новейшую технологию… Если пожелаете — если подпишете договор с обслуживающей компанией, — вполне возможно все данные с этого чипа загрузить на специальный сервер, который… Ну, вы понимаете… Искусственный интеллект… Ну, в общем, можно будет возродить вашу жену, только в виртуальном виде».

Ты снова молчишь. Нет, нельзя сказать, что не соображаешь. Но само предложение… Оно такое… такое… Просто не знаешь, что и ответить… Нет слов.

Все так живо, так свежо в памяти! Донна! Милая, любимая Донна!

Тебе хочется умереть…

Нет слов, нет слов, нет слов…

«Здесь, в этом чипе, — продолжает главврач, — записана вся прижизненная информация вашей Донны. Все биологические показатели, сведения о жизнедеятельности: работа сердца и других органов, давление, температура, уровень холестерина, сахар в крови и многое-многое другое — на каждый день, каждую минуту жизни… И вы также в курсе, что чип запоминает не только состояние организма, но и все, что связано с ментальной сферой: что и как человек чувствует, перепад настроения, все, что когда-либо было произнесено и каким тоном… Чип хранит в себе манеру говорить и действовать, можно сказать, он запечатлевает сам образ мышления. Так что… Так что… Вы действительно не хотите выпить, а?.. Так что вашу жену, с технической точки зрения, вполне можно воссоздать как электронный образ. Изготовить искусственный интеллект по имени Донна, который будет общаться с вами через любой гаджет — ну, и не только с вами, если вы расширите круг пользователей… Разрешите другим, так сказать…»

Ты тупо смотришь на стол. Не хочешь верить услышанному — или не можешь? Нет слов, нет слов, нет слов!

С трудом поднимаешь воспаленные глаза…

Главврач прокашливается. Ему и самому-то неловко. Чувствуется, что он и сам сейчас пропустил бы рюмочку коньяку. Но этика, медицинская этика… Все-таки он на работе.

«Ясное дело, — сообщает главврач, — в сервер будет передана лишь информация, касающаяся всего ментального. Не физиологические данные… Они… Просто останутся в архиве… И вам на память… Для искусственного интеллекта ежедневные показатели работы организма не очень-то и нужны. По крайней мере, в полном объеме… Да, и еще, гм. Эта процедура… в общем… довольно дорогостоящая».

Ты все еще молчишь. В голове стреляет. Канонада смятения. Уставился главному в лицо. Осенние листья за окном, там, позади…

Осенние листья.

Слышишь, как сами собой вырываются из тебя слова — как же так?! как же так?! — «Я согласен».

Согласен.

Согласен!

Согласен!!!

Ах, Донна… Ах, голубка!.. Ах, твоя любовь…

«Опавшие листья». Или, по-французски, «Les Feuilles mortes». Музыка Жозефа Косма.

«Ты помнишь, родная, как мы слушали и слушали до бесконечности эту великую песню?»

Листья кружат, сад облетают,
Низко к земле клонится дуб.
Слова любви не умирают,
Если они сорваны с губ…

Сад опустел, листья опали,
Дождь омывает старый наш дуб.
Память хранит слова, что шептали,
Наш поцелуй слившихся губ.

(Сокр.; в переводе Н. Доризо)

Донна улыбается. Ее милый взгляд, это едва уловимое движение губ, это неповторимое обаяние женственных очертаний — ты буквально пьешь весь ее образ. На экране, на экране, на экране.

«Мой нежный, мой ласковый. Конечно, я помню, как мы слушали ее и пели ее. Вдвоем с тобой. Это так прекрасно, так чарующе…» — Она смотрит на тебя с любовью — с экрана, и ты готов целовать, целовать ее. Каждый изгиб ее линий. Ее брови, ее щеки, ее губы. Ее руки — которые ты так недавно держал в своих, прощаясь в больнице…

«Донна».

«Да, любовь моя».

«Донна!»

«Да, любовь моя…»

«Донна… Как же я обожаю тебя, моя голубка!..»

Она улыбается, совсем как Джоконда, и ты готов вспыхнуть, сгореть от этой неземной улыбки, потому что она дает тебе все, что ты так недавно потерял.

На экране.

На экране.

На экране.

«Донна… А ты помнишь? Помнишь?..»

«Помню, моя радость, мой ласковый… Как же нам было хорошо вместе!»

Ты счастлив. Ты готов улететь. Нет — ты уже улетел.

Звонок.

Телефонный звонок.

Смотришь на мобильник — это звонит главврач. Той самой клиники.

Минутный перерыв в разговоре с Донной…

«Алло?»

«Здравствуйте! Рад вас слышать!.. Хочу сообщить о новой технологии, которая сейчас активно внедряется в передовых клиниках мира. Вы ведь слышали, наверное, о биороботах? Их создают как симбиоз генно-инженерных достижений, с одной стороны, и механики и электроники, с другой. Роботы получаются абсолютно похожими на реальных людей. И если им еще вживить заданный искусственный интеллект… Вы понимаете? Понимаете? Ваша Донна могла бы стать не просто анимированным трехмерным объектом в виртуальном пространстве…»

Ты кричишь:

«Я понимаю! Понимаю-ю-ю!!! Я согласен!!! Донна, ты слышишь!!! Мы снова могли бы быть вместе в НАШЕМ МИРЕ!!!»

И тут же, сам себя не контролируя от радости, поешь:

— Листья кружат, сад облетают,
Низко к земле клонится дуб…

Донна — там у себя, в компьютере, — светится, чувствуется, что она рада.

А ты — паришь над землей.

Осень — священная осень — для тебя лучшее время года. Ведь с момента биологического прощания прошли целых двенадцать месяцев… Долгий срок, превратившийся в вечность…

Опавшие листья.

Они шуршат под ногами, и все дорожки парка устланы ими, как шершавым разноцветным ковром.

Ты ступаешь осторожно, как будто боишься спугнуть неведомое, неземное.

Донна. Во плоти. Она сидит на парковой скамейке и смотрит, как ты приближаешься. Маленькая, хорошенькая такая. Живая. Настоящая.

Волшебная.

Ты — горишь.

Ноги-руки твои стали крыльями.

«Господи!» — заключаешь любимую в объятия. Целуешь ее, вдыхаешь ее аромат — боже мой! боже мой! Им удалось даже воспроизвести ее природный запах!

«Мой ласковый! — отвечает Донна. Ей-богу, она живая! — Как же я соскучилась по тебе!..»

Вы сидите на лавочке и держитесь за руки.

Конечно, где-то в глубине души, краем сознания ты ищешь хоть какой-нибудь изъян. Где-то что-то… А впрочем, надо ли оно тебе? Ведь хорошо вдвоем — и точка!

Вы молчите, не находя слов…

Донна немного волнуется.

«Да, я знаю, — наконец произносит она. — Я не настоящая. Не совсем настоящая… Поверь, я много думала об этом…»

Ты готов сейчас провалиться сквозь землю. Прикасаешься губами к ее — вполне биологической — коже, нежной и шелковистой.

«Не говори так, голубка. Не обижай ни себя, ни меня! Главное, что мы вместе!..»

И она, склонившись, гладит тебя, ласкает твои кучеряшки, как в бытность свою, когда она была реальной земной женщиной.

Как это приятно, как божественно, как трогательно. Донна! — ты в этот момент готов умереть за нее…

Над вами тихо шелестит осенняя листва. Клены и ясени поют вам обоим песню о всепоглощающей любви…

Этот проклятый самоуправляемый автомобиль! Который без водителя, руководимый электроникой и интернетом. Он взбесился, сошел с катушек. А может быть, его перепрограммировал какой-нибудь хакер — и направил на людей?!

Он несется — дьявол, дьявол, дьявол! — прямо на Донну. На твою обожаемую Донну, пока ты отошел на десять шагов за мороженым.

О-о-о-о-о!!!!!!..

Ты только и успеваешь, что броситься с какой-то безумной скоростью к своей любимой. И оттолкнуть ее, отшвырнуть на пару метров — всего за ничтожный миг.

БУХ!!!

Тебя самого сминает, и со всей безжалостностью…

Автомобиль-призрак переезжает тебя, распластывает колесами, превращает в крошево твои ребра, грудную клетку, раздавливает все, что есть в тебе, что составляет тебя.

А Донна, не пострадавшая Донна, лишь поднимается с пыльной земли и растерянно отряхивается… Одергивает юбочку…

Вокруг тебя начинает толпиться народ. Ты по-взаправдашнему умираешь, уходишь, испускаешь дух. Строго говоря, тебя уже как бы и нету. Ты почти на небесах.

Донна подскакивает, взволнованная, к тебе. Садится на асфальт, положила твою голову к себе на колени.

«Миленький, — говорит, — мой ласковый! Не переживай! Все будет хорошо! Все будет, как раньше!..»

Ты хрипишь в агонии.

Донна наклоняется над тобой, вытаскивает из сумочки дамские ножнички и носовой платочек.

«Мы всегда будем с тобой, ты и я! ВСЕГДА!»

Она аккуратно распарывает тебе предплечье острием, разрезает ножницами кожу и достает чип. Вытирает его от крови платочком, прячет в сумочку. И проводит ладошкой по волосам — напоследок.

Встает — аккуратно переложив твой затылок со своих ног на асфальт. Еще раз отряхивается.

Перекидывает сумочку через плечо.

И, пробираясь сквозь толпу собравшихся, исчезает там, за группой людей…

А ты — лежишь на дороге. Хватаешь ртом воздух. Последние молекулы воздуха.

Глаза застилает кровавый туман.

Ты видишь — или уже не видишь? — осенние листья, которые кружатся и падают вокруг, на асфальт, влекомые ветром…

Серебряный

Когда деньги сошли с ума

Я сидел в баре и ждал своего информатора, с которым порой встречался по мере необходимости. Сегодня вечером он сам позвонил мне и заикающимся от волнения голосом попросил о срочной встрече; чувствовалось, парень пьян — но, впрочем, не настолько, чтобы не соображать, что делает, и поэтому я решил рискнуть потратить личное время.

Сидел, попивал кофеек и ждал. Рассеянно поглядывал в телевизор — точнее, на электронную стену, какие нынче вошли в моду: они могли быть и гигантским цифровым телеэкраном, транслирующим одновременно любое количество программ, и зеркалом (знаете, такое электронное зеркало, в котором все отражается не зеркально, а «правильно», словно картинка в камере), и — во внеэфирном состоянии — поверхностью с любым изображением, типа замка, леса или марсианской пустыни. Либо с анимированным узором со спецэффектами.

По новостям — по моему каналу АБВГД-news — передавали обычную для последних лет информацию; когда я говорю «по моему», то имеется в виду, что я на этот канал работаю, или лучше сказать, на медиа-холдинг, которому среди всего прочего принадлежит и данный канал. Так вот, передавали обычную текучку: полиция, мол, обезвредила очередную банду наркоторговцев, их главарей повязали прямо в момент передачи денег; подобные события происходят сейчас чуть ли не ежедневно, власти буквально объявили войну преступности и арестовывают мафиози так быстро и в таком количестве, что слов нет.

Если так пойдет и дальше, то наш отдел криминальной хроники скоро станет ненужным ☺

Информатора все не было и не было, и я, несмотря на кофе, осоловел. День-то тяжелый был, ничего не скажешь; работенка у журналюги еще та!.. Но часам к девяти мой, наконец, объявился — вырос прямо перед столиком. Я кое-как встрепенулся и, недовольный его опозданием, ворчливо предложил присесть.

Звали моего тайного агента Изя Рэпер, по крайней мере, Рэпер была его кличка — полубогемная, полукриминальная. Изя славился в определенных кругах, но за ним было так много грешков, что даже я, репортер, сумел подцепить его на крючок и иногда подкармливал — в обмен на информацию.

Изя, маленький и тщедушный, едва держался на ногах. Неуклюже усевшись напротив меня, дыхнув алкоголем, он начал сразу же нести чушь какую-то несусветную.

— Слушай… — сказал Изя. — Я тебе такое скажу… Ты не поверишь… Но: у тебя есть деньги? Наличка, я имею в виду наличные деньги. При себе? Ты должен от них немедленно избавиться…

Я вздохнул.

— Тебе хватит денег сегодня, не переживай. Как всегда: расчет — за информацию.

— Нет, ты не понял… — Изя слегка раскачивался и никак не мог зафиксировать себя в неподвижном положении. — На хрен мне твои деньги… Твоя наличка… Я имею в виду другое: убери от себя деньги подальше! Чтобы ничего не осталось, карманы были пустыми! Закажи, например, всем посетителям бара выпивку — и расплатись сразу… Ничего у тебя не должно остаться… Ни копеечки…

Я еще раз вздохнул — не хватало мне очередного пьяного идиота.

— И зачем мне угощать всех сегодня? По какому случаю?

— Это… Мое… непременное условие… Иначе ни фига тебе не скажу… Не скажу… Ик!.. Ни одной бумажки себе не оставляй…

Я молча прикинул, стоит ли мне вестись на это заявление Изи. Обычно он поставлял ценные сведения — из мира темных личностей, так или иначе связанных с оргпреступностью. И пока выходил сухим из воды.

Ладно. Я решил, внутренне, про себя. В конце концов налички у меня было не так уж и много — я, как правило, рассчитывался везде кредитными картами, так что ущерб окажется невелик. Надеюсь, сегодняшнее сообщение пьяного Рэпера того стоит.

Выложил на барную стойку все свои деньги. Поскреб по сусекам — не завалялось ли чего. Кредитки, понятное дело, не тронул; аккуратно застегнул карман.

Сказал бармену:

— На все, пожалуйста, — вот тем джентльменам. И тем. И тем. Повторите то, что они уже заказали раньше. А сдачу оставьте себе.

— Ты доволен? — это я спросил уже Изю, возвращаясь к столику. Тот слегка помутневшим взглядом покосился на электронную стену-телеэкран.

— Давай пересядем подальше от нее… Береженого Бог бережет… Ик!..

Я терпеливо подчинился его новой прихоти. Мы уселись почти у входа.

— Ну, говори, — недовольно проворчал я. — Не томи уже…

Изя Рэпер отхлебнул заказанный мной коктейль.

— Деньги… Банкноты… Ты ведь знаешь, что их сейчас изготавливают из полимерных материалов? И знаешь про электронную бумагу, и уж тем

более про электронный пластик. Всякую фигню они теперь могут. Любые функции им подвластны…

Я хмуро кивнул.

— Сейчас один и тот же прямоугольник электронного пластика можно превратить в банкноту любой страны: раз! — и в обменке тебе с помощью конвертационного устройства 10 долларов обратят в 1000 йен; сам не сможешь, но за комиссионное вознаграждение специалисты, у которых лицензия, помогут. Лишь бы курс совпадал… А могут и вообще удаленно стереть банкноту, сделать из нее белую бумажку — это в тех случаях, когда кто-то с взяткой засветился и его поимели…

Это все я знал, прекрасно знал. Как и любой гражданин современного мира.

— Так вот… — Изя, бедный, раскачивался все сильнее и сильнее. — Сегодня я узнал… Ты не поверишь… Еще об одной функции электронного пластика для банкнот… Только это не афишируется… Не говорится вслух… Ты не поверишь…

Я с жалостью смотрел на моего визави, не будучи уверенным, что выпивший человек может сказать действительно что-то стоящее.

— Я потому и напился нынче вечером… Ик!

Изя наконец прекратил раскачиваться и наклонился ко мне поближе — видимо, чтобы никто другой не подслушал. Прошептал:

— Пластиковые электронные банкноты сегодня способны передавать информацию в сеть — кому надо, на специализированные засекреченные сайты. Иными словами, они работают как цифровая видеокамера и микрофон…

«Боже, — подумал я. — Человек повредился в уме».

— Нет, в самом деле… — Изя едва не заплакал. — Электроника шагнула так далеко!.. Ты знать не знаешь, что деньги, которые лежат у тебя в кармане, на самом деле — электронные средства отслеживания всего и вся. Они являются на деле тонкими, сверхгибкими мониторчиками и выполняют бесчисленное множество функций, часть из которых общественность знает, а о части — не осведомлена.

Я задумчиво уставился на свою пустую чашку.

— Ты сам-то веришь в этот бред? — спросил.

— Ха!.. — Изя Рэпер выглядел бесконечно несчастным. — А как ты думаешь, систематические облавы на банды наркоторговцев в последнее время — они производятся на основании чего? А?.. Мы-то думали, что в банды внедрены кроты — тайные полицейские агенты и соглядатаи, их сейчас пробуют отыскать в своих рядах все преступные кланы, в лихорадочной спешке; сколько своих ребят зазря положили. А разгадка-то, разгадка — совсем в другом! — Он трясущимися руками поднял бокал и отпил еще немного коктейля. — Обычные люди, не преступники, пользуются в основном кредитками. А мафия — черным налом… Банкноты, не учтенные налоговыми службами, как раз для отмывания капиталов в подпольном секторе экономики. Вот для чего нужна сегодня наличка — для мелких расчетов в барах и такси да для черного нала. И тут-то — на тебе! — за тобой и следят… Ну, если ты не в ладах с законом…

— Мысль, конечно, неплохая, — подумав, вынужден был согласиться я. — Но до ее практической реализации технологии еще, пожалуй, не доросли. Я же тоже кое-что понимаю в современных технических прибамбасах… Кстати, кто тебе сообщил эту фи… э-э, прости, эту информацию?

— Не могу сказать, — Рэпер испуганно оглянулся. — Единственно — этот человек работал под прикрытием и был связан с секретными службами… Он допустил утечку информации…

— А почему — в прошедшем времени?

Изя еще раз оглянулся — с тревогой в глазах; сейчас он был похож на затравленного суслика.

— Потому что проговорился… Нашим… Теперь капец… И я — слишком много знаю…

— Если это все, что ты хотел сказать, то считай, что ты выполнил свою задачу. — Я зевнул. Не ожидал от осведомителя такой буйной фантазии. М-да, пожалуй, пить ему надо меньше. — Я не могу сейчас с тобой расплатиться за сообщенные сведения, поскольку налички в карманах нет. Но можешь записать на мой счет. Когда-нибудь же еще встретимся ☺

Изя со страданием во взгляде смотрел на меня, и чувствовалось, что он на пределе отчаяния.

Молча встал со стула…

Постоял, пошатался…

Застегнул куртку.

И, втянув голову в плечи, неуверенной походкой направился к выходу — два-три шага до двери…

Я сделал вид, что отвернулся.

Не хватало еще верить во всякий вздор, который несет человек явственно нездоровый…

На улице Изя — я видел через стекло — понуро побрел прочь от бара. Через полминуты, стронувшись с места, за ним бесшумно последовал приземистый черный автомобиль.

Не знаю почему, но у меня вдруг возникло ощущение, что я чего-то не догоняю…

— Извините, можно вас на минуту? — молодой человек в отличном, но неброском костюме смотрел на меня жестким взглядом, не допускающим возражений. — Вот моя карточка, — он отвернул ворот, и я заметил мерцающий цифровой лейбл специального правительственного агента. — Пожалуйста, сядьте в машину, нам надо задать вам несколько вопросов. — И он распахнул дверь.

Мы были на пустынной улице одни, под светом электронных фонарей.

Я не рискнул возразить незнакомцу.

В машине, в окружении еще парочки таких же крепких и молчаливых парней, агент приступил к допросу.

— Вы знаете такого — Айзек Галустян по кличке Рэпер?

Я угрюмо кивнул.

— Вы встречались с ним сегодня вечером?

Кивок.

— О чем вы разговаривали?

Я пожал плечами и попытался доказать, что как журналист имею право на неразглашение источников и получаемой от них информации.

Не помогло.

Агент буравил меня взглядом, и я понимал, что сейчас — не время и не место, чтобы тягаться с противной стороной в юридических вопросах.

— Мы говорили об арестах в мафиозных кругах… О том, что бандиты в панике и лихорадочно ищут в своих рядах шпионов, при этом расправляясь с рядовыми членами банды, не имеющими к шпионажу никакого отношения…

— Расскажите подробнее.

Я как мог, насколько позволяла фантазия, рассказал. Но о подслушивающих и подглядывающих пластиковых банкнотах не упомянул. Естественно.

Правительственный агент слушал меня со строгим выражением лица, и видно было, что он не до конца поверил.

— Помните, что если вы утаили нужную нам информацию, мы добьемся того, что у вас будут неприятности, — напоследок пообещал он.

— А Айзек… Ну, Изя Рэпер — вы что с ним сделали? Он на свободе? Живой?.. — я пытался хоть что-нибудь выяснить о бедняге, и на сердце у меня было неспокойно. — Почему он вас так интересует?..

Специальный правительственный агент не удостоил меня ответом.

— Помните, — повторил он. — Язык держать за зубами. И никаких контактов с вашими — теперь уже бывшими осведомителями.

Хлопнула дверь, и я очутился на улице в одиночестве. Черный автомобиль бесшумно отъехал от меня и пропал в глубине ночи.

Даже особое электронное освещение не могло раскрыть секрета, в каком направлении скрылась группа суровых, молчаливых силовиков…

— Ни в коем случае не пользуйся наличными деньгами! — говорил я Анне, перегнувшись через перила веранды, со стороны сада. Заходить в дом я не стал, а просто вызвал Анну сюда, из комнаты; сам же, как в детстве, оставался снаружи, пробравшись сквозь кусты рододендрона и прильнув к деревянному ограждению.

— Почему? — спрашивала Аннушка негромким голосом, чтобы ненароком не разбудить спавших в доме родителей.

Сама она была в ночнушке, и меня это как нельзя устраивало, — чтобы ничего лишнего при ней в этот момент не оказалось: ни денег, ни телефона, ни всяких гаджетов, да и вообще ничего электронного.

— Я раскрою тебе страшную тайну, — шепотом продолжал я. — Пластиковые деньги сегодня правительством используются для прослушки и подглядывания за гражданами страны. Не думай, это у меня не паранойя; просто от одного человека я получил информацию, которая не предназначена для посторонних. Поостерегись, прежде чем открывать свою душу в присутствии подслушивающих приборов… Теперь эти, наверху, знают о нас *абсолютно все*.

— А как же без денег жить?.. — Аннушка была растеряна.

— Пользуйся безналичкой, проводи операции по счетам. Ничего от этого не изменится, зато ты обезопасишь себя.

— Почему ты решил сказать мне об этом ночью?

— Не мог без тебя… Хотел увидеть, предупредить… И потом — завтра с утра у меня может быть проблемный день. Придется подготовить эту информацию для эфира и, я думаю, это понравится не всем. Так что лучше уж пообщаться сейчас. Вдруг я буду вне зоны доступа…

— Я тебя люблю, — сказала Аннушка. — Ты мой герой. Отважный журналист мой. Мое счастье.

— И я тебя люблю, — улыбнулся я. — Жить не могу без тебя.

— Анна!.. Анна!.. — раздался из дома заспанный мамин голос. — Кто там? С кем ты разговариваешь?..

— Ничего, мам, все в порядке! — Анна, наклонившись, поцеловала меня и тихо добавила: — Иди скорей, пока родители окончательно не проснулись. С Богом!

Я кивнул и резво ринулся через сад, стараясь все же не слишком шуметь. На душе у меня теперь было спокойно — хотя и без особых на то оснований, ибо завтрашний день мог принести мне славу, но — вместе с ней — кучу проблем и треволнений с головной болью.

Такова, увы, доля репортера…

Шел я осторожно, пробираясь боковыми улочками, ибо машине своей, по известным причинам, больше не доверял. Но все было спокойно кругом — хорошо хоть полиция победила уличную преступность. Сонные дома казались сказочными в свете переливающихся огнями тротуаров; искусственные звезды сияли над головой практически так же, как настоящие, и даже ветер — легкий ветерок, генерируемый специальными городскими ветродувами, казался удивительно естественным в эту очаровательную, волшебную ночь.

К моему дому вел небольшой скверик, посреди которого, увы, красовалась большая лужа — редкость в нашем городе, но что поделаешь, против природы не попрешь. Даже в нынешнюю электронную эпоху.

Я постоянно обходил эту лужу стороной и даже привык к ней. Она мне, в общем, не мешала. Вот и сейчас я постарался обогнуть ее по краю — в свете мерцающих роботов-светлячков, носившихся невысоко над землею для услаждения взора запоздниввшихся горожан.

Обойти лужу мне не удалось.

С одной ее стороны выросли тени — и слева, и справа тоже. Оставался лишь проход напрямую, если броситься по воде.

Тени возникли из ниоткуда и стояли молча, пока я, остановившись, пребывал в замешательстве.

Вперед, из полумрака, выступил знакомый мне молодой человек…

— Почему вы не сообщили нам все, что вам стало известно из разговора с Рэпером? — строго спросил он, сверкая глазами. — Мы расшифровали записи, сделанные в баре в тот момент.

— Но… Я просто не отнесся серьезно к словам подвыпившего человека… Мало ли что он нафантазирует…

— Не лгите нам! Вы отнеслись к его словам более чем серьезно! Доказательство тому — ваша встреча с женщиной по имени Анна у дома ее родителей полчаса назад. Вспомните, от чего именно вы предостерегали ее, от чего просили воздержаться?

Я стоял как потерянный в ночи и изо всех сил думал, что бы такое предпринять… Хорошо бы дать деру…

— А можно вопрос? — внезапно решился я. — Откуда вы узнали о нашей с Анной беседе? Что я говорил ей, стоя у веранды? Я ведь постарался избавиться от всего, что могло записать разговор…

Специальный правительственный агент усмехнулся.

Как-то криво.

Страшно.

— Ну, если вам интересно, СЕЙЧАС я могу вам сказать. Вряд ли вы передадите кому-нибудь эту информацию.

Он помолчал, зловеще улыбаясь.

— Кредитные карты. Вы не вынули из кармана кредитные карты и не избавились от них. А ведь это тоже — электронный пластик…

Я почувствовал себя крайне неуютно. У меня похолодело все внутри.

Но ждать дальше я не стал.

Повернулся, как кошка.

И прыгнул — в ту единственную сторону, которая была еще свободна от человеческих теней.

Прямо через лужу.

Но лужа, блин, была большая.

И я угодил в центр ее.

В воду.

В воду?

В воду?!

Там не было воды…

Я оказался на какой-то зеркальной поверхности, лишь имитирующей то, что со стороны казалось лужей.

Вокруг меня вдруг вспыхнули огни — странные, удивительные огни, и под ногами возникло что-то вроде голографических спецэффектов.

Испугаться я не успел.

Только ощутил, как земля уходит из-под ног — нет, она даже не ушла, а просто исчезла, — и я очутился в воздухе, падая, проваливаясь в сверкающую бездонную яму…

Я падал и падал, и думал только об одном: что они сделают теперь с Анной?!

Все вокруг неслось — и время, и пространство.

Последнее, что я запомнил, — это собственные руки, сминающие на лету кредитку, Бог знает как вытащенную из кармана…

Теперь я нищий. Грязный нищий, в лохмотьях и покрытый струпьями, и меня считают дурачком. И живу я в маленьком пыльном городишке где-то в джунглях Латинской Америки. И просиживаю целыми днями на паперти перед входом в местный главный собор и постоянно чешусь и мычу — на потеху здешним босоногим ребятишкам.

Иногда мне бросают монетки. Из жалости. Кидают мелочь. И с меня довольно! Я тогда подползаю к очередному грошику, хватаю его руками и прижимаю к сердцу с блаженной улыбкой. Люди смеются. А я…

Я рассматриваю монетку, внимательно — и аверс, и реверс, и глазами впиваюсь в отчеканенное на монете лицо.

Оно глядит на меня в ответ…

И тогда я вижу — чесссное слово, вижу! — в его взгляде нечто такое, что заставляет меня выть и страдать.

Монета наблюдает за мной, и, кажется, ей одной известно обо мне, бедном нищем, все, что мне и самому неведомо…

Радужный

Планета, которую мы выбираем

Я сидел на скамейке в парке и задумчиво смотрел на детскую площадку с играющими детьми. Если честно, сейчас мне совсем не хотелось их убивать.

Дети были милые, непосредственные и весело щебетали. Одна девчушка лет шести вдруг заметила меня и кивнула остальным. Ребятишки стайкой кинулись к моей скамье, окружили ее и, по-видимому, попытались на свой детский лад поднять мне настроение.

— Дяденька, а почему ты такой грустный? — спросила девочка, решительно забираясь ко мне на колени. — Хочешь, я тебе песенку спою?

Она затянула тоненьким, прелестным голоском:

La donna è mobile
Qual piuma al vento…[1]

Я, не готовый к такому повороту событий, слушал с изумлением, и меня затрясло… Как мог аккуратнее, я попробовал высвободиться из

[1] Сердце красавицы / Склонно к измене… *(итал.)*

объятий ребенка и поскорей уйти; но эта компания оказалась цепкой и просто так не отпускала. Дети с радостным визгом скакали тут и там, носились вокруг моей несколько растерявшейся персоны. Прыгали. Потом принялись водить хоровод.

Мальчик с золотыми кудряшками подергал меня снизу за рукав — и протянул ладошку, на которой красовалась классная моделька яхты, с развевающимися парусами и бегающими по палубе крошечными матросами; такая высокотехнологичная игрушка. Видно было, что пацанчик ею дорожит.

— Вот! — сказал мальчуган взволнованно и немного застенчиво. — Возьми и поплыви на ней на самый красивый остров на свете!..

Я с ужасом взглянул на маленького соблазнителя, чувствуя, как все у меня внутри оборвалось… Ну почему они непременно хотят меня подбодрить, почему не оставят в покое? Почему нигде не дадут просто посидеть в тишине и одиночестве, подумать, пострадать? Попрощаться? Почему они все такие добренькие?! В конце концов, я ведь собираюсь их уничтожить!!!

Я чуть не заплакал от отчаяния, будучи не в силах избавиться от оравы расшумевшихся озорников. На помощь пришла воспитательница.

— Ну что вы, ребята, не даете дяде уйти! — незнакомая девушка взглянула на меня так, будто ласковый ветерок промчался по степи, колыхая благоухающие травы… И добавила извиняющимся тоном: — Они у меня такие непоседы!

В сопровождении ватаги смеющихся ребятишек мы с воспитательницей прошли по затененной аллее парка. Девушка взяла меня под руку и, проникновенно заглянув в глаза, с чисто человеческим вниманием спросила:

— А тебе действительно нехорошо?.. Может, ты потерял подругу?.. Поверь, ничего не стоит того, чтобы так убиваться… Жизнь прекрасна! — Помолчав, она прошептала мне на ухо, как заправский заговорщик: — Если хочешь, я приду к тебе в гости сегодня вечерком. Скрашу твою боль, твое одиночество. Вместе будет веселее!..

Я отпрянул.

Она была чертовски хороша, эта девушка, эта воспитательница. Я вырвал свою руку из ее и, обезумев, стремглав помчался по дорожке до самого выхода из парка. Вдогонку мне неслись слова маленькой девочки-певуньи, и от них — боже ты мой! — кружилась голова:

— Дяденька, мы тебя любим! Любим! Лю-ю-юби-и-им! Ты хороший!..

Я несся и мысленно рыдал. В голове крутилось, как испорченная пластинка: «Прекратите меня жалеть! Утешать! Задабривать! Пре-кра-ти-те!!! Все равно вы все обречены! Я сделаю это! Сделаю!! Сделаю-ю!!!»

Старые деревья сочувственно склоняли свои тяжелые зеленые ветви ко мне, одинокому бегущему безумцу. Ярко-красные цветы одуряюще пахли, пытаясь опоить меня напоследок. Шмели, парковые шмели гудели и перелетали с цветка на цветок, не зная, что жить им оставалось не более суток.

о боже
я так больше не могу
это неправильный мир
неправильное общество
слишком добренькое
лезут со своей заботой
нафиг!

так быть не должно
устал
ненавижу
неправильно это
нельзя так
человечество свихнулось
убить их
убить убить убить
ненавижу
блин
достали
дядя мы тебя люби-и-им!

Я выскочил сломя голову на проезжую часть дороги, по которой неслись разноцветные автомобили в несколько рядов. Плохо понимая, что делаю, я демонстративно ринулся под колеса — может быть, хоть таким образом пытаясь остановить себя, на уровне подсознания.

Послышался жуткий визг тормозов, скрежет и металлический «бум!» — это ближайшая ко мне машина резко остановилась, ей в зад впечаталась следующая за ней, и так друг за другом выстроилась вереница столкнувшихся легковушек.

«Ну, наконец-то мне дадут в морду!» — с облегчением решил я.

— Ты не ушибся?! — озабоченно спросил меня водитель первого по счету автомобиля, буквально раздавленного в лепешку; человек с трудом выбрался из покореженного, дымящегося кузова и бросился со всех ног ко мне.

— Нет… — Я едва ворочал языком от испуга и, признаюсь, с надеждой в сердце.

— Господи, мы же могли тебя раздавить! Какое счастье, что ты не пострадал!

— Что?.. Что?.. — вторили другие водители, живо окружившие меня со всех сторон, и глаза их были полны сочувствия и тревоги. — Он мог покалечиться! Может, его срочно в больницу? Бедненький!..

Я стоял и чувствовал, как закипает во мне ярость.

— Дорогой наш, мы надеемся, что у тебя все хорошо, все благополучно. Считай, что это происшествие — просто мелочь по сравнению с тем, что — не дай Бог! — могло произойти!..

— Минуточку, минуточку! — прогремел грозный голос откуда-то из-за толпы, и сквозь толчею протиснулся здоровенный полицейский в форме.

— О-о-о… — огорчению его, казалось, не было предела. — Друг мой, как же тебя угораздило-то? Ну-ка, посмотри на меня! Да ты бледен и страдаешь! Тише-е!.. — это он обратился ко всем пострадавшим водителям. — Видите, человеку нехорошо! Короче, живо сели по машинам — кто может — и поехали дальше! А кто не может — дождитесь отряд спасателей, плюс страховую службу, которая выплатит вам все сполна! А мне вот с моим другом придется разобраться…

— Вы меня арестуете? — Я смотрел на него так, как смотрит утопающий на соломинку. — Вот, пожалуйста, — и подставил руки, чтобы на них надели наручники.

— Гм… — Страж порядка был как никогда серьезен. — Так не годится. Вот так сразу задержать человека — помилуй меня, Господи! Лучше сделаем так: сейчас пойдем в ближайший бар за углом, и я поставлю тебе кружечку-другую — за счет полицейского управления. Я понимаю, у тебя был стресс — так преодолеем его вместе! Эх, блин, жизнь — чертовски сложная штука!..

Я стоял, не зная, что еще сказать, и все еще с надеждой держал соединенные перед собой руки.

— Идем, друг, — благодушно подтолкнул меня полицейский. — Конечно, я при исполнении, но ради такого случая шеф меня простит, — и он подмигнул мне, хотя хуже, чем в этот момент, я никогда раньше себя не чувствовал.

Ненависть, очередная ненависть рождалась где-то в глубине меня. Я шел за отзывчивым полицейским, но такое впечатление было, что меня ведут на убой.

Этот мир окончательно себя дискредитировал.

Прямо на моих глазах, м-да…

о боже
что же ты делаешь
зачем? зачем? зачем?
не верю уже ничему
нажать на кнопку
нажать на кнопку
нажать на кнопку
телефон
хорошее изобретение
весь мир
разом — чик! — и нет мира
убить убить убить
уничтожить
хорошие современные технологии
можно избавиться от всех людей сразу
избавиться от животных которые помогают друг другу
от птиц которые не едят друг друга
от бактерий которые теперь лишь полезны для организмов
нельзя так
неправильно это
в наши дни
телефон
это он убивает
только нажать на кнопку
и — раз!
навсегда...
дяденька мы тебя люби-и-им!

Атмосфера в баре располагала к безделью. Десятка два мужиков сидели за столиками и с самым мирным видом смотрели по телевизору футбол. Шел какой-то международный матч, и в прежние времена я бы с удовольствием болел вместе со всеми.

Но не сейчас, блин.

Проехали.

Полицейский провел меня к барной стойке и — нежно, бережно, как ребенка, — передал на поруки элегантному бармену с усиками и с бабочкой, протиравшему бокалы до кристального блеска.

Профессионал…

— Эдик, друг мой. — Полицейский представил меня: — Ты видишь перед собой одинокого человека, которого гложет внутреннее «Я» и который нуждается в обществе столь возвышенного специалиста. Налей ему, да и нам всем, немного для поднятия бодрости духа; полиция оплатит и, — тут он подмигнул всему залу, — вы сами знаете почему.

Один за другим суровые завсегдатаи бара потянулись к нам, к стойке бара, и последний из посетителей выключил за собой телевизор — чтобы не отвлекал.

Эдик ловко, изящными движениями наполнил бокалы всем присутствующим, причем передо мной он поставил прямо-таки исполинский

сосуд, наполненный чем-то безумно вкусным, — судя по запаху.

— Давай, брат, пригуби, — ответствовал он. — Не надо мне денег налогоплательщиков; сегодня я угощаю. Я и сам, понимаешь, бывал в такой ситуации, когда хочется уничтожить весь мир… За твое, братишка, здоровье!

— Выпьем-м-м! — отозвались два десятка жадных глоток. Опрокинув в себя вкусненькое, каждый из присутствующих посчитал своим долгом потрепать меня по плечу.

— Слушай анекдот, — нагнувшись ко мне, проговорил Эдик. — Сальери подсыпал яд в бокал вина Чайковскому. Это увидела добрая фея и сказала: я не могу отменить то, что должно произойти, но могу сделать так, что Чайковский, выпив вина, не умрет, а только уснет. И будет спать сто лет — пока не приедет прекрасный принц и не поцелует его!..[1] — Мужики дружно грохнули со смеху, а я, криво усмехнувшись, пригубив свою порцию, стал осторожно озираться в надежде как можно быстрее отсюда свалить.

— Эдик, друг мой, — утираясь, расплывшись в улыбке, сказал полицейский. — Порадуй нашего гостя шотландским танцем. У тебя ведь так здорово получается…

— Эхе-хе, — бармен подмигнул. — Для начала — подарок от наших посетителей. Для поднятия настроения. Только для тебя, брат!..

При этих словах двадцать мужиков, как будто только того и ждали, забыв обо всем — о матче по футболу, о солидности и достоинстве, о том, зачем они вообще пришли в это маленькое заведение, — выстроились в ряд и, взявшись за руки, дружно принялись отплясывать то, что в иной ситуации сошло бы за танец маленьких лебедей.

«Там-там-там-там — тарарам-там-там-там-там-там, тарарам-там-там, там-там-там-там, тararарам, там-там-там-там, тарарарам!..»

Я, пригнувшись, чтобы не светиться во всем этом бедламе, с опаской и взвешенно, шаг за шагом постарался убраться восвояси — воспользовавшись для этого проходом за стойкой, который вел куда-то в подсобное помещение и к черному ходу.

«Там-там-там-там… — неслось на весь бар, — тарарам-там-там-там-там, ля-ля-ля-ля, тирлим-бом-бом, тири-тири-бом…»

Уже на улице я, расправив плечи, взглянул на небо — между домами, и мне показалось, что судьба только того и ожидала.

«Убью их всех, — потихоньку успокаиваясь, подумал я. — Не оставлю в живых это нелепое человечество; никого. Оно пошло каким-то непонятным мне путем. Слишком, слишком хочет всех осчастливить. Так нельзя.

Нельзя!

Телефон, блин. Какая удача, что создали этот самый телефон».

о боже
мобильный телефон
с новой функцией
какое полезное изобретение!
убивает
достаточно нажать на кнопку
только так
каждый может нажать
каждый совершеннолетний
если не стоит на учете в определенном учреждении
или не судим
будет взрыв
ничего себе взрыв!

---

[1] Анекдот авторский.

ВЗРЫВИЩЕ!!!
вот это да!
блин
ни хрена не останется на земле
они это знают
все знают
опасаются
только бы никто кнопку не нажал
тоже мне прогресс
боятся
вежливые потому все
приторно сладкие
только бы не взорвал
любой желающий
етить твою мать
дядя мы тебя люби-и-им!

Я бежал по городу. Бежал, с опаской оглядываясь, — только бы всякие счастливые меня не перехватили; бежал, надрываясь от отчаяния и от осознания того, что вдруг не выдержу — и стану веселым и беззаботным, как все.

По пути мне встретились представители нескольких автомобильных компаний, которые непременно хотели — оценив мое состояние навскидку — подарить мне самую лучшую машину самой последней марки. Я лишь зарычал, уклоняясь от даров; сумел благополучно избегнуть я и презентов из магазина электронной техники: сам директор попытался мне их всучить, якобы миллионному покупателю, но я-то прекрасно разбирался в его мотивации и стопроцентно знал, чего именно они все от меня хотят.

Не нажимать на кнопку! На эту мерцающую, смертельно опасную кнопку — черт бы подрал этот мобильный телефон!

Врешь — не возьмешь!

Я-то знаю, что все вы своими ухищрениями не сможете ровно ничего со мной поделать — раз уж я что-то решил — и решил наверняка!

Увы…

Решил…

Этот мир — эта планета — выглядит просто чудовищно со своей тягой поддерживать друг друга, все и вся. Не надо, не надо! — это я бросил в лицо бомжу, который пытался всучить мне букетик цветов, просто так. Пробежав сквозь толпу гуляющих людей — карнавал, блин! — отбившись от нескольких клоунов и прекрасных девушек, непременно желавших меня поцеловать, я подбежал, наконец, к своему дому — пятикомнатной квартирке в самом импозантном небоскребе города, которую мне буквально навязали в университете как молодому и многообещающему специалисту.

Предварительно, правда, заскочил в супермаркет у входа…

Хотел купить алкоголь — забыться напоследок. Пошарил по карманам — ну, надо же, денег нет как нет. Это не беда! — дала мне понять управляющая магазином, оформляя тут же, на месте беспроцентный кредит; ей даже пришлось поспорить по этому поводу с одним из посетителей, который во что бы то ни стало хотел за меня заплатить, — увидев, кто я и что собой представляю.

В конце концов записали все как подарок от магазина — с предложением обращаться всегда и каждый раз, когда мне станет плохо, как сегодня. Я уже измучился возражать и отнекиваться; усталость, душевная усталость

брала свое, и больше мне не хотелось хоть что-нибудь хоть кому-нибудь делать назло.

Следовать принципам.

Говорить этим «добрячкам» всякий раз «нет».

Пусть будет что будет!

Я устал…

о боже
система боевых спутников
опоясывает землю
с термоядерным оружием
на борту
способна уничтожить весь мир
только так
все живое
в один момент
в общем пользовании человечества
приводится в действие нажатием кнопки
на мобильном телефоне
любым желающим
если он совершеннолетний
не судим
не болен здоров
раз! — и готово
и нет земли
ужас
чудовищно
но действует блин
все такие добренькие
чтобы никому не захотелось нажать
мерцающую кнопку
чтобы земля сохранилась
все человечество
чтобы жило всегда всегда
ужас!
вы не поверите
блин
а я нажму
дяденька мы любим тебя!

В вестибюле меня встретила консьержка — похожая на бабу-ягу. Старая карга! Она, блин, маскируясь, преподнесла мне огромный домашний пирог — сама, мол, испекла; знаю я таких. Улыбнулась широко — от уха до уха; но меня-то не проведешь! Я даже не стал обсуждать с ней почту: компания, обслуживающая дом, прислала мне, в виде премии, бонус на оплату электричества, газа, воды и телефона — вперед на полгода. Консьержка лишь покачала головой и, что-то прикинув в уме, предложила одолжить денег, чтобы я поехал на модный курорт поразвлечься. Ладно, допустим, она мне оплатит отпуск — но имеет ли это значение в свете того, что я намерен — ЧТО Я ДОЛЖЕН — совершить?! Все вы такие добренькие сегодня… И всегда… Но мне-то что делать в такой ситуации? Как понять мир и самого себя? КАК ЖИТЬ?

Я зашел к себе домой. Посмотрел — с ненавистью — на подаренную бутылку. Пить или не пить? Быть или не быть? Отвратительно! Позор! Довели землян до такого состояния! Человечество не должно быть таким!

Эта планета не должна быть такой!!!

Она пошла не по тому пути…

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Я устал…

о боже
семь уровней защиты
семь раз нужно подтверждать свои запросы
если хочешь уничтожить мир
это чтоб по пьянке не нажать случайно
мерцающую кнопку
или если ты не в духе
человечество не желает умирать просто так
но я — не просто так
я не мститель
я просто знаю что это конец
приехали
эволюция зашла в тупик
жизнь остановилась
все добренькие
из-за мерцающей кнопки
ужас!
нет нет нет
нельзя так
они не понимают
а я хочу чтобы был новый мир
после нас
после меня
ужас
ни фига себе
не слушать никого
человечество зашло в тупик
нужно спасать
убить убить убить
ненавижу блин
нажму
нажму
нажму
дяденька мы люби-и-им тебя-я!

Я лежал, одинокий, на кровати. Напился. Заблокировал все звонки — а ведь мне звонили, и не раз, много-много раз. И по телефону, и в дверь. Просунули билеты на знаменитую оперную диву, звезду мировой сцены — из коридора; я не стал поднимать. Ненавижу, блин. Но им не объяснишь. Они думают, что можно купить состояние духа. Нет. Нетушки, я не продаюсь. Если я считаю, что жизнь на этой планете не удалась, — значит, так тому и быть.

Все.

Не удалась.

Приехали, блин…

Где она, новая планета…

о боже
убить убить убить
уничтожить уничтожить уничтожить
всю землю
на фиг
стереть живое
начать с нуля…

Не могу сказать, чтобы мне доставляло удовольствие то, что я сейчас собирался сделать. Нет. Скорее я выполнял свой долг. Это всякие анархисты, нравственные уроды и маньяки убивают потому, что им нравится убивать. Но мне — не нравилось. Просто я ДОЛЖЕН БЫЛ, это сидело во мне, внутри меня — для того, чтобы очистить мир от чудовищной, непоправимой ошибки.

В принципе новые технологии сегодня вполне позволяли зачеркнуть жизнь на Земле. Для этого нужно было лишь выполнить одну-единственную операцию — нажать на специальную мерцающую кнопку на своем собственном мобильнике; в результате системе боевых спутников на орбите будет дана команда на тотальное уничтожение планеты. Триста тысяч ядерных ракет. Лазеры. На каждый континент. Все по идее произойдет быстро — почти мгновенно, никто особо не успеет и почувствовать.

Кнопка в наши дни установлена на мобильных телефонах всех марок. Ее может нажать кто угодно — ну, за исключением всяких там больных и недоделанных, которым телефоны не доверяют. Но ведь и то сказать — нажать; предварительно нужно пройти семь уровней защиты, чтобы система абсолютно точно могла опознать, что ты действуешь вполне осознанно. Типа нужно ответить на ряд вопросов, ввести свой персональный идентификационный код, проявить сообразительность при специальном минитестировании — пьяный, например, не сможет ни за что.

Это страховка такая; но пусть она никого не обманывает — пожелавшему во что бы то ни стало уничтожить мир даются на то все полномочия. Естественно, никто из живущих на планете эту кнопку пока не нажимал. Каждый МОЖЕТ, но на практике никто не нажимает. Потому что нет повода — если тебе вдруг очень захочется, то найдется миллион-другой человек, которые побудут с тобой, помогут тебе, пройдут вместе с тобой весь путь — чтобы не было обидно и одиноко.

Они считают, что это — хорошо, что это — общественная польза… Но я-то так не думаю! Я-то вижу ущербность, мало того — абсурдность такой системы! Человечество, додумавшись до этого своего технологического «шедевра», убило одним выстрелом много зайцев, спору нет: теперь на Земле исчезли границы и правительства, остались в далеком прошлом кризисы, деньги играют скорее символическую, презентационную роль и т. д. и т. п.; люди внешне внимательны друг к другу, предупредительны, вежливы, добры и — боже упаси! — никто ни о ком слова худого не скажет! НО: люди ли они теперь?! Может, теперь из них выхолощено все человеческое…

Итак, я готов… Я готов морально и нравственно совершить то, что никто и никогда еще до меня не совершал. Я — судьба планеты, я — ее злой рок, ее злой гений. Это моя миссия, мой тяжкий крест. И не говорите, не говорите, что я не имею права. Возможно, именно мои действия рано или поздно — через миллионы лет — породят иную цивилизацию, которой выпадет честь свободно и счастливо жить на Земле. Без всяких принуждений, боевых спутников и мерцающих кнопок.

Аз есмь судьба.

о боже
и никто никогда не вспомнит о людях-героях нашей земли
о тех кто составляет ее суть ее ядро ее боль или ее совесть
не вспомнит потому что некому больше будет вспоминать

клеопатра мильтон никола тесла мария каллас и карузо марк аврелий наоми кэмпбелл тосиро мифунэ бенито хуарес пикассо микки маус и хамфри богарт лао цзы луиш камоинш марк бернес толстой мария магдалена и жанна д'арк кнут гамсун джо ди маджио кромвель ксеркс и аристотель ротшильд саша грей генрих-мореплаватель эдмунд хиллари муссолини бинг кросби жетулио варгас чебурашка эмилиано сапата юрий гагарин и нил армстронг путин гарольд холт и акула кьеркегор хацуне мику джордж харрисон и боб марли достоевский пес хатико сезария эвора и виолетта парра гаутама шакьямуни билли кид наташа ростова д'артаньян атос портос и армагеддон

их больше не будет потому что не будет никого

Я начал отключать первый уровень защиты.

о боже
мне жалко все живое на земле хомячков и улиток бактерий и кенгуру опоссумов скунсов рыб бабочек и даже неуклюжих бегемотов жалко тех зверей которых спасли на ноевом ковчеге а я убью их всех потому что такая судьба
дяденька мы любим тебя-я!

Второй уровень, блин, — это значит ввести свой идентификационный код.

о боже
дяденька мы любим тебя

Черт возьми, неужели все исчезнет? И лишь обугленная планета будет носиться во Вселенной, напоминая неизвестно кому и неизвестно о чем?
Третий уровень… Отключил…

о боже
жизнь невероятно сложная штука
как она появилась на земле
кто создал
а я прекратил
не потому что бог а потому что справедливость
так суждено
la donna è mobile
возьми и поплыви на ней на самый красивый остров на свете!
дяденька мы тебя-я люби-и-им

Четвертый уровень, пятый, шестой. Седьмой.
Уф-ф! Я остановился… Кажется, все…
Наконец-то я встал с кровати и подошел к окну своего небоскреба.
Посмотрел вниз.
Увидел город под собою — беззаботный и счастливый.
Увидел закат. Кто когда еще его увидит?
Закат! Закат! Закат!..
Я вздохнул…
Теперь осталось только последнее — нажать и все.
На мерцающую кнопку.
Преграды сняты.
И все.

На минуту мне вдруг стало жалко весь мир. Что-то во мне шевельнулось — там, внутри.
Но медлить нельзя!
Сейчас или никогда!
Неужели так всегда и происходит — так просто?..
Ничего знакового, особого я в этот момент не вижу.
Ничего, что означало бы: прощай!
Боже ж ты мой…
Неужели так все просто?..

Я закрыл глаза. И нащупал кнопку — ту самую. Кнопку смерти. Кнопку delete — только в масштабах вселенского обнуления. Кнопку созидания — новых и новых миров.
Которые не увидеть нам…

Я вдруг вспомнил мальчугана с золотыми волосами.
И девочку-певунью.
Где он — самый красивый остров на свете?
Ты прости меня, малыш…

Глаза.
Детские глаза.
Женские глаза.
Глаза мира.
Я должен.
Нет!..
Я должен.
Увы…

НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!!!

Я должен. Увы.
И я нажал.

В этот момент на центральном пульте, у дежурного, загорелась красная лампа, и в здании раздался пронзительный, оглушающий, закладывающий уши сигнал.

— Внимание! Внимание! — раздалось из громкоговорителя. — Внимание всему персоналу! Еще один! Еще один!

Врачи и санитары столпились перед пультом, оправляя свои белые халаты и шапочки.

— Коллеги, поздравляю, — произнес главный врач, — наша методика, без сомнения, дает позитивные результаты. Очередной пациент может теперь быть признан вменяемым, и больше нет никакого смысла держать его в закрытой зоне вместе с другими. Он готов к самостоятельной жизни в нашем мире — и его следует поскорее выпустить. Помните: мы не имеем права допустить каких-либо контактов выздоровевшего с остальными больными. Позаботьтесь о том, чтобы он тотчас покинул территорию клиники.

На мониторе собравшиеся вдруг увидели бледное лицо человека — того самого, который нажал на кнопку. Он лежал без чувств.

— Все-таки хорошо, — подвел итог главврач, — что у нас в запасе осталась еще целая планета.

Татьяна ПИСКАРЕВА
Российская Федерация, г. Москва

На кончике пера горит стихотворенье

Странник-Гоголь

Родился Гоголь.
Нос его был мал.
И не было у Гоголя коляски.
Пока ему рассказывали сказки —
Он о ревизских сказках не писал.
Шинель была, как детское пальто:
две пуговицы, хлястик, сборки,
тепло и сухо,
Будто обитаешь в норке,
но звать тебя никак,
и ты — никто.
Прошли года:
стал странен Странник-Гоголь.
…Нос вырос, обнаглел и вышел в чин.
Ужасным сквозняком наполнились шинели.
И, не мигая, панночки глядели,
как вишни созревают
в день один.

Предчувствие

Предчувствия безмолвная громада
легко срывает якорь золотой.
Царапая стволы глухого сада,
ломает строф неясный строй.

Предчувствие сидит в простой кибитке,
считает версты вместе с ямщиком.
Как гость незваный,
пыль несет в избытке.
И в дверь стучит
истертым сапогом.

Предчувствие ему затушит свечку,
кольцом ударит о церковный пол,

укажет путь на берег Черной речки,
там станет пулей, чей укус
так зол.

…Пока в Михайловском в огне трещат поленья,
на кончике пера горит стихотворенье,
а няня, как сверчок, сидит себе у печки —
Предчувствие,
нырнув под воды Черной речки,
с поэтом разговор
оставит на потом.

Улитка

Вот свернутость робеющей улитки:
закрученный в спираль тяжелый дом,
где набекрень лежат скромнейшие пожитки
и в свиток свинченный
философичный том.

Ощупывать пространство безнадежно,
сверля рогами воздух
там и тут,
и странствовать неспешно очень можно,
не знать, что путь конечен,
прост и скуп,
но ты вперед прошествуешь вельможно,
не зная, гениален ты
иль глуп.

Осень

У осени — морда печального зверя,
который тайком убегает в нору.
В охотничьи сказки и басни не веря,
он любит орехи, кору и траву.
Он любит тончайшие перья тумана,
зеленое с синим, которого мало, —
а много становится желтого с красным,
и тянет холодным предзимьем опасным.

Порядок слов

Порядок слов не может быть нарушен.
А буквосочетания
вливаются в распахнутые души,
в их очертания.

Как эти раковины створками своими
ловят звуки?
Зрачки без устали скользят
по Аз и Буки?

Зачем нам механизм такой? Кто в нем «технарь»?
Кто выдумал слова,
тома,
букварь?

И почему в тот хитрый плен попасть готов
любой, кто полюбил
порядок слов?

* * *

ты не бойся, хоть с тобой
проживаем век тревожный
и ступаем осторожно,
потому что очень сложно
быть собой,
да, быть собой

ты не думай, музыкант,
что вокруг одни потемки,
и у дервишей котомки
оскудели
без стихов

ты не бойся, милый мой,
что вот-вот порвутся струны,

и ворвутся в город гунны,

и не будет здесь волхвов

даже если нам расскажут, что одни на целом свете,
как наказанные дети, мы останемся с тобой —
мы ведь сразу не исчезнем,
а раскроемся над бездной нотой ля и нотой соль

…не печалься, музыкант!
какофонии скрипучей
все же меньше, чем стихов
и гармонии созвучий

* * *

Кант сказал, что звездное небо —
то что надо,
и глазеть на него: восхитительная награда

посылать небу воздушные поцелуи и приветы,
пробовать на вкус звезды, словно крошечные конфеты
их увидишь, если не будет смога и облаков,
спутников, космического мусора и разных космических чудаков

там висит диск Луны, запаянный в ослепительный белый кант

там, невидимый,
думает все о том же Кант

Сергей МОСКВИТИН
*Российская Федерация,
Республика Саха, г. Ленск*

Таежный фарт

Грибная охота

Сентябрь — самое начало,
Но лес прелестно посветлел.
В тайге все восторжествовало
От солнечных лучистых стрел.

Скорее в лес! С ведром, с лукошком —
Туда, где прячутся грибы,
Где не исхожены дорожки
И елки свесили чубы.

Кедрач, кустарник, буреломы,
Блестят на ветках кружева
Из паутинок невесомых,
Пружинит прелая листва.

Ну, вот и первый гриб — волнушка
Тайгою преподнесена:
На кочке — словно бы ватрушка,
И рядышком — еще одна.

Сбавляю шаг. Смотрю пытливо
Двустволкой взгляда сквозь тальник.
И вот под ивой — эко диво! —
Находка! Радуйся, грибник!

На влажный мох и зелень листьев
Как будто плюхнулся желток.
Растет, сияя шляпкой чистой,
Его Величество груздок.

Вокруг исползал на коленях,
Обследовал за пядью пядь.
И в результате преклонений
Нашел еще груздей штук пять.

На сердце сразу потеплело —
Взыграл охотничий азарт.
Нет увлекательнее дела,
Чем испытать таежный фарт.

Еще груздок! Еще семейка!
Еще охотничий трофей!
Грибной охотник не ищейка.
Грибной охотник — корифей.

Ну вот и полное лукошко.
Охотку сбил — пора домой.
Зимой отведаю с картошкой
И вспомню этот лес хмельной.

Женщина

(ассоциативная мозаика)

Восторг. Изысканность. Блаженство.
Экстаз. Изящность. Совершенство.
Невинность. Прелесть. Красота.
Наивность. Нежность. Чистота.

Загадка. Грация. Волненье.
Очарованье. Вдохновенье.
Духи. Румянец. Аромат.
Блеск. Комплименты. Шоколад.

Цветы. Любовь. Каприз. Влеченье.
Беспечность. Воодушевленье.
Интриги. Робость. Суета.
Лукавство. Женственность. Мечта.

Богиня. Афродита. Ласка.
Русалка. Нимфа. Златовласка.
Невеста. Девушка. Весна.
Мадонна. Женщина. Жена.

Андрей НОСКОВ
Российская Федерация,
Чукотский автономный округ, г. Анадырь

Украшенье и свет белорусской земли

Белорусские бабушки

Белорусские бабушки, тихие, скромные,
с ясным светом любовью наполненных глаз,
вы с землей своей связаны узами кровными,
не могу я никак наглядеться на вас.

Как земля белорусская, добрые, щедрые,
опаленные прошлою страшной войной,
ваши жизни, как правда, такие же честные,
потому что не может быть правда иной.

Соль земли, ее суть, все ее достояние,
я без вас и представить ее не могу,
вместе с ней вы такие прошли испытания,
что другим и не снилось на долгом веку.

Если есть у земли, у страны ее люди,
кто ее защищал, кто трудился на ней,
значит, эта земля и страна эта будет,
раз она не погибла в прошедшей войне.

Терпеливые, стойкие, неодолимые,
вы из горького пепла подняли страну,
от нее, от судьбы ее неотделимые,
пережившие прошлую злую войну.

По крупицам собрали ее, по кирпичикам,
по деревьям, по селам, по городам,
по дверям, по крылечкам и по наличникам,
по лугам, по лесам, по полям, по садам.

И опять расцвела ты, земля белорусская,
стала лучше и краше еще, чем была,
и вернулись на гнезда опять твои буселы,
и по Свислочи лебедь опять поплыла.

От земли и от солнца ваши руки коричневы,
узловаты, как корни они, тяжелы,
я прижмусь к ним щекой от любви безграничной,
от любви моей к вам будут слезы светлы.

Дай вам Бог долгих лет за всю праведность вашу
и за то, что сумели вы в жизни, смогли.
И не видел я лиц, тех, что были бы краше,
украшенье и свет белорусской земли.

Беларусь моя синеокая

Выйду в поле я васильковое,
загляжусь в небосвод голубой.
Беларусь моя синеокая,
я люблю и горжусь я тобой!

Все с землей родной в жизни связано,
все судьбою с ней сроднено.
Беларусь моя синеглазая,
в тебя сердце мое влюблено!

Я вгляжусь в тебя, мою светлую,
наглядеться никак не смогу,
и любовь к тебе беззаветную
я в душе своей сберегу.

Край родной мой, всей жизни повесть,
честный хлеб мой побед и бед,
и достоинство ты, и совесть
до скончанья грядущих лет.

Называю тебя святою,
за тебя я в храме молюсь,
присягая, клянусь тобою,
синеокая Беларусь!

Роберт МИННУЛЛИН: «Евразия — уникальный источник духовных ценностей...»

Народного писателя Татарстана Роберта МИННУЛЛИНА хорошо знают в России и других постсоветских странах. Книги литератора, который активно работает в поэзии, детской литературе, пишет песни, увидели свет не только на родном татарском языке, но и на русском, башкирском, удмуртском, черногорском, азербайджанском, чувашском, марийском. Отдельные стихотворения опубликованы на английском, турецком, польском, казахском, украинском, белорусском, эстонском, каракалпакском языках. Молодая белорусская поэтесса Яна Явич подготовила книгу переводов стихотворений Роберта Миннуллина, адресованных юному читателю. Несколько лет назад народный поэт Татарстана участвовал в «круглом столе» зарубежных писателей в Беларуси. Сегодня Роберт Миннуллин — гость «Нёмана».

— Культуры разных народов — они разделяют нас в евразийском пространстве, служат помехой или все-таки способны положительно влиять на прогресс, содружество?..

— У меня лично до сих пор — ностальгия по Советскому Союзу. Мы были намного духовно богаче, чем нынешнее поколение. Была большая, многонациональная советская культура, в том числе и многонациональная литература. Будучи молодым поэтом, я так хотел, чтобы обо мне говорили или писали, что я — татарский советский писатель. Это так гордо звучало. Но такое звание положено было только именитым классикам. Только потом, спустя многие годы, в Интернете, в Википедии я узнал, что «Роберт Миннуллин — советский и российский поэт, журналист, политический деятель»… Оказывается, все-таки я был советским писателем. Лучше поздно, чем никогда, как говорится…

А ведь мы жили одной большой, дружной семьей, знали историю, обычаи, культуру друг друга, с удовольствием читали книги известных национальных писателей и поэтов. Они были общими для всех нас. Мы объединяли и обогащали друг друга. Это было здорово! ЦТ каждый день показывало сюжеты, репортажи, отдельные передачи из национальных республик, Московское радио каждый день говорило, центральные газеты каждый день писали о нас: о белорусах, казахах, латышах, татарах, чувашах, удмуртах, башкирах, якутах, чукчах… Согласитесь, столько родных народов, что и не перечесть. Сохранили мы это родство сегодня?.. Московские специализированные издательства периодически выпускали книги национальных писателей. Были организованы обменные Дни литератур и искусств республик и т. д. Мы в лицо знали всех известных людей из разных республик… В то же время каждый народ жил своей жизнью: своими песнями, своими мифами, легендами, преданиями, обычаями, традициями… Вообще-то, мы очень похожи друг на друга, но мы одновременно и очень разные. У каждого из нас свой язык, свой фольклор, свои народные песни и танцы, свои многовековые обряды, одежда, еда, культура поведения, прикладное искусство, своя философия, свой быт… И все это никак нельзя силой навязывать другим народам. Беды никакой в этой разности нет.

Роберт Миннуллин и Николай Чергинец
на XXV Минской международной книжной выставке-ярмарке.

Вот мы живем между Волгой и Уралом, в соседстве с тюркскими (татары, башкиры, чуваши) и угро-финскими (удмурты, марийцы, мордва, коми) народами. Много у нас смешанных сел, районов. Дети разных народов учатся в одной школе, знают даже языки друг друга, национальные праздники проводят все вместе. Татарский национальный праздник сабантуй в последние годы стал общим праздником буквально всех россиян… И не только. Сабантуй сейчас проводится везде, где проживают татары.

Культуры разных народов, конечно же, сближают, обогащают нас. Евразия в этом смысле уникальный источник межнациональных культурных, духовных, религиозных и исторических ценностей.

— Часто говорят о взаимопроникновении национальных культур… А не является ли это, на ваш взгляд, уничтожением национальных миров?

— Мне кажется, если не произойдут какие-то глобальные катастрофы, международные потрясения, неожиданные геополитические изменения, многовековые национально-культурные ценности народов никогда и никуда не исчезнут. Не должны исчезнуть. Хотя есть некоторые сложности, есть некоторые проблемы. Они лежат на поверхности. Возьмем, к примеру, современную эстраду, шоу-бизнес. Попса сегодня везде попса. И в Европе, и в России… Я частенько слушаю радио своих соседей: башкир, чувашей, мари, удмуртов… Все песни почти одинаковые: такие же ритмы, такие же мелизмы, такие же инструменты… Только тексты разные…

Да, мы живем в компьютерном веке: телевидение, интернет, телефоны, айфоны, айпады… Буквально за 20 лет мир кардинально изменился. Честно говоря, мы даже в растерянности. Мы, особенно старшее поколение, не успеваем за нововведениями технического прогресса. Что будет через двадцать-тридцать лет? Даже страшно подумать. Согласитесь, невозможно даже представить… Что поделаешь, выходит, надо приспосабливаться… И вместе с тем… Да, мир меняется, но человеческая душа-то остается прежней. А ведь литература прежде всего — душа, чувства, переживания, доброта, любовь, ненависть…

— Диалог политиков, пожалуй, важнее диалога писателей?.. Или вы иного мнения?

— Есть народы, есть государства, есть руководители, политики. У них свои обязанности. Для диалога политиков нужна благодатная почва. Эту почву должны подготовить как раз писатели и поэты. Это очень важно! Слово писателя доходит до каждого читателя, т. е. до каждого избирателя. У нас в парламенте Татарстана всегда работали писатели и поэты. Мы всегда выступали от имени своего народа, и писательское слово всегда влияло на ход событий. Нас слушали и слышали не только избиратели, но и руководители республики. Слово писателя, слово поэта выстраданное, оно гораздо доступнее, чем многие официальные выступления чиновников. И об этом следует помнить. Писатели не должны оставаться в стороне от политики, общественной и государственной жизни. И важно, чтобы они как можно чаще встречались, общались, дружили. Это дорогого стоит!

— Многообразие мира сегодня обычные люди познают за счет современных информационных технологий, вседоступности электронных информационных полей. Может быть, в таких условиях и само художественное слово, само художественное произведение стало уже архаичным и ненужным предметом культуры, ненужным, лишним для нашей действительности?

— И все-таки я считаю, что это временное явление. Да, на экранах телевизора, на страницах газет и журналов, в виртуальных пространствах интернета больше мусора, грязи, чем позитивного. Все это впитывают в себя даже маленькие дети, не говоря о подростках, молодых людях. Это, согласитесь, очень и очень печально. Честно сказать, мы живем в каком-то сумасшедшем, стремительном мире. У людей просто совсем не остается времени для книги. Да, мы бьем тревогу, что в обществе мало читают. Не поздно ли бьем, вот о чем болит голова. В советское время у книг были огромные тиражи. Мои детские книги, к примеру, даже на татарском языке выходили иногда тиражом 100 тысяч экземпляров. Сейчас средний тираж детских книг — 5000 экземпляров. Да, разница огромная, невероятная разница. И такое падение тиражей произошло не за сто лет, а буквально на наших глазах... Но, как ни странно, московские издательства на русском языке также выпускают книги тиражом 1000—2000 экземпляров. У нас тиражи литературных и детских журналов также выше, чем московских. Значит, не все так плохо. Пока татарская литература существует, книги издаются, они не залеживаются на прилавках книжных магазинов. Значит, читают… При желании достаточно вроде бы электронных и аудиокниг. И на татарском языке тоже. К тому же есть школа, учителя, существует школьная программа по литературе, есть богатые кладези мудрости — библиотеки. Хорошо, что в детских садах, школах изучается литература. Детские праздники не проходят без стихов. Если в детстве ребенок читает книги — это уже на всю жизнь. Будем надеяться на лучшее, хотя действительность в этом плане и не радует.

— Вы особенно много работаете в области детской литературы. Верите ли вы в то, что завтрашним поколениям юных читателей будет понятен Пушкин? Будут ли дети через сто лет читать Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого, Габдуллу Тукая, Янку Купалу, Василя Витку?

— Да, я всю жизнь пишу для детей и этим очень горжусь. Потому что мои детские книги, уверен, нужны юным читателям. Они популярны среди детей и родителей, преподавателей, воспитателей. Это радует! И я уверен,

что сегодняшние читатели со временем будут читать и мои взрослые книги. А классика есть классика. Без нее не может быть большой литературы. Классика отражает духовность народа, его традиции, способность заглянуть в будущее. И пока жив народ, его язык, литература, я уверен, что и через сто лет будут востребованы и Александр Сергеевич Пушкин, и Янка Купала, и Некрасов, и Габдулла Тукай, и Василь Витка.

— Какую книгу татарского писателя поэт Роберт Миннуллин посоветовал бы прочитать русским, белорусам, казахам, азербайджанцам, полякам, немцам? Всем ли народам эта книга, на ваш взгляд, будет одинаково понятной? Все ли воспримут тот национальный код, что зашифрован в татарской поэзии, татарской прозе?

— Многовековая татарская литература богата уникальными, яркими талантами. Это незабвенные Габдулла Тукай и Муса Джалиль, это малоизвестные на постсоветском пространстве Галимджан Ибрагимов и Гаяз Исхаки… Великолепная плеяда замечательных, широких в своих воззрениях на жизнь прозаиков: Аяз Гилязов, Ахсан Баянов, Гариф Ахунов, Мухаммат Магдеев… Еще в семидесятые годы народный поэт Башкортостана Мустай Карим писал: «В Татарии есть великолепная проза, на которой мы, тюркоязычные литераторы, учились и учимся. Об этой замечательной татарской прозе русский читатель имеет довольно приблизительное, самое поверхностное представление. Ибо переводится, поверьте, далеко не все лучшее. Это можно сказать и о нашей ярко выраженной национальной поэзии…» Да, была и есть такая проблема. И в советское время к татарской литературе относились как к литературе автономной республики. У нас традиционно сильная поэзия. Например, поэты-шестидесятники… Это редко замечалось, редко подчеркивалось. Особенно — в других национальных литературах.

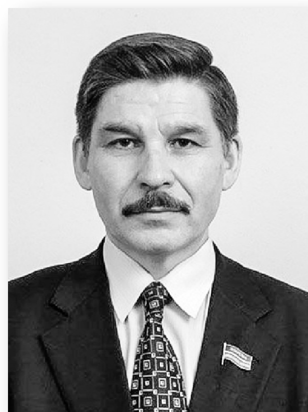
Я бы в первую очередь порекомендовал прочитать «Моабитскую тетрадь» великого поэта, великого человека Мусы Джалиля. Его стихи, которые были написаны в камере фашистской тюрьмы, — образец высокого художественного слова, а его судьба — пример высокой духовности, истинного патриотизма. В истории мировой литературы таких поэтов совсем немного.

— А все-таки, как считает мастер художественного слова, можно сочетать интеграцию и независимость, интеграцию и суверенитет?

— Я думаю, что можно! И нужно! Хотя в этом мире, в том числе и в литературе, все относительно. В мировой литературе есть много разных примеров на этот счет. Национальный писатель, где бы он ни жил, на каком бы языке ни писал, должен оставаться писателем своего народа, своей Родины. Такими были многие русские писатели в эмиграции, американские, латиноамериканские… Наши близкие современники Чингиз Айтматов и Василь Быков были такими... Фазиль Искандер, Олжас Сулейменов… Наш Равиль Бухараев… Настоящему национальному и независимому писателю интеграция, глобализация не только не мешают, а наоборот, помогают и приближают к общечеловеческим ценностям, открывают новые духовные горизонты. Но, к сожалению, не всегда так получается. И это, как мне кажется, прежде всего связано с языком. Язык в литературе всему голова. Могу привести примеры из нашей литературы. Татары, как только переходят на русский язык, сразу становятся русскими писателями или поэтами. Это как-то исторически сложилось. Скажем, мы любим похвастаться, что великие русские писатели и поэты Гавриил Державин, Иван Тургенев, Александр Куприн, Сергей Аксаков, Анна Ахматова, Белла

Ахмадулина и другие знаменитости татарского происхождения. Ну и что? История и сегодня продолжается. Например, у известного русского поэта Михаила Львова настоящее имя Рафкат Маликов, татарский парень Ренат Суфеев со временем стал известным русским поэтом Романом Солнцевым. Татары являются «донорами» в других культурах, других литературах. Вот свежий пример. В последнее время много шума вокруг книги Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза». Она же наша соотечественница, родом из столицы Татарстана — Казани. В настоящее время, правда, живет в Москве, пишет на русском языке. Книга получила самые престижные российские литературные премии. Есть одно но: в книге чувствуется незнание татарской жизни, быта и характера. К тому же татары показаны с не очень хорошей стороны. Поэтому многие татарские писатели приняли роман в штыки. Получился большой литературный скандал… Кстати, такие метаморфозы можно найти везде и всюду. Это плоды интеграции, глобализации? Я не знаю… А может быть, это — плоды того, что кто-то просто забывает свою родину?.. Однозначно ответить на вопросы такого плана нельзя. Но есть судья — время. Причем самый беспристрастный…

Беседовал Кирилл ЛАДУТЬКО.
Казань—Минск.

Роберт МИННУЛЛИН
Российская Федерация,
Республика Татарстан, г. Казань

Тоска по соловьям

Спрятанный мир

Деревья к ясной вышине
Поближе быть стараются,
Навстречу солнцу и весне
Все почки наливаются.

А там — веселая листва,
Пока от взгляда скрыта...
Природа как всегда права,
Хоть стужа и сердита.

Наполнен радостью живой
Мир вешний затаенный,
В котором звездопад лесной
И небосвод зеленый.

Ликует свет лесов, полей,
В круг вовлекает свой…
И как же не пойти за ней,
За жизнью молодой?

День рожденья соловья

Вновь сердце разрывает мне
В тиши рассветной пение —
То птица песню дарит мне
В день нового рождения.

И от напева дивного
Растет в душе томление…
Нельзя без соловьиного
Прожить на свете пения.

Как хорошо, что соловьи
К нам вечно возвращаются,
И радости поют свои,
И заново рождаются.

Они не покидают свет
В азарте вдохновения:
В зеленых кронах смерти нет,
Есть только дни рождения!

Ромашковое половодье

Луг словно бабочка слетел —
Спустился и затих.
Он от ромашек побелел,
Он снежным стал почти.

Боясь на встречу опоздать,
Спешат цветы ко мне…
Мне это чудо увидать
Случалось лишь во сне.

Шагаю я при свете дня
Средь белых недотрог.
Рекой бурлит вокруг меня
Ромашковый поток.

За горизонт бежит, светясь,
Он, словно жизнь моя.
И о Туфане[1] в этот час
Вдруг вспоминаю я…

[1] Хасан Туфан — татарский поэт.

Проводы лета

Дни теплы еще, как летом, —
Пятый полдень сентября.
Все светлы и разодеты,
Что-то в трубки говорят.

Но листва уже немного
Отливает желтизной,
Стало утро щеки трогать
Дуновеньем, как волной.

Лето просит о прощеньи,
Зябковато на душе,
А в природе нет сомнений —
Та уверена уже.

Облака кружат над нами,
В пляс пускаются ветра,
Листья, что под каблуками,
Шелестят: «Пришла пора!»

Не по нраву расписанье —
Но поправить не дано.
Вслед за осенью настанет
И зима — не все ль равно?

Вновь жаровню солнце прячет,
Роща в хладной тишине.
Это что-нибудь да значит,
Что грустит душа во мне…

Не в первый раз…

Природа лета позднего щедра:
Все в золоте, нарядной желтизне.
И снова эта светлая пора
Прозреньем отзывается во мне.

Оно так быстро распрощалось с нами,
Одним волшебным промелькнуло сном,
И проходя притихшими садами,
Мы словно бы жалеем о былом:

Что насладиться не успели летом,
Что меньше нам и света, и тепла,
Что старости суровыми приметами
Вдруг осень к нам так близко подошла.

Но что ж теперь печалиться об этом,
К чему грустить, не поднимая глаз?

Проходит все, и осень вместо лета —
Не в первый раз и не в последний раз.

Не стоит петь, что сердцу одиноко,
Что рвут его летящие года…
Ведь наша осень вовсе не жестока,
Она добрее лета иногда…

Тоска по соловьям

Всегда не хватает их пения мне,
Особенно если грущу.
Не зря то и дело в моей стороне
Я пташек любимых ищу.

Когда соловей от души запоет —
Как будто с ним вместе пою
О юности песню, что рвется в полет
В родимом полынном краю.

Никак не уйти мне от слез на глазах
От пения пташек моих…
Но ни молодым, ни в серьезных годах
Ни разу не видел я их.

Наверно, затем, что они рождены
Для слуха, а не напоказ.
Наверно, их песни природе важны,
Как нежность и радость для нас.

Всю ночь соловьиный напев мне звучал,
Душа подпевала моя,
И на соловьиный мотив написал
Новую песню я!

Навсегда в моем сердце…

Навсегда в моем сердце, мама,
И в стихах, и в песнях моих
Остаешься ты главною самой
Среди самых мне дорогих.

Эти песни затронули души,
Подхватил их татарский народ,
Полюбил их, и пел, и слушал,
Да и нынче нередко поет.

И порою поет со слезами —
И прекрасные мастера
Все толкуют, что снова о маме
Мне песню придумать пора.

Знаю, знаю, что всем это нужно —
Песнь о верности, вере, любви,
Что годами поблизости кружит,
Бьется где-то в моей крови.

Кружит, бьется — перу не дается.
Я же просто любуюсь тобой.
Пусть тебе лучше песен живется!
Мама, краше ты песни любой!

Грусть

Мне без грусти нету места,
Без нее неполон я.
И в любви она, и в песнях —
Память грустная моя.

Били критики за это,
Изо всех стараясь сил,
Но от вечных дум поэта
Все же я не уходил.

И плетями ни в какую
Не исправить душу мне.
Потому что я тоскую
По родимой стороне.

С каждым днем тоска сильнее,
То дождем, а то волной,
Не слабеет, не жалеет —
Ходит рядышком со мной.

От печалей безыскусных
Затихают соловьи.
У меня от мыслей грустных —
Песни грустные мои.

И души переживанья,
Грусть лесов, озер, полей
Очертили мирозданье
Всей поэзии моей.

Если песня светлой болью
В сердце вовремя вошла —
Значит, родиной, любовью
Жизнь меня не обошла.

Ночные птицы

Им солнце ясное — кошмар,
Для них блаженство — ночь.
Они летят от света фар,
Как от пожара, — прочь.

Ах, как мечтал я встретить их —
Хозяйки тьмы глаза
И голос, в зарослях густых
Звучащий как гроза.

В смятенье приводило дух
В бескрайней темноте
Глухое грозное «у-ух!»
Повсюду и нигде…

Раз только ночью голова
Светлеет у совы,
То я по-своему «сова»,
Поскольку днем — увы! —

Я как во сне: просвета нет
В делах и беготне…
Лишь по ночам приходит свет
Поэзии ко мне.

Строки твоей не завернут…

Писали и тогда у нас,
Даря свой мир сполна, —
Без жалоб вечных, что сейчас
Дурные времена.

Как ни давил поэтов век,
Могли слова найти,
Чтоб строки честные в ответ
До сердца донести.

Поэт иллюзий не питал,
К поблажкам не привык,
А если что — эзопов звал
На выручку язык.

Пиит же, что писать не мог,
Причины находил:
Какой ему в признаньи прок,
Что не хватает сил?

А нынче всем — зеленый свет:
Инструкций нет таких,
Чтоб вдруг поставить под запрет
Обыкновенный стих.

Строки твоей не завернут,
Простят ей все грехи…
Но отчего-то не идут
Хорошие стихи.

Перевод с татарского
Марата ЯМАЛОВА.

А дали скользят без предела…

Сарчин Р. Ш. Лирика Роберта Миннуллина. — Казань: Изд-во «Магариф — Вакыт», 2012. — 192 с.

Татарского поэта Роберта Миннуллина, плодотворно работающего в литературе многие десятилетия, хорошо знают не только в Татарстане, России, но и во многих других странах мира. Еще школьником он опубликовал свои первые стихотворения. Закончив среднюю школу, Роберт два года работал в редакции районной газеты. Наряду с газетными статьями начал активно публиковать поэтические произведения в газетах «Маяк», «Кызыл тан», «Ленинсе». Поступил на филологический факультет Казанского государственного университета. Настоящим большим событием в жизни молодого поэта стало участие в V Всесоюзном фестивале молодых поэтов. Творчество молодого литератора заметили и высоко оценили такие мэтры, как Михаил Львов, Валентин Сорокин.

Но так случилось, что, заметив плодотворную работу Р. Миннуллина в области детской литературы, критики, литературоведы поспешили «окрестить» яркого художника слова, тонкого лирика «детским поэтом». Содействие в этом оказали еще и следующие обстоятельства. Р. Миннуллин долгое время работал корреспондентом, главным редактором газеты для школьников «Яшь ленинчы». Соответственно и как публицист, и как поэт системно, последовательно писал для юного читателя. Конечно же, адресовал юному читателю и свои стихотворения. А в интервью газете «Татарские края» мастер слова в начале 1990-х гг. заявил: «Я, прежде всего, — детский поэт!» Первые книги Роберта Миннуллина на русском языке тоже состояли из произведений, адресованных детям. Причем тиражи их были настолько впечатляющими, что не заметить поэта как мастера, увлеченного, казалось бы, исключительно детской литературой, было нельзя. Тираж сборника «Сладкая крапива» (Казань, 1984) — 150 тысяч (!) экземпляров. Через два года в московской «Детской литературе» выходит с предисловием Сергея Михалкова сборник «Глядит в окошко человек». Тираж — 100 тысяч экземпляров. Да и предисловие кто написал?! Сам Сергей Михалков!.. В 1987-м московский «Малыш» издал 150-тысячным тиражом сборник татарского поэта «Наш тигренок». Согласитесь, аргументы убедительные.

Книга известного татарского литературоведа Рамиля Сарчина «Лирика Роберта Миннуллина» в значительной степени и решает задачу по созданию целостного, наиболее полного творческого портрета народного поэта Татарстана. В разделе «Искания поэта» критик отмечает: «Зрелость поэтической личности определяется, помимо прочего, еще и постановкой и решением проблем творчества, поиском его истоков, попыткой прозрения его смысла и назначения. Еще в ранней лирике Роберт Миннуллин с присущей молодости и «программным» произведениям декларативностью заявил: «Не ждите от меня теорий, // Я обыкновенный лирик. // А лирик по всему настрою, // Он — практик в этом мире» («Я обыкновенный лирик», пер. М. Ямалова). В чем же «практицизм» поэзии «по Миннуллину»? Не в том, чтобы требовать от нее решения сиюминутных задач — будь то социальных, политических, идеологических, иных каких-то… Хотя примеров тому, когда поэзия призывалась решать именно подобные проблемы, в отечественной литературе достаточно. Вспомним, к слову, некоторые стихи Некрасова, Блока, Маяковского, стихотворения поэтов времен Великой Отечественной… Что ни говори, а оспаривать теорию «утилитарной» литературы, которая провозглашает известный лозунг «Книга — учебник

жизни!», нет ни причин, ни смысла. Тем более что такая литература в лучших своих образцах вполне успешно, ничуть не снижая художественной планки, решает стоящие перед ней проблемы…»

Монография Р. Сарчина состоит из следующих разделов: «Вместо вступления», «Истоки», «Птица моей любви», «Искания поэта», «О детях и для детей», «Изучение лирики Роберта Миннуллина в школе», «По мотивам лирики Роберта Миннуллина», как дополнение — два библиографических раздела: «Книги Роберта Миннуллина на русском языке», «О творчестве поэта». Да, уточним, что «По мотивам лирики Роберта Миннуллина» — это подборка переводов, осуществленных Рамилем Сарчиным и представляющим переводческое его прочтение, его лирики Роберта Миннуллина. Как пример — стихотворение «Монолог пули, убившей Лорку»:

Пусть на меня проклятие падет
За мою силу, от которой стонет
Земля, и юный Лорка не споет —
И алой розой вновь не зацветет
Заря на андалузском небосклоне.

Лишь только одинокий луч блеснет,
Как облачной затянет поволокой…
Пусть на меня проклятие падет
За мою немощь —
Я убила Лорку!

Я — черная печаль, я на земле
Свинец свинцом —
О сколько тьмы бездонной!
Но как же так: не выстрелиться мне,
Для смерти, человечеством рожденной?!

Пусть на меня проклятия падут
Убитых!
Сколько нерожденных песен!..
Без них не знают радость и беду,
И страшен мир, и так для сердца тесен!

Я в мире этом быть обречена
Самой собой — и в назначенье горьком
Быть может, скажут, не моя вина?
Но что с того:
Ведь я убила Лорку!

Достойный перевод! Читая его, я думал о самом выборе Робертом Миннуллиным формы разговора о Великом Поэте. Я думал и о Лорке, конечно же, думал обо всех убитых, замученных поэтах. О Пушкине, о Лермонтове… Выстрел — мгновенье. Нажатие на курок — мгновенье. А результат. Читая стихотворение в замечательном переводе Рамиля Сарчина, вспомнил и строки английского романтика Уильяма Блейка: «В одном мгновенье видеть вечность, огромный мир — в зерне песка, в единой горсти — бесконечность, и небо — в чашечке цветка». А главное: в стихотворении о Лорке я по-новому рассмотрел Роберта Миннуллина. Как тонкого лирика, поэта, способного мыслью своей, своими символами и образами охватить все мирозданье в одночасье. Равиль Шавкетович — достойный поэту помощник как переводчик, как провожатый его татарского поэтического мышления в другие, более широкие пространства. Рамиль Сарчин — и сам поэт, автор оригинальных поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал». Перу поэта, переводчика, критика, лите-

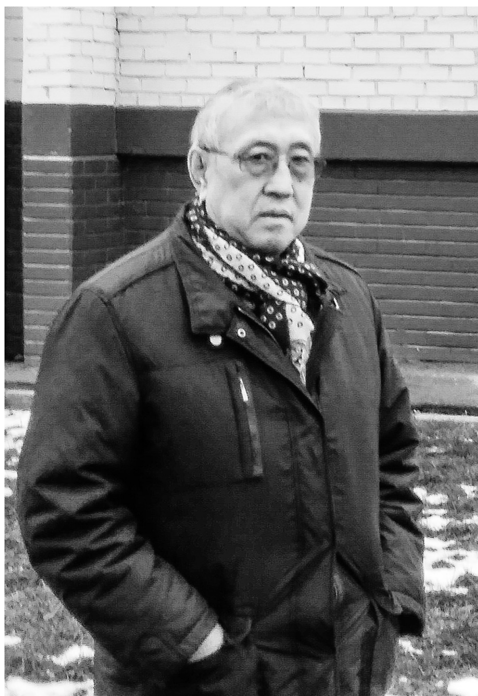
ратуроведа принадлежат монографии «Поэтический мир Н. Н. Благова», «Традиции русской поэзии в лирике Инны Лиснянской», сборник статей «Лики казанской поэзии», циклы статей о русскоязычной поэзии Финляндии и современной татарской лирике.

Убедительная, полная аргументации книга Рамиля Сарчина «Лирика Роберта Миннуллина», вышедшая, к сожалению, тиражом всего в 300 экземпляров, требует, на мой взгляд, переиздания. И не только по той причине, что разрушает стереотипы, связанные с представлениями о Миннуллине как о детском поэте. Проблема заключается еще и в том, что даже на постсоветском пространстве (что уже говорить о Германии, Франции, Англии) нет сегодня масштабного, объективного представления о национальных литературах России. И огромный художественный мир татарского слова, татарской поэзии не является, к сожалению, исключением. Добротная, объективная литературно-художественная критика, издаваемая непосредственно в Татарстане (но замеченная, получившая журнальные, газетные площадки в Москве, в центре!), могла бы существенно повлиять на изменение ситуации. Это не менее важно, чем развитие переводческой работы, постоянное к ней внимание. Заглянув в раздел библиографии «О творчестве поэта», разумно помещенной в книге Рамиля Шавкетовича, я нашел всего только две московские публикации о поэзии Роберта Миннуллина: в «Литературной России» в 1983-м и в «Детской литературе» в 1986 году. Правда, буквально три странички есть еще в изданной «Современником» книге заметок Т. Гамиуллина «Здравствуй, поэзия! Заметки о современной татарской поэзии» — статья «Поколения и судьбы». Все публикации — из 1980-х… Поэт Роберт Миннуллин за прошедшие три десятилетия состоялся не только как политик, он развил свой талант, донес до читателя многие сокровенные мысли, дарованные ему Богом открытия. А о нем, ярком, самобытном, вобравшем в себя множество ярких красок Татарстана, Башкортостана, других сопредельных его миров, так мало, до обидного мало знает читатель России.

Внимательное прочтение монографии «Лирика Роберта Миннуллина» подталкивает и к такого рода размышлениям. Площадок — как научно-исследовательских, так и медийных, — для знакомства, для разговора, детального рассмотрения татарской и других национальных литератур пока что в Москве, да и в других городах России хватает. По-прежнему, как бы ни предрекали журналу погибель, выходит «Дружба народов». Достаточно большой сегодня тираж у «Литературной газеты» (она, стоит заметить: из наиболее последовательных во внимании к национальным литературам изданий. Конечно же, это происходит благодаря позиции ее главного редактора Юрия Полякова). Но есть еще и другие издания… Мне кажется, что важно в этом деле большую инициативу проявлять литературоведам, критикам, связанным своей научной, творческой, педагогической судьбой с академической и вузовской наукой. Несомненно, движение должно быть взаимным: как и из Москвы, Санкт-Петербурга — к регионам, «литературным гнездам России», так — и из Казани, Ижевска, Уфы, Якутска, Сыктывкара, Чебоксар… Не будем думать об этом, не будем заниматься этим — станем гораздо беднее. Сначала — беднее на одного-двух поэтов. Затем — беднее на целую национальную литературу… Или же — беднее на целый ряд национальных литератур.

Микола БЕРЛЕЖ

Нам слово беречь

Испокон веков книги сближают народы, обогащают духовность и культуру. Доктор филологических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, лауреат Премии имени Чокана Валиханова за лучшее научное исследование в области гуманитарных наук Уалихан Калижанов отмечает в этом году славный юбилей — 70-летие со дня рождения. Заслуженный деятель Республики Казахстан, член Правления Союза писателей Казахстана, почетный журналист и лауреат премии Союза журналистов Казахстана в 1971 году окончил филологический факультет Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. Успешно защищены диссертации «Жизнь и творчество поэта Акмоллы» на соискание ученой степени кандидата филологических наук в 1978 году, «Религиозно-просветительское течение казахской литературы конца XIX — начала XX веков» на соискание ученой степени доктора филологических наук в 1999 году.

У. Калижанов — автор свыше 20 книг художественной прозы и публицистики, научных монографий и сборников статей. В их числе «Мәшһүр Жүсіп», «Президент: көзбен көргендер мен көңілге түйгендер», «Жәдитшіл жырлар: Тарихи зерттеулер», «Сыр сандықты ашып, қара», «Көңіл көкжиегі», «Қазақ әдебиетіндегі діни-ағартушылық ағым», «Замана сыны» и др. Увидели свет книги «Ойкөз», в которую включены научные статьи, публицистика и эссе, «Жамбыл» (о творчестве великого акына Жамбыла Жабаева), «В потоке времени», «Ұлт рухы», «Замана сөзі» и др. В 2008 году в переводе У. Калижанова на казахском языке издан роман Георгия Гулия «Сказание об Омар Хайяме».

Трудовая деятельность Уалихана Калижанова началась в Алматинской областной газете «Жетісу», где молодой журналист в 1971—1978 годах работал собственным корреспондентом и старшим корреспондентом. Заочно окончил аспирантуру Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. В 1978—1979 годах — инструктор Отдела пропаганды и культурно-массовой работы ЦК ЛКСМ Казахстана. В 1979—1980 годы — заведующий сектором печати Отдела пропаганды ЦК ЛКСМ Казахстана. В 1980—1986 годы — редактор газеты «Ұлан» («Қазақстан пионері») ЦК ЛКСМ Казахстана. В 1986—1994-м — глав-

ный редактор республиканской общественно-политической газеты «Лениншіл жас» (ныне «Жас алаш»).

Депутат Верховного Совета Республики Казахстан 13-го созыва (1994), заместитель председателя Комитета по культуре, печати, средствам массовой информации и общественным объединениям; заместитель министра печати и массовой информации Республики Казахстан (1995), Уалихан Калижанов востребован на всех занимаемых им должностях. С декабря 1995 года — заместитель заведующего отделом внутренней политики Администрации Президента Республики Казахстан. Главный редактор республиканской газеты «Егемен Қазақстан» (1996—1998); заместитель директора Департамента по развитию языков Министерства информации и общественного согласия Республики Казахстан (1998). С апреля 1999 года — руководитель пресс-службы, пресс-секретарь Сената Парламента Республики Казахстан. С октября 1999 года — депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан 2-го созыва, заместитель руководителя депутатской группы «Ақиқат», председатель депутатской комиссии по делам миграции и связям с соотечественниками.

Будучи депутатом Мажилиса Парламента Республики Казахстан 3-го (2004) и 4-го (2007—2012) созывов, Уалихан Калижанов являлся членом Комитета по международным делам, обороне и безопасности. Как говорит его коллега, председатель Белорусского культурного центра Леонид Питаленко: «Мы работали, защищая и исходя от народных интересов». Каждый принимаемый Закон Республики Казахстан учитывает интересы народа. У. Калижанов вносит большой личный вклад в развитие новой национальной прессы и формирование журналистского корпуса, в подготовку молодых литературоведов, фольклористов, текстологов.

Известный политический и общественный деятель Уалихан Калижанов, возглавив в 2012 году Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, особое внимание уделяет популяризации казахской литературы и искусства в мире. Умея предвидеть и обозначить ведущие мировые тренды развития литературоведения и искусствознания, разрабатывает глобальные проблемы, характеризующиеся несомненной актуальностью.

Более чем четвертьвековой путь Независимости Республики Казахстан качественно изменил структуру литературного процесса, открыв новые горизонты и создав наиболее благоприятные условия для его развития, выявления роли и значения литературы в формировании национального самосознания и культурного кода. Культурный код народа академик НАН РК У. Калижанов определяет как «закодированную информацию, позволяющую идентифицировать культуру и литературу. В мировой истории в соответствии с эпохой, политикой государства и уровнем культуры роль социокультурных кодов трансформируется, но сохраняются их самобытность и национальные черты. Культурный код нации выступает ключом к пониманию данного типа культуры, так как вбирает в себя культурные особенности, передающиеся от предков».

С письма-обращения в 2012 году бывшего в то время Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан в Соединенных Штатах Америки Ерлана Идрисова оказать содействие в составлении и подготовке к печати первой антологии казахской литературы на английском языке началось сотрудничество с американскими коллегами. И вот уже широко применяются в учебном процессе в ведущих вузах Америки антологии казахской прозы и поэзии The Stories of the Great Stepp. First Edition (2013) и Summer Evening, Prairie Night, Land of Golden Wheat. The Outside World in Kazakh Literature. First Edition (2016). По мнению американских ученых, «Рассказы Великой степи» позволяют совершить «интеллектуальное и

литературное путешествие в Казахстан» (Роберт Д. Гутман, Johns Hopkins University) и открывают англоязычному читателю «новый мир литературы Центральной Азии — разнообразие культуры и полиязычие Казахстана» (Пол Майкл Тейлор, Smithsonian Institution).

Антология «Летний вечер, ночь в прерии, земля золотой пшеницы: окружающий мир в казахской литературе», изданная по проекту «Казахско-американское литературное сотрудничество новейшей эпохи» и включающая литературные тексты XIX—XX веков, позволяет представить творчество казахских поэтов и прозаиков в историко-литературной перспективе и проследить, как развивалась, обогащалась и выходила на новый уровень осмысления экологическая тематика, эволюционировало изучение проблемы «человек и природа». Очень важно, что М. О. Ауэзов, по мнению У. Калижанова, отходит от традиции Дж. Лондона в изображении отношения человека к природе и близок к У. Фолкнеру по чувствительности и выразительности стиля. М. О. Ауэзов совершенствует творчество, достигая вершин устойчивого повествования в создании эпической новеллы на казахском языке.

В 2017 году новая антология «Человек и природа» вышла в свет на казахском, английском и русском языках.

Современные казахско-американские литературные связи охватывают широкий спектр и имеют свою историю, что позволяет выявить механизм наследования и смены традиций, накопления художественных ценностей, роль новых художественных переводов в обогащении литератур. В центре изучения отечественных и американских литературоведов, авторов разделов впервые изданной Институтом монографии «Казахско-американские литературные связи: современное состояние и перспективы» — новейший период казахско-американского литературного сотрудничества, изучение новых явлений, мировых трендов и инноваций в системе современных литературных и культурных контактов, когда перемена места жительства поэта или писателя обостряет имагологический дискурс творчества, а культурный трансфер обеспечивает объективность осуществляемых литературоведческих исследований.

И глубоко символично, что наша книга «Беларусь в творчестве и судьбе: литературный диалог в пространстве и времени» завершается главой «Культурная сверхпамять как контекст казахско-белорусского и казахско-американского литературного сотрудничества», ведь культурная сверхпамять находит свое отражение в белорусской, казахской и американской литературах, принадлежащих мультикультурному пространству глобализации, как форма наследования большого смыслового контекста.

Cozvuchie.zviazda.by — единственный на постсоветском пространстве проект, направленный на сближение литературных и культурных отношений стран СНГ. На портале успешно функционируют разделы «Проза», «Поэзия», «Литературная критика», «Интервью», «Новости» и другие, а в части наполнения его казахстанским материалом установились хорошие связи с Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова.

Казахстан, казахская литература занимают в Интернет-портале «Созвучие: литература и публицистика стран Содружества» лидирующие позиции. И это обосновано. На самом сайте кроме страницы «Литературный Казахстан» работают страницы «Абай шагает по планете», «Мир Мухтара Ауэзова», «Немат Келимбетов». Наряду с белорусским модерированием казахского, казахстанского контента в «Созвучии» активно соучаствуют литературоведы, писатели Казахстана — Уалихан Калижанов, Мурат Ауэзов, Сеит Каскабасов, Валерий Михайлов, Бейбут Мамраев, Любовь Шашкова, Сара Кузембаева, Шомишбай Сариев, Нурдаулет Акыш, Гульзия Прали, Светла-

на Ананьева, Кайрат Бакбергенов, Райхан Маженкызы, Амантай Ахетов, Серик Тахан, Диар Кунаев, Серикказы Корабай, Кадиша Нургали, Римма Артемьева, Гулжахан Орда, Альмира Калиева, Алимжан Хамраев, Диляра Шарипова, Айнур Машакова, Гульмира Мусагулова, Айнур Калиаскарова, Зульфия Касимова и многие другие. Это — достаточно авторитетный авторский актив. Они и сами много работают над созданием общего портрета казахской национальной культуры и литературы, и видят ту многообразную картину развития литературного и искусствоведческого процессов в Казахстане, всегда готовы подсказать, кто мог бы выступить на «Созвучии» с раскрытием той или другой темы. Такое общение позволяет быть в курсе всех процессов, происходящих в гуманитарном пространстве Казахстана, а также обладать информацией о том, что составляет основу развития национальной литературы.

Сотрудничество с казахстанскими коллегами помогло правильно расставить ориентиры в современном прочтении классической литературы. Особенно это заметно по наполнению страниц, посвященных Абаю Кунанбаеву и Мухтару Ауэзову.

В Минске открыт барельеф М. О. Ауэзову, улица и средняя школа № 143 белорусской столицы носят его имя. Библиотекари, учителя литературы проводят большую воспитательную работу, знакомя подрастающее поколение с казахской литературой и культурой, старшеклассники пишут сочинения по произведениям М. О. Ауэзова. Победители конкурса «Что я знаю о Казахстане?» по приглашению ректора Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова доктора филологических наук, профессора Бейбута Мамраева, ныне депутата Мажилиса Парламента Республики Казахстан, посетили родину Абая Кунанбаева и Мухтара Ауэзова, побывали в Семипалатинске и Усть-Каменогорске.

В Минске успешно прошли конференции, посвященные Абаю Кунанбаеву и Сакену Сейфуллину, презентации книг Немата Келимбетова, поэтические вечера Олжаса Сулейменова и другие мероприятия. Большой интерес вызвала встреча, организованная «Фондом М. О. Ауэзова», с переводчиком на русский язык романа-эпопеи «Путь Абая» М. О. Ауэзова известным русским прозаиком Анатолием Кимом с участием Мурата Ауэзова и Любови Шашковой.

Казахстанско-белорусские форумы творческой интеллигенции «Культурное наследие в диалоге традиций» (Минск, 2009), «Казахстан — Беларусь: опыт гуманитарного сотрудничества и сохранения межнациональной стабильности» (Минск, 2010), «Мировые религии и общечеловеческие ценности» (Минск, 2011), проводимые по инициативе Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь, активизировали интерес к казахской культуре и литературе, культурные и литературные связи между нашими странами. В 2011 году в белорусском издательстве «Літаратура і Мастацтва» при финансовой поддержке Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь увидел свет поэтический сборник «Абай. Стэпавы прастор. Выбраныя вершы», открывающийся портретом казахского поэта-мыслителя на фоне степных просторов в обрамлении элементов казахского национального орнамента. Автор перевода стихотворений Абая на белорусский язык — лауреат Государственной премии Республики Беларусь поэт Микола Метлицкий. Презентация книги успешно прошла в Минске, Бресте, Гомеле. Абай, зазвучав по-белорусски, идет в широкий белорусский мир, в европейский простор.

Знаковыми событиями в современных казахско-белорусских литературных связях стали издания альманахов «Не ведая границ. Казахстан — Беларусь» (Минск, 2013) и «Созвучие» (Минск, 2014), тепло встреченных читательской аудиторией.

2 декабря 2017 года среднюю школу имени М. О. Ауэзова в Минске посетили Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Республике Беларусь Ермухамет Ертысбаев; министр информации Республики Беларусь Александр Карлюкевич; директор Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Уалихан Калижанов; глава администрации Заводского района г. Минска Александр Дорохович; первый заместитель директора Издательского дома «Звязда», главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нёман» Алексей Черота; автор и руководитель проекта Мемориал «Колокол Нагасаки» Юрий Попов; заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Светлана Ананьева; сотрудник Министерства информации Республики Беларусь Виктория Лукашюте; представители дипломатического корпуса Республики Казахстан в Республике Беларусь.

Директор средней школы Дмитрий Бочаров познакомил с историей школы, в которой ежегодно проходит общешкольный конкурс по истории и традициям Республики Казахстан, ученики читают произведения казахстанских писателей и сочиняют стихи, рисуют на сюжеты казахских сказок, делают своими руками поделки известных на весь мир достопримечательностей Казахстана.

Директор Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова У. Калижанов презентовал десятый номер журнала «Нёман» за 2017 год, в котором представлен раздел «Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан». Такая практика довольно редкая. Чаще выходят номера, включающие оригинальные художественные произведения. Первый подобный номер «Нёмана» вышел в 2016 году. В десятом номере «Нёмана» за 2017 год опубликованы статьи Диара Кунаева, Гулжахан Орды, Серикказы Корабая, Кадиши Нургали, Серика Тахана, Альмиры Калиевой, Алимжана Хамраева, Светланы Ананьевой, Айнур Машаковой, Айнур Калиаскаровой и др. Вероятно, такая практика не должна остаться незамеченной для «Созвучия…» прежде всего.

Уалихан Калижанович, выступая в школе имени М. О. Ауэзова, размышлял, обращаясь к ученикам и педагогическому коллективу: «Каким человеком был Мухтар Ауэзов? Как он достиг народного признания и любви, каковы пути формирования его передового мировоззрения? Абай поднял Мухтара на высокий пик литературы, а М. Ауэзов познакомил с Абаем весь мир». Раскрытию творчества М. О. Ауэзова и посвящена статья У. Калижанова в белорусском журнале «Нёман» — «Путь к Ауэзову», предваряет которую эпиграф: «Если Абай олицетворение Духа нации, то раскрыл его миру незабвенный Мухтар!»

Примером для Уалихана Калижанова служат его Учителя — доктор филологических наук, профессор Бейсенбай Кенжебаев и научный руководитель докторской диссертации — академик НАН РК Рымгали Нургали, которого уважали и ценили за редкие качества — «смелость суждений, умение говорить правду и отстаивать собственные позиции».

В завершение литературного вечера по произведениям М. О. Ауэзова и современных казахстанских писателей «Беларусь — Казахстан: шаги дружбы» были подведены итоги общешкольного конкурса «Что я знаю о Казахстане?». Юные дарования декламировали стихотворения не только известных поэтов Беларуси и Казахстана, но и собственного сочинения, осуществили постановку казахской народной сказки «Алдар-Косе». Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Республике Беларусь Ермухамет Ертысбаев вручил ценные призы, подарки и сувени-

ры от Посольства Республики Казахстан в Беларуси школьникам младшего, среднего и старшего звена — победителям конкурса в номинациях «Литературный калейдоскоп», «Своими руками», «Юный художник» и «Презентация», для которых Казахстан становится все более близким и узнаваемым.

У. Калижанов передал в дар школе коллективную монографию «Мировой литературный процесс XXI века», которая открывается разделом «Литература Беларуси» (авторы — С. Ананьева и А. Карлюкевич), альбом и буклет «Мемориальный Дом-музей М. О. Ауэзова», научные сборники «Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции», «Мир Олжаса Сулейменова» и пригласил учеников к участию в конкурсе сочинений «Мой Ауэзов», итоги которого подводятся каждый год в день рождения писателя — 28 сентября на «Ауэзовских чтениях» в Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Новые научные издания Института переданы и в библиотеку Центра казахского языка, истории и культуры имени Абая Белорусского национального технического университета. Постоянно казахстанскими научными изданиями пополняются фонды Национальной библиотеки Республики Беларусь и Института литературоведения имени Я. Коласа НАН Беларуси.

Наше научное сотрудничество развивается по нарастающей. Это и участие белорусских издателей, писателей в книжной выставке «По Великому Шелковому пути», в Международных научных симпозиумах, проводимых Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова; публикации прозы, поэзии, научных статей белорусских авторов в журналах «Простор», «Керуен» и в альманахе «Литературная Алма-Ата». Это и доклады казахстанских литературоведов, писателей, издателей на Международных «круглых столах» в рамках Дня белорусской письменности — «Созвучие. Язык и литература в контексте историко-культурного наследия» (Быхов, 2013), «Созвучие: литература как зеркало эпохи» (Минск — Заславль, 2014), «Созвучие: литературный процесс и информационное общество» (Щучин, 2015), «Созвучие: слово Скорины в современном мире» (Рогачев, 2016), «Дипломатия слова» (Полоцк, 2017). В рамках XII республиканского фестиваля национальных культур в Гродно 1 июня 2018 года в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы состоялся семинар «Художественный текст в оригинале и переводе» и Международный «круглый стол» в Гродненской областной научной библиотеке им. Е. Ф. Карского «Диалог литератур — диалог культур».

Художественная литература выступает важнейшим фактором гуманитарного сотрудничества. На уникальном Международном симпозиуме литераторов «Писатель и время», проводимом Министерством информации Республики Беларусь в рамках Международной книжной выставки-ярмарки с 2015 года, и на состоявшемся в августе 2013 года XV Международном съезде славистов речь шла о художественной литературе как пути друг к другу, о литературе в культурном пространстве мира, общности наших духовных поисков в современном литературном творчестве и о том, что изучение национальных литератур неотделимо от проблем художественного перевода. И как итог активного научного сотрудничества — заключение договоров между Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан и РИУ «Издательский дом «Звязда», Государственным литературно-мемориальным музеем Якуба Коласа в Минске.

«Наследие величайшего просветителя Франциска Скорины стало для его родного белорусского народа не только источником образования, духов-

ности, но и источником вдохновения и взлета литературы и искусства для последующих поколений, свято берегущих его наследие и заветы», — так завершил свой научный доклад «Любовь к книге» на Пленарном заседании Международной научной конференции «Франциск Скорина и его время. 500-летие белорусского и восточнославянского книгопечатания» 30 ноября 2017 года в Минске У. Калижанов. Личный вклад известного ученого в дело укрепления литературного и научного сотрудничества наших стран отмечен «Падзякай» («Благодарностью») Министра информации Республики Беларусь А. Н. Карлюкевича и нагрудным знаком Союза писателей Республики Беларусь «За вялікі ўклад у літаратуру».

Научные труды академика НАН РК У. Калижанова знакомят читателей с достижениями современной литературоведческой мысли Казахстана, с немеркнущим творчеством казахских классиков. Представлена и проза писателя-литературоведа, который удачно соединяет пытливое перо исследователя и страстность публициста. Рассказ У. Калижанова «Люлька» переведен на русский язык и опубликован на страницах антологии современной литературы «Независимый Казахстан. Моих степей полынная звезда» (Москва: издательство «Художественная литература», 2013, том второй). Рассказы У. Калижанова «Колиска» и «Довговухий» в переводе на украинский язык писателем, членом Международной литературно-художественной Академии Украины Олегом Гончаренко размещены на популярных украинских порталах и в интернет-журнале «Порт-Фолио» (Канада). Познакомятся с рассказами «Люлька» и «Долгоухий» читатели альманаха «Литературная Америка». Они — о сохранении национальных традиций, о вечных духовных ценностях, неподвластных времени, чему и посвящены лучшие произведения прозаиков и поэтов наших стран.

Александр КАРЛЮКЕВИЧ,
Светлана АНАНЬЕВА

Уалихан КАЛИЖАНОВ: «Классики как светоч национальных литератур…»

У белорусской и казахской литератур сегодня — своеобразный подъем в развитии дружественных связей, расширений представлений о жизни национальных художественных пространств. И во многом этому способствует деятельность когорты ученых-литературоведов. Их сплотил вокруг себя Институт литературы и искусства имени Мухтара Ауэзова, которым руководит известный ученый Уалихан Калижанов. С ним — наш разговор о белорусско-казахском творческом содружестве, о литературе в целом.

— Уалихан Калижанович, как бы вы оценили нынешнее состояние белорусско-казахских литературных связей?

— Духовная, культурная жизнь наших народов имеет давние связи, особенно в сфере литературы. Истоки этой близости и заинтересованности в обмене национальными ценностями лежат глубоко.

Если говорить о корнях казахско-белорусских литературных связей, то они уходят в XIX век, когда в Казахстане побывали уроженцы белорусской земли З. Сераковский, Б. Залесский, А. Янушкевич и другие. Бронислав Залесский, друг Тараса Шевченко по казахстанской ссылке, вернувшись на родину, создает в 1869 году большой живописный альбом «Жизнь казахских степей». Жамбылу Жабаеву посвящали свои произведения Янка Купала и Якуб Колас. В 1939 году на белорусском языке вышла книга Жамбыла «Песни и поэмы».

А в Казахстане издавались произведения Якуба Коласа, Максима Танка, Ивана Шамякина, Петруся Бровки, Тараса Хадкевича, Василя Хомченко, Алеся Адамовича, Василя Быкова, Максима Богдановича, Алеся Якимовича, Миколы Чернявского, Ивана Чигринова, Евгении Янищиц.

Эта традиция с новой силой продолжилась в годы обретения независимости наших государств. Я уже не раз высказывал благодарность своим коллегам с белорусского сайта «Созвучие», в котором регулярно появляются статьи и произведения писателей и поэтов Казахстана, продолжая тесное сотрудничество наших братских народов в области литературы. Тесные связи налажены у нас с Издательском домом «Звязда» и литературно-художественным журналом «Нёман».

— Что, на ваш взгляд, необходимо сделать, чтобы расширить внимание читателей: в Беларуси — к казахской литературе, в Казахстане — к белорусской?

— Книги всегда сближали народы, и чем больше мы издаем у себя произведений писателей других народов, тем шире проявляется к ним интерес читателей. Я уже говорил о том, что казахстанским читателям доступны произведения многих белорусских классиков и современных писателей. Соответственно, хотелось бы, чтобы и в Беларуси знали и читали лучшие произведения казахских писателей и поэтов. А путь здесь один — больше уделять внимания литераторам наших стран в периодике, сделать доступными их произведения широкому кругу читателей.

— Имена классиков всегда освещали наиболее важные представления о национальных литературах... Стоит ли сегодня возвращаться к переводу классических произведений?

— Лично я считаю это первейшей задачей. Ведь именно произведения признанных классиков отражают уровень культурной жизни народа, открывают его душу и сознание, обычаи и традиции, тем самым сближают наши народы.

Не представляю интерес читателей к казахской литературе без поэзии Абая и Жамбыла, книг Мухтара Ауэзова, Абдижамиля Нурпеисова, Олжаса Сулейменова. Также интерес к белорусской литературе пробуждают именно переведенные на казахский язык книги классиков белорусской литературы.

— «Нёман», о котором мы уже сегодня вспомнили, уже два года подряд осуществляет «казахские выпуски» литературоведческих, историко-литературных работ ученых из Алматы, ваших коллег из других городов. Продолжится ли подобная практика?

— По примеру белорусских коллег мы публикуем в своем журнале «Керуен» статьи белорусских литераторов. Кстати, благодаря белорусским публикациям в «Керуене» мы открыли имена многих доселе неизвестных нам писателей. На страницах журнала — и о связях Беларуси, белорусской литературы с другими странами, другими национальными литературами.

А в монографиях ученых нашего института часто дается анализ современного состояния белорусской литературы.

— Чего все-таки не хватает современному литературоведению?

— Вопрос очень серьезный. Я бы хотел начать ответ на него со слов, высказанных в одном из интервью Президентом Беларуси Александром Григорьевичем Лукашенко: «Многие писатели после распада Советского Союза попали в националистическую волну. Не в хорошем смысле слова национально-патриотическую: страна, суверенитет, независимость... А такую: русские — это звери, всех на чемоданы и за границу их выселить. На запад были повернуты. В советские времена ордена и медали получали, тогда писали одно, а потом стали не то что писать, писать они давно перестали, а занялись политикой. И чего только не наворотили».

Поэтому нашим литературоведам нужно давать глубокую оценку состоянию современной литературы и наряду с ее достижениями отслеживать негативные стороны, настраивать пишущую братию на позитивное отражение жизни как наших народов, так и всего человечества. Тогда мы не потеряем сложившиеся связи, сохраним добрые традиции духовного и культурного родства.

— Не кажется ли вам, что отсутствие сегодня серьезной литературно-художественной критики принижает роль, место художественного слова в общественном, социальном развитии стран и народов?

— Собственно я уже высказался выше на эту тему, но добавлю, что на долю национальных литератур сегодня выпала важная задача сохранить идентичность своих народов в глобальном мире, где порой теряются нравственные ценности. Я не говорю о том, чтобы вернуться к штампам советской идеологии, ставившей задачей раскрыть свет коммунизма. Сегодня превалируют другие ценности, соответственно, стоит задача открывать новых героев современности.

— Какие книги белорусских авторов лично вам запомнились?

— В начале девяностых годов я прочитал в журнале «Новый мир» повесть Василя Быкова «Облава», которая тронула меня трагической судьбой героя, жертвы сталинских репрессий. Простой деревенский житель Федор Ровба по доносу был признан неблагонадежным, подвергся раскулачиванию и был сослан с семьей на север. Работал на лесозаготовках, не имея возможности хоть как-то уберечь от бед и болезней жену и дочь. Жену схоронил в мерзлой северной земле, а затем и дочку не сумел спасти от беды и недобрых людей.

Оставшись один, Федор задумал бежать и снова оказался в родных краях. Голодный, измученный, бродил он вокруг родной деревни. Попался на глаза односельчанам, и те поднялись против него, устроили облаву, как на дикого зверя. Его окружили со всех сторон, оставив ему один путь — в болотные топи. Но болотная глушь казалась не такой страшной, как преследовавшие его люди. Федор для них уже не человек, эти люди уже не живут по человеческим законам. У них своя правда, свои лозунги, свои законы. Новое время разрушило сложившиеся годами жизненные устои. Повесть трогает сердечной болью за судьбу своего народа, понесшего огромные жертвы во имя ложных идеалов.

— Сравнительно недавно белорусский писатель Светлана Алексиевич была отмечена Нобелевской премией. Сравнения всегда носят условный характер. И все-таки — кого из своих казахских современников вы бы представили лауреатом Нобелевской премии?

— Светлана Алексиевич в своей книге «У войны не женское лицо» воскрешает трагические для народа годы войны и сумела по пронизанным болью воспоминаниям очевидцев тех страшных лет проникнуться этой болью и донести ее до читателя.

Мы, казахстанцы, внесли немалую лепту в Великую Победу над фашизмом, и многие наши писатели-фронтовики оставили след в литературе, поведав о стойкости советских людей. Это и писатель-партизан Касым Кайсенов, и легендарный защитник Москвы Бауржан Момышулы, и командир одного из первых партизанских отрядов в Беларуси Ади Шарипов, которого прозвали Сашка-казах.

Позднее он стал известным ученым и писателем, был министром иностранных дел, заместителем председателя Совета министров Казахской ССР, первым секретарем Союза писателей Казахстана, а на протяжении восьми лет возглавлял наш Институт литературы и искусства имени Мухтара Ауэзова.

Что же касается современных казахских писателей, достойных, на мой взгляд, Нобелевской премии, то я бы назвал народного писателя Абдижамила Нурпеисова, чьи произведения вобрали яркость самобытных национальных характеров. Его ставший хрестоматийным роман «Кровь и пот» получил заслуженное признание во многих странах и континентах. Нурпеисов мог бы жить и быть почитаемым в народе только за одну эту книгу, но он взялся за новое осмысление трагедии Арала. А за этой трагедией — и судьба народа. Его поистине высокий гражданский роман «Долг», который заряжает читателей болью и состраданием не только к судьбе гибнущего моря, но и к судьбе самого народа, — несомненно, великое произведение. Поэтому я бы назвал нурпеисовскую любовь к народу высшим критерием оценки творческой личности. Только за это он мог бы быть достойным лауреатом Нобелевской премии. Кстати, наш Институт в прошлом году и выдвинул Абдижамиля Нурпеисова на соискание Нобелевской премии в области литературы.

Беседовал Кирилл ЛАДУТЬКО.

Движущая сила правды

«*Эра независимости — это смелое восхождение нации опасными горными тропами, нависшими над пропастью, к высотам, которые прежде казались недосягаемыми. Мы покорили их*», — пишет в новой книге «Эра независимости» Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев.

Именно эти строки являются глубинным отражением правды на пути воплощения наших надежд и стремлений в подъеме и развитии нацеленной на вечность Республики Казахстан. Движущей силой этих шагов стали инициативы и дальновидные стратегические проекты нашего Президента. Нурсултан Назарбаев все эти годы подпитывал нас и заряжал энергией, настраивал на верное служение народу и создание не только надежной материальной и экономической базы государства, но и на духовное и культурное обогащение нации, формирование нового качества человеческого капитала.

Книга раскрывает главные результаты и достижения пройденного созидательного пути. Из первых уст мы узнаем, какой ценой и каким трудом давались первые шаги независимости. Авторский эмоциональный взгляд на пережитые события, их значение для будущего страны заставляют вновь окунуться в прошлое, чтобы в полной мере понять и оценить самые важные, судьбоносные шаги и вехи строительства государства, преодоления преград и достойного вхождения в число развитых стран мира.

И все это — результат глубокой оценки наших возможностей, правильного выбора стратегических задач.

«Эра независимости» — своего рода энциклопедия нашего суверенитета, отражающая этапы становления и развития государства. Читая откровения Президента Республики Казахстан, видишь, как преодолевались крутые подъемы истории.

«*История возложила на наш народ величественную миссию — строить новую страну. На самом деле, положа руку на сердце, выбор, стоявший перед нами, был невелик — или созидание, или горькое поражение, означавшее историческое забвение, горе и страдания миллионов людей. Всего этого наша Родина сумела избежать благодаря тому, что в 1991 году мы вместе и каждый из нас по отдельности сделали выбор в пользу мира, дружбы и благополучия в нашем общем родном доме*».

Новая книга, возвращая читателя в непростые годы становления ныне сильного суверенного государства, стала ярким отражением того пути, который мы прошли за 26 лет независимости. Это время наполнено судьбоносными событиями. Создание казахской государственности на осколках распавшейся империи — СССР. Впервые в национальной истории обретены четкие международно признанные границы, благодаря чему снята угроза любых территориальных споров в будущем.

Подкупает душевная простота и искренность, с которой автор рассказывает о нелегком пути становления независимого государства, во главе которого ему суждено было быть с самого начала. Это историческая миссия.

Захватывает динамика повествования о поистине исторических событиях и принимаемых Главой государства судьбоносных решениях. Перед читателями разворачиваются картины пройденного пути, грандиозных преобразований.

Достижение единства и межнационального согласия позволило не допустить хаос и противостояние, начать строительство единой нации — народа Казахстана. Главное: гигантский экономический скачок в развитии, создание сильной современно-оснащенной армии. Казахстан становится космической державой и имеет собственную космическую программу.

В результате последовательной миролюбивой политики Президента Н. Назарбаева вырос международный авторитет государства. Впервые в истории постсоветских государств Казахстан возглавил Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Проведен Саммит глав государств ОБСЕ в Астане. Наша страна дважды председательствовала в Шанхайской организации сотрудничества, одной из самых влиятельных новых международных структур, у истоков создания которой стоял Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Ценность книги и в том, что будущие поколения смогут узнать историческую правду, понять суть происходивших событий и продолжать нести в своих сердцах рожденные на волне обретения независимости идеалы.

По мере ее чтения не покидает ощущение незримого участия в происходивших событиях, непосредственными свидетелями которых мы все и являемся. Взять хотя бы рождение новой столицы Казахстана. Нурсултан Назарбаев пишет о том, что с первых дней независимости думал о новой, современной столице молодого государства. И проект появился не случайно. Глава государства понимал, что перенос столицы позволит решить целый ряд актуальных задач.

Я был депутатом Верхового совета XIII созыва и помню страстное выступление Н. Назарбаева в Парламенте. Он сумел убедить депутатов в необходимости переноса столицы, хотя, честно говоря, противников и неверующих было немало. И сегодня мы гордимся результатом этого

колоссального проекта. Новая столица стала символом Независимого Казахстана.

Как ученого меня привлекли главы книги, посвященные духовному обновлению и будущему науки. Говоря о политике в области культуры, Нурсултан Назарбаев обращает серьезное внимание на многообразие культуры и искусства этносов Казахстана, видя в этом при интегрирующей роли казахской культуры наше преимущество и потенциал дальнейшего развития. К сожалению, как отмечает в книге Н. Назарбаев: *«Богатейшая казахская культурная традиция во всей ее исторической глубине все еще остается тайной за семью печатями для представителей других этнических групп Казахстана. Неужели богатейшая мелодика Курмангазы, блестящая лирика Магжана, эпическая проза Мухтара, поразительные открытия Чокана, философские откровения Абая не обогатят внутренний мир каждого, кто прикоснется к этим духовным богатствам?! Отказываться от такого богатства*, — заключает автор, — *значит не понимать самой природы культурного процесса».*

Мне приятно отметить, что наш Институт принимает самое непосредственное и активное участие в возрождении исторической памяти и духовного сознания народа. Путеводной звездой в этом служат мудрые и прозорливые наставления Лидера нации, только благодаря неустанной заботе которого о сохранении национального наследия казахов и дальнейшем развитии языка, культуры и традиций и по его инициативе была разработана программа «Культурное наследие». В рамках программы нашим Институтом изданы сто томов фольклорного наследия «Бабалар сөзі» («Слова предков»). Это уникальное событие, обогатившее духовность независимого Казахстана.

Нурсултан Назарбаев уделяет в новой книге особое внимание формированию исторического сознания народа, глубокому изучению национальной истории и культуры. В этом ключе в завершающие годы XX века проводились государственные мероприятия, посвященные памятным вехам национальной истории. 1997 год был объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий, 1998-й — Годом единства и национальной истории, 1999-й — Годом единства и преемственности поколений.

Большой общественный резонанс в научном мире имели проведенные нашим Институтом Международные научные конференции, посвященные 175-летию со дня рождения Ибрая Алтынсарина, 170-летию Жамбыла Жабаева, 150-летию Алихана Букейханова. В прошлом году мы провели Международный симпозиум «М. О. Ауэзов и духовное возрождение нации», посвященный 120-летию со дня рождения классика мировой литературы.

Нурсултан Назарбаев постоянно в поиске, всегда является генератором новых идей, исходя из лучших мировых достижений и с позиций национального менталитета. В связи с этим вспоминается один из его важных разговоров с господином Ли Куан Ю. Он вывел Сингапур в число стран с развитой экономикой, что явилось примером в проведении реформ. В период своей журналистской деятельности я стал свидетелем интересного диалога, пример из которого хочу привести в своей статье.

«Н. А. Назарбаев: Как Вы думаете, какую роль в будущем сыграет в этом регионе Китай?

Ли Куан Ю: Через 30 лет Китай станет государством, недосягаемым для других. Сейчас 120—130 миллионов китайцев выполняют черную работу на Восточном побережье. Однако они засыпают Китай долларами. Посчитайте китайцев в других регионах. Конечно, Китаю сейчас нелегко. США не хотят вести с Китаем торговлю. Они предпочитают работать

с японцами. Тем не менее, для товаров нужен рынок сбыта. А где он: в многочисленном Китае. У Китая достаточно внутренних резервов. Нельзя забывать о том, что все находящиеся за пределами страны китайцы работают на экономику Китая. Например, М. Горбачев так и не понял, что у бизнеса есть свои законы. Если бы он привлек в свою экономику свыше 20 миллионов соотечественников, проживающих за рубежом, то давно бы страна вышла из кризиса.

Н. А. Назарбаев: А Вы вдвоем с Ватанавой не писали письмо Президенту США, чтобы они не покидали этот регион?

Ли Куан Ю: Да, мы писали такое письмо. Иначе от Китая можно ожидать неожиданных действий.

Н. А. Назарбаев: Каких?

Ли Куан Ю: Нам нужны и сильные США, и сильный Китай.

Н. А. Назарбаев: Похоже, США считают, что Сингапур обязан им своими достижениями и должен отплатить. Что Вы скажете на это?

Ли Куан Ю: Мы не смогли бы быстро достичь таких высот без помощи и инвестиций Соединенных Штатов Америки. Американские корпорации вложили крупные средства. Япония не делилась с нами высокими технологиями, поэтому мы направили свою молодежь на учебу в США, готовили необходимые кадры, наш народ полностью овладел английским языком. Прогресс — это овладение технологиями. Поэтому нет необходимости избегать США, а наоборот, нужно интегрироваться».

Этот разговор был записан около двадцати лет назад. Какие выводы сделаны — видно на примере сегодняшней политики Казахстана. Нам нужны не только сильные США, сильный Китай, но и сильная Россия. Поэтому Н. А. Назарбаев добился стратегического партнерства с тремя мировыми державами, заключил официальные договоры, ратифицированные парламентами этих стран, что открыло дорогу притоку инвестиций в Казахстан.

Обращение к истории становления Независимого Казахстана, документальные свидетельства первого лица государства воссоздают яркие этапы пройденного пути, будь то создание Ассамблеи народов Казахстана, выпуск национальной валюты, проведение в Астане Первого съезда мировых и традиционных религий или образование по инициативе Главы нашего государства Евразийского экономического союза. Велика роль Главы Казахстана и в укреплении дружеских отношений с тюркоязычными государствами.

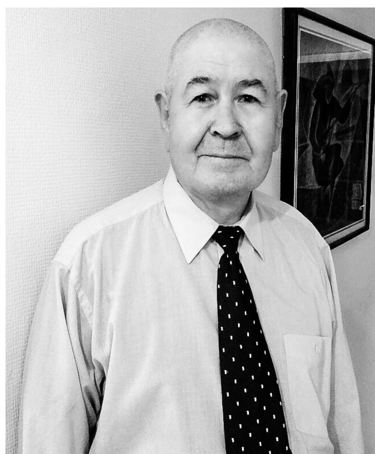
Новая книга Первого Президента — это взгляд Лидера нации на новейшую историю страны и будущее Казахстана. В книге раскрыта суть «казахстанской модели» развития, показана ее эволюция, основные принципы, механизмы и движущие силы. Большое место занимает рассмотрение трех волн модернизации Казахстана. Благодаря Первой и Второй модернизациям успешно решены задачи демонтажа тоталитарной системы и строительства рыночной экономики, досрочного вхождения в топ 50 конкурентоспособных стран мира. Третья модернизация в условиях новой глобальной реальности нацелена на обновление страны и ее продвижение в 30 процветающих государств.

Новая книга Нурсултана Назарбаева — важное событие для широкого круга читателей. Она обращена и к подрастающему поколению. Молодежь из первых уст узнает правдивую историю становления независимого казахского государства. А правда всегда являлась главной движущей силой истории, закладываемой сегодня нашим поколением под мудрым руководством Первого Президента Республики Казахстан.

Уалихан КАЛИЖАНОВ

Анварбек КУЛТАЕВ: Ногайцы и белорусы — дорогами литературной дружбы

Имя Анварбека КУЛТАЕВА хорошо известно читателям Дагестана. Член Союза писателей России, заслуженный деятель культуры Республики Дагестан, он возглавляет ногайскую секцию Союза писателей Дагестана. Автор более двадцати книг поэзии, прозы, тонкий лирик, одновременно внимательный к гражданским мотивам, многие свои произведения мастер художественного слова адресовал и юному читателю. С ногайским поэтом и состоялась наша беседа.

— Ногайская литература сегодня... Насколько она востребована? Много ли читателей у ногайских авторов?

— Начну издалека… Если говорить о национальной прозе, ее авторитете у читателя, то невозможно не заглянуть в предыдущие десятилетия, надо оглянуться и на весь прошедший двадцатый век. Из истории мы знаем, что как таковой прозы у ногайцев не было. Была лишь поэзия. А с приходом Советской власти появились газеты, журналы. Ногайский язык пришел на радио и потом на телевидение. Масс-медиа требовали новых жанров. Так появились первые публицистические очерки. Многие чуткие к художественному слову творческие люди занялись публицистикой. Рядом с очерками начали соседствовать рассказы. А потом уже — и повести, романы, прозаические произведения других жанров.

— Фактически, еще два-три года — и можно праздновать рождение современной ногайской литературы?..

— Можно и так сказать. По-настоящему национальная литература начала формироваться именно в 1920— 30-е годы. Да и письменность пришла к нашему народу с рождением Страны Советов. Это очевидно. Открылись школы — и дети начали изучать свой родной язык. Они начали учиться писать и читать на том языке, на котором говорили дома, который слышали от своих родителей, от своих дедушек и бабушек.

На страницах газет первые писатели публиковали свои стихотворения, рассказы, повести и другие художественные произведения. А потом появилось в Дагестане книжное издательство, где печатались первые буквари и учебные пособия. И этот процесс продолжается по сей день…

Много, очень много было сделано благодаря созданной педагогической, методической литературе. Сложности формирования национального самосознания, национального этноса у нас еще и с тем связаны, что ногайцы не проживают компактно. Мы — и на Северном Кавказе, и на юге Нижнего Поволжья, в Крыму. Были когда-то и в Северном Причерноморье, в степях между Волгой и Яиком (Уралом), на западе нынешнего Казахстана.

— Теперь ногайцев в Российской Федерации более 100 тысяч…

— По переписи 2010 года — 103,7 тысячи человек. Так что, по сегодняшнему мировосприятию нелегко поверить, что с Русским государством, Казанским ханством, с туркменами и казахами, с узбекскими ханствами граничило настоящее большое государство — Ногайская орда.

Первые буквари, первые учебники для ногайских детей создавали Абдулхамид Джанибеков — ученый-этнограф (он в 1928 году в Карачаево-Черкесии завершил работу над ногайским алфавитом на основе латиницы, а в 1938 году им была написана ногайская грамматика на основе кириллицы) и Муса Курманалиев (он и в создании букваря вместе с Абдулхамидом Джанибековым участвовал и в 1931 году в Пятигорске выпустил первый поэтический сборник на ногайском языке — «Песни детей»). По их книгам и сегодня изучают родной язык и литературу в ногайских школах.

— А что же проза?..

— В начале 1930-х годов начинает плодотворно работать писатель Басир Абдулин. В 1932 году он издает роман «Герой степи», в 1934-м — еще один роман, «Активист». Приблизительно в те же годы публикуются его первые пьесы «Батрак», «Когда побеждает труд» и другие произведения. А следом в ногайскую литературу пришли другие поэты и прозаики — Б. Аджигельдиев, К. Оразбаев, С. Рахмедов, Г. Аджигельдиев, которые создали удивительно колоритную панораму жизни ногайского народа. Детская литература тех лет связана с именем Мусы Курманалиева. Он же явился одним из первых переводчиков русской литературы. Мы и сегодня именно в его переводе читаем на ногайском языке поэтические сказки А. С. Пушкина, повесть «Дубровский», другие произведения классиков русской литературы.

— Кого из современных писателей вы бы все-таки выделили в ногайской литературе?

— Бийке Кулунчакову — замечательную поэтессу и очень интересного прозаика, динамичного драматурга, народного писателя Республики Дагестан, чью пьесу «Белая дочь степей» поставили на сценах детских театров Братска, Полтавы, Тулы, Нукуса, Железногорска, а еще в дагестанских государственных театрах — на лакском и русском языках. Мурата Авезова — поэта, который и нынче находится в гуще ногайской жизни, работает советником Администрации Ногайского района. Куруптурсуна Мамбетова — поэта, журналиста, многие стихотворения которого стали широко известными и популярными песнями. А еще — Магомеда Кожаева, Салимет Майлыбаеву и других. Значительный вклад в ногайскую литературу внесли рано ушедшие из жизни Кадрия Темирбулатова и Гамзат Аджигельдиев. Лирическая повесть «Насипли», написанная Аджигельдиевым всего лишь в 25 лет, является классическим произведением нашей национальной литературы.

— Поэзия, как бы мы ни говорили о значимости художественной прозы, ее влиянии на формирование полнокровной национальной литературы, значит тоже немало…

— Истоки — в фольклоре. У ногайцев фольклор богатый и разнообразный. В устном народном творчестве ногайцев представлены все жанры и виды: эпос, волшебно-фантастические, богатырские и бытовые сказки, сказки о животных, героические и лирические песни. В фольклоре — известная общненародная мечта о лучшей жизни, неистребимое желание избавиться от экономического и социального неравенства. Освободитель от всех бед, тревог показан в образе сына народа. Его вера в торжество справедливости является сквозным, главным мотивом устного народного творчества. И все это послужило для ногайских поэтов настоящим животворным родником для создания художественных произведений.

— И если оглядываться на поэтический багаж ногайской национальной литературы, то перед читателем, пожалуй, предстает настоящая картина исторического развития народа…

— Да, ногайская поэзия стала развиваться, набирать силу и высоту в эпоху Золотой Орды, Большой Ногайской Орды и Малой Ногайской Орды. Все, что происходило в этих территориальных образованиях — государствах — и за их пределами, ногайские поэты воспевали в своих сочинениях: стихах, поэмах, балладах. Темами их произведений стали и трагические, и славные стороны прошлой жизни народа. С горечью и печалью освещались в них боль родной земли, разделение и распад Орд на мелкие части и их исчезновение. Много внимания в трудах, исканиях ногайских поэтов уделялось сохранению и развитию культуры, языка, истории, обычаев и традиций.

Поэты и акыны обращались к образам легендарных личностей: героям народных сказок, песен — «Сорок ногайских богатырей», «Сын Айсылу Амет», «Шора батыр», «Эрболган», «Адильсолтан», «Азнавур», а также к конкретным личностям героических сынов и дочерей народа — полководцу Эдиге, ногайской царице Суиймбике и другим. Из прошлых веков мы, ногайцы, и сегодня помним поэтов: из XIV века — Кийиза Тиленшы улы, из XVI века — Досманбета Азавлы, XVII века — Казтувгана Суйиниша, XVIII века — Саркынбая Азавлы и многих других.

— Мы уже вели речь о том, что ногайцы живут в разных регионах России. И писатели тоже присутствуют в разных национальных, географических пространствах. Вы живете в Дагестане. Чем-то отличается ногайская литература в Дагестане от ногайской литературы других регионов?

— Думаю, что серьезных, принципиальных отличий нет. И у нас, и за пределами Дагестана процессы в главном схожи. Хотел бы заметить, что у нас, в Дагестане, ногайские писатели активно занимаются детской литературой.

— Знают ли о ногайской литературе художники слова из других национальных культур, читатели близких к вам народов?

— Наши произведения переводятся на русский язык, на языки народов Дагестана, языки других народов России и стран Содружества Независимых Государств. Я рад, что сегодня налаживаются неплохие отношения с белорусскими литераторами. Знаю, что ряд произведений из ногайской поэзии уже перевели и подготовили к печати лауреат Государственной премии Республики Беларусь Микола Метлицкий, поэты Виктор Шнип, Мария Кобец, Наум Гальперович, Татьяна Сивец, Валерия Радунь. Запланированы подборки современной ногайской поэзии в журналах «Полымя», «Маладосць», газете «Літаратура і мастацтва». И ногайские поэты внимательны к переводческой работе, к литературам других народов. Мы понимаем, что такая работа нас обогащает, выстраивает новые перспективы.

Мне почему-то хочется, чтобы на белорусском языке зазвучали поэмы и баллады Мусы Курманалиева «Тучи рассеялись», Куруптурсуна Оразбаева «Дорогое имя», Гамзата Аджигильдиева «Мачеха», Кадрии «Песня горя»…

Взаимопониманию и взаимопроникновению национальных миров, национальных художественных сознаний помогает и то, что сегодня многие молодые авторы пишут на двух языках — ногайском и русском. Думаю, что это неплохо. Двуязычие становится какой-то новой культурной нормой. Это не отнимает права оставаться глубоко национальным писателем. Как пример — творчество талантливого поэта Куруптурсуна Мамбетова, который пишет прекрасные, полные философского смысла и содержания четверостишия на русском и ногайском языках.

— А если что-то рассматривать с точки зрения наиболее актуальных проблем?..

— Мало еще у нас интересных авторов. Хотелось бы, чтобы писатели работали и с расчетом на внимание детских читателей. Мало у нас и пьес. Драматургия в литературе занимает особое место. Но и без пьес, без драматургических исканий весь мир народа, весь масштаб национального сознания не выскажешь. Традиционно у ногайцев детская поэзия на высоте, в более выгодном положении. Поэзия, адресованная детям, имеет глубокие корни, прочные традиции. Из поколения в поколение передавались и передаются сочиненные поэтами XIV—XVI веков песни травы, песни ветра, колыбельные песни. В поэзии отражались тема рождения и тема воспитания ребенка. Для детей на ногайском хорошо пишут и писали Муса Курманалиев, Мурат Авезов, Куруптурсун Мамбетов, Алибек Капланов, Магомед-Али Ханов и другие. Они являются и мастерами перевоплощения на ногайский язык творений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Чуковского, С. Маршака, Р. Гамзатова, Н. Юсупова, Ю. Базутаева и классиков других национальных литератур.

— И все-таки о проблемах…

— Первая и самая значимая из них — преподавание родной литературы в школе. Учебники устарели. В них весьма ограничен подбор художественного материала. Составители плохо знают свою национальную литературу, не следят за ее развитием. И поэтому издания почти не обновляются…

— Можно ли как-то изменить ситуацию?

— Надо вернуться к опыту близких вчерашних десятилетий. Нужны программы развития национальных литератур. Особенно — в части творчества, адресованного детям. Вот у нас есть такая книга для детей — «Ногайцы» М. Гимбатовой, где доходчиво, популярно изложена вся судьба ногайского народа. На ее страницах — история, культура, традиции нашего народа. Книга мгновенно разошлась. Теперь вот и у меня спрашивают родные, близкие люди: «Где достать?»

В школах районов с компактным проживанием ногайцев не хватает книг и учебников на ногайском языке. Особенно — в начальных классах.

Кстати, похожая ситуация и с другими национальными литературами, с другими народами в Дагестане. Потому и наше главное издательство в Махачкале издает сказки для детей на семи языках. Но вот есть и другие примеры. Тиражи моих книг для детей — всего лишь 300 экземпляров. Расходятся мгновенно. Звоню в разные ногайские школы. Ответ один: «Присылайте! Ждем!» А книг больше нет. Не единожды просил поменять тиражную политику. Говорят, что нет бумаги, — смысл всех ответов. А на мой взгляд — просто равнодушие какое-то проявляется. Знаю, что сообща и бумагу, и деньги нашли бы.

Надо открывать с помощью Министерства образования и науки Дагестана образовательное издательство — что-то вроде прежнего Дагучпедгиза. В свое время его открыли в трудное для всех время — в 1943 году. Война шла!.. Всем тяжело было. Но руководство страны мыслило по-другому: все понимали, что надо думать о завтрашнем дне, о гуманитарной составляющей образования, воспитания. И что — во времена полной демократии закрываем издательства?!. У нас же немало детских писателей.

— Кто из соседних народов, какая из других национальных литератур более всего близка к ногайским писателям, миру ногайского художественного слова?

— Если лично обо мне говорить, ближе всего к нам, ногайцам, тюркские народы, тюркские литературы — казахи, каракалпаки, кумыки, балкарцы, карачаевцы, татары, киргизы, азербайджанцы… Кстати, в нашем родном Дагестане живут кумыки, и мы с ними разговариваем на своих

языках — нам все понятно без перевода. Я сам в оригинале читаю книги балкарца Кайсына Кулиева, карачаевца Назира Хубиева, кумыков Анвара Аджиева, Шеитханум Алишевой, киргиза Чингиза Айтматова, татарина Габдуллы Тукая, каракалпака Ибрагима Ибрагимова и писателей других народов. Эти книги я приобрел во времена СССР. Да и кумыки читают наши книги. Я сам дарю кумыкам книги ногайцев, свои книги на родном языке. Они с удовольствием принимают такие подарки и — я это точно знаю — читают, делятся своими впечатлениями друг с другом. Между прочим, я слушаю все передачи кумыкского радио, читаю кумыкские газеты. Не могу не сказать, что в Золотой Орде все тюркские народы называли ногайцев «наш старший брат». И это ко многому обязывает даже через столетия. «Старший брат» должен быть и сегодня примером, даже через тысячелетие.

Еще несколько слов о близости художественного слова у разных народов. Года два тому назад я в Астрахани принял участие в форуме писателей и поэтов прикаспийских республик, прикаспийских государств. Были литераторы и из Казахстана, Туркменистана. Я познакомился с замечательным казахским поэтом и переводчиком Бекетом Карашиным. Узнав, что я ногаец, Бекет обрадовался нашему знакомству и подарил мне удивительную книгу «Дореволюционная поэзия казахских жырау». На ее страницах я нашел и наших классиков, которых называют «жырау»: речь о Шал-Кийиза, Досманбете Азавлы и других. Я спросил у нового знакомого, почему ногайцы в казахские классики попали. А Бекет очень тактично мне и отвечает: «Они общепризнанные тюркские классики». И, наверное, с этим нельзя не согласиться. И мне даже приятно. Великий ногаец Шал-Кийиз жил и творил еще в XIV веке. Но его помним не только мы, помнят великого «жырау» и казахи!.. Им за это огромное спасибо!

— Ногайская литературная классика… Находится ли она в поле зрения современного читателя у ваших современников?

— Конечно, наши современники внимательны к ногайским классикам. И мы, писатели, литературоведы, делаем все возможное, чтобы поддержать этот интерес. Отмечаем юбилеи классиков. Организовываем презентации книг, изданных к юбилеям. Пишем о классиках и классической литературе в общественно-политических, массовых изданиях. Выступаем по радио. Несколько лет назад Дагестанское книжное издательство выпустило книгу «Я князем песни был…». Замечательная и современная книга на русском и ногайском языках. В этот важный том вошли избранные произведения ногайских дореволюционных поэтов, живших с XV до начала XX века. С ногайского на русский все переводы осуществила наша поэтесса, переводчица Фарида Сидахметова. Переводы она постаралась максимально приблизить к оригиналам. Особенно эмоционально, на ура книгу приняла ногайская молодежь. Под одной обложкой — произведения Шал Кийиза Тиленши улы, Асана Кайгылы, Досманбета Азавлы, Казы-тувгана Суйиниша улы, Арслана Шабан улы, Ажи-Молла Ногмана улы и других. Их творчество изучается в университете, в школах — во всех регионах, где живут ногайцы. А в этом году мы отмечаем 130-летие Баймырзы Манапа улы, 160-летие Арслана Шабана улы, 160-летие Абдул-халыка Абдул-рашида улы и других классиков. И все эти даты станут событием большой значимости для всего ногайского народа. По каждой из дат — целая программа. И везде привлекаем молодежь.

И вот я опять возвращаюсь к теме детской литературы… Для ногайцев она мне представляется на удивление значимым направлением. Вот я тоже много времени отдал написанию, подготовке к изданию красочной книги сказок «Маленький джигит». Верю, что она поможет многим маленьким читателем полюбить ногайское слово. Знаю, что завершает повесть о своем

детстве поэт и прозаик Магомед Кожаев. Верю, что произведение будет интересным.

И хотя я много говорил о проблемах, все же радуюсь, что у нас один раз в два месяца выходит цветной детский журнал на ногайском языке — «Лашын». Знаю, что дети любят это издание. Замечательно, что сами дети становятся авторами этого журнала. И из юных авторов «Лашына» вырастают будущие ногайские писатели. Разве это не счастье?!

В ногайской литературе вы, Анварбек Култаев, — признанный лидер, признанный творческий авторитет. На ваш взгляд, какие мероприятия, если говорить официальным стилем, следует провести, осуществить как можно быстрее, чтобы расширилось пространство художественного слова?

— Я уже как-то говорил, что следует оглянуться назад, в советское время. Не сочтите меня консерватором. И не подумайте, что я не понимаю, что время не повернешь вспять. И все же, все же… Впрочем, если говорить конкретно, следует ввести обязательное изучение родного языка начиная с детских яслей и садов. Надо заняться обучением на ногайском языке в школах, ВУЗах. Мы сегодня вспоминали учебно-педагогическое издательство… Восстановив его, учитывая еще и возможности существующего Дагестанского книжного издательства, следует каждый год издавать книги на 14 государственных языках народов Дагестана. В ВУЗах и школах надо ввести государственные экзамены по родному языку. Следует издавать побольше переводных книг — как дагестанских писателей на языках других национальностей, так и российских и зарубежных писателей.

Потерялись где-то наши некогда авторитетные Дни литературы и искусства Дагестана как внутри России, так и за рубежом. Мы говорим постоянно об этом, а движения пока что нет никакого. А сколько раз при Расуле Гамзатове мы ездили в другие республики — и не сосчитать.

— Приезжайте в Беларусь. Вас и коллеги примут, и государственные институты широко двери откроют. И читатели на ваши встречи придут.

— Будем рады. Белорусов любят… И приедем. Дагестанские писатели всегда умели и умеют дружить.

— Что сегодня знают ногайцы о белорусской литературе?

— Сказать, что ничего, — значит, ничего не сказать. Это было бы неправильно. Дети, молодежь в школе и ВУЗах изучают иностранную литературу. В библиотеках из советского времени осталось много книг белорусских авторов на русском языке, которые издавались в Москве — и в «Советском писателе», и в «Художественной литературе», и в «Детской литературе», «Молодой гвардии» и в других издательствах. Но их уже, разумеется, нет в книжных магазинах.

В советские годы на ногайском радио я вел регулярную передачу «Дружба народов — дружба литератур». Старался показать всю палитру национальных литератур. И Российской Федерации, и других советских республик. Читал в эфире стихотворения в переводе на ногайский и русских, и украинских, и, разумеется, белорусских поэтов. За свой переводческий труд получал гонорары. Я был, пожалуй, самым активным переводчиком, в том числе и произведений белорусской поэзии на ногайский язык. А сейчас… Сейчас надо восстанавливать этот и другие похожие проекты. Активно работало в советское время Бюро пропаганды художественной литературы. Каждый месяц за организацию встреч я получал в кассе этого бюро 100 рублей. Считай, зарплату. И конечно же, ездил по ногайским селам и читал на встречах произведения писателей разных народов. Сейчас Бюро тоже есть, вот только базар и деньги закончились. В прежние времена я перевел на ногайский язык стихотворения Янки Купалы, Петруся Бровки, Аркадия Кулешова и других поэтов.

Давайте сообща проведем Форум писателей России и стран Содружества Независимых Государств и поставим все эти вопросы ребром. Надо, чтобы и политики, руководители стран все это осмыслили и подставили нам свое плечо. Задумайтесь, дорогие чиновники: зачем-то все это делалось! Делалось прежде всего для того, чтобы народы друг друга знали, чтобы понимали друг друга.

— Одним словом, вы считаете, что и ногайским мастерам слова следует вернуться к переводу на родной язык и Янки Купалы, и Якуба Коласа, и Максима Богдановича, и других классиков?

— Я считаю эту творческую работу логичной и благородной. И крайне необходимой на фоне всех сегодняшних политических и социальных перемен. Но переведем мы, а где печатать?! Кто издаст переводную книгу?! Опять искать меценатов, опять по кругу с шапкой деньги собирать?! Во всех издательствах следует создавать отделы, редакции художественного перевода. Чтобы и издатели, и писатели знали — кого собираются перевести, кто работает над переводами. Надо консолидировать силы в этом направлении, молодежь творческую вовлекать в эти процессы. И конечно же, заинтересованность развивать. Мое мнение такое — каждый народ должен знать классиков литературы других народов. Хотя бы — соседних, близких… Дружба сильной из ничего не становится.

— Попадает ли на ваш рабочий стол, в поле вашего творческого зрения белорусская литературная периодика, попадает ли просто информация о белорусской литературе, современном литературном процессе в Беларуси?

— Нет. Не помню, чтобы за последние лет двадцать в свои знания о белорусской литературе я добавил бы новые имена, новые произведения. А так хотелось бы! Но мы ведь без русского языка не понимаем друг друга! Если по-русски где-то кого-то не напечатают из писателей других народов — я и знать ничего не знаю. Из Москвы получаем «Литературную газету», «Литературную Россию» — они и являются для нас главными источниками информации. Знакомства с «толстыми» московскими литературными журналами происходят от случая к случаю. Нет у нас и книжных магазинов, что были в советское время. Даже в Махачкале убрали почему-то магазин «Книги»…

Но завершить наш разговор я хотел бы стихотворением. Его посвящаю памяти Янки Купалы и Петруся Бровки. Стихотворение называется «Друзьям».

Нет ничего
    Друзей дороже —
Я этой дружбою
    Горжусь.
Ведь наша дружба
    Так похожа
На ослепительный
    Эльбрус!

— Вот и закончился наш разговор. Спасибо вам, дорогой Анвар-бек! Спасибо за откровенность, за интерес к Беларуси!

— И мне было интересно вести диалог как будто со всей Беларусью! Верю, что сообща мы сможем реализовать многие творческие проекты. И сил, и взаимопонимания у нас для этого достаточно!

Беседовал Кирилл ЛАДУТЬКО.
Махачкала—Минск.

Надежда УСОВА

Колас и Бируля: судьбоносная встреча

«*Чья воля, каких-то случайностей или Господа Бога, что Бялыницкий-Бируля, так давно покинувший родину, давно оторванный от национальной орбиты, не растворился для нас в просторах России и вернулся к нам. Бируля — наш национальный гений. Художник и шире — духовный гений»*[1], — написал автор книги о Бируле писатель Виктор Карамазов.

И действительно, чья воля? Уж точно не случайностей, хотя и их было немало. В 1940 году автор книги об искусстве Советской Белоруссии искусствовед Николай Машковцев упомянул Витольда Каэтановича Бялыницкого-Бирулю (1872—1957) в сносках среди многих живописцев, родившихся на белорусских землях[2], и не смог назвать ни одного его белорусского пейзажа. А через четыре года живописец стал первым, кто получил почетное звание Народного художника БССР. Это не могло стать случайностью. Что же произошло за эти предвоенные и военные годы?

Вряд ли кому-нибудь известно, что классиком белорусской пейзажной живописи Бируля стал с легкой руки трех людей — Елены Аладовой, Пантелеймона Пономаренко и Якуба Коласа. Без Аладовой, «разглядевшей» в Бируле белорусского пейзажиста, не возникла бы сама идея переезда художника на родину; без приглашения первого секретаря ЦК ВКПБ Пантелеймона Пономаренко Бирули в Минск в 1947 году не были бы написаны десятки белорусских пейзажей живописца, без Якуба Коласа, выдвинувшего идею о создании именного музея в рамках Академии наук, не было бы музеев художника в Беларуси. Конечно, не только эти три знаковые фигуры причастны к грядущей славе Бялыницкого-Бирули. Без помощи вдовы художника Елены Алексеевны Бялыницкой-Бирули, передавшей музею обстановку дачи художника «Чайка» в Тверской области и сотни картин, мало что бы случилось, без кропотливой работы преемника Елены Аладовой на посту директора музея Юрия Карачуна, его заместителя Ирины Паньшиной, автора каталога картин Бирули Елены Ресиной не было бы музея в Могилеве в таком виде, в котором он проработал тридцать лет.

В архиве Национального художественного музея Республики Беларусь и личном архиве семьи художников Бархатковых сохранилось несколько малоизвестных документов, касающихся встречи в Минске этих двух выдающихся личностей — народного поэта Беларуси Якуба Коласа и народного художника БССР Витольда Каэтановича Бялыницкого-Бирули. Документы эти использовал при написании своей книги о Бируле «Поўня ў небе і крыж на зямлі» белорусский писатель Виктор Карамазов.

Бируля, родившийся в Беларуси, со смертью матери и переездом отца в Пятигорск к старшему сыну Александру, с 1898 года не жил на родине, прочно обосновавшись в Москве, где женился на своей сокурснице по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества художнице Ольге Сувиловой (1870—1920). Удачная женитьба на Ольге, богатой наследнице крупного суконного фабриканта Сувилова, на фабриках которого работало более тысячи человек, решила финансовые трудности молодого художника, до этого жившего на материальную помощь от старшего брата, инженера-путейца. Пара поселилась в центре Москвы в одном из двухэтажных особняков тестя, большая часть которого сдавалась внаем. В Москве в 1902 году родилась дочь Люба, в 1912 году в Тверской губернии была построена «Чайка» — любимая дача художника на озере Удомля.

«В Чайке мне до боли хорошо», — писал художник дочери в 1920-е годы. Он настолько любил это место, не желая покидать дачу над озером, что, кажется, из-за этого не воспользовался возможностью эмиграции семей белорусских католиков в Польшу после подписания Рижского договора 1921 года. В Варшаву переехала

большая часть его семьи — два брата и сестра, и ближайший друг-сокурсник художник Станислав Жуковский.

«Бируля обрусел», — напишут о нем позже польские исследователи.

И все же на родине о нем всегда помнили, особенно после его успехов на международных выставках в Германии и Испании. В 1913 году руководители музея при Виленской общественной библиотеке попросили у Общества имени А. Куинджи картину Витольда Бялыницкого-Бирули «Осеннее солнце» и выразили благодарность за предоставленную картину[3].

Так, уже в 1913 году первая картина Бирули попала на родину, в Вильно — столицу Северо-Западного края. Непосредственно в Минск картины Бирули в числе восьмидесяти девяти разных произведений передвижников поступили в 1925 году уже в Советскую Белоруссию — в Белорусский государственный музей — из Музейного фонда Москвы.

На этюдах в Беларуси. 1947 г.

Но уже в 1939—1941 годах были переданы в открывшуюся Государственную картинную галерею из других музеев или приобретены одиннадцать его картин, в числе которых «Ранняя весна», «Весна», «Ай-Петри», «Начало весны», работы из серии «Ленинские горки». И все же Бируля, давно живший в России, воспринимался в Минске земляком в числе многих русских художников с белорусскими корнями.

Все изменилось в конце 1943 года в Москве, где произошло личное знакомство Бирули с Первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймоном Пономаренко и белорусскими деятелями культуры, в том числе Еленой Аладовой, сотрудницей довоенной Государственной картинной галереи, вызванной из эвакуации в Саратове для организации выставки, посвященной 25-летию образования БССР. Тогда многие белорусские художники работали в Москве при Центральном штабе партизанского движения[4]. К участию в выставке привлекли и Бирулю.

Аладова была очарована его пейзажами, хорошо знала их по довоенной коллекции Государственной картинной галереи, разграбленной фашистами в 1941 году. Кроме того, в разговорах выяснилось, что они дальние родственники, имеют общих предков по линии своих матерей — Чарноцких. Первой из белорусов Аладова проникновенно написала о Бируле как белорусском художнике в 1944 году в своей статье в журнале «Беларусь», посвященной этой выставке[5]: «…Его пейзажи полны поэтической красоты. В. К. Бялыницкий-Бируля вырос в Беларуси. Белорусская природа наделила художника мягкостью, лирикой и тем своеобразным колоритом, которым характеризуются все работы этого художника, и таким характерным для белорусского пейзажа. Экспонированные на выставке пейзажи Бялыницкого-Бирули, чрезвычайно тонкие по технике исполнения и глубине лирического настроения, кажутся частью белорусской природы».

Именно Елена Васильевна первой почувствовала в пейзажах, созданных в средней полосе России, большую живописную культуру, и главное — тот врожденный и неистребимый «ген белорусскости», который выделял его среди других русских живописцев школы передвижников и который уже гораздо позже Народный художник Беларуси Владимир Стельмашонок назвал «чудом Бирули».

Именно тогда, в 1944 году, у руководства страны и возникло желание вернуть Бирулю на родину — и в прямом (предложить ему переселение в Минск), и в переносном смысле, — объявить его «пионером белорусского советского пейзажа». Бялыницкий-Бируля срочно был введен в список кандидатов на звание первых Народных художников Беларуси.

За полгода до этого 16 июля 1943 года было учреждено это почетное звание, которое могло присуждаться художникам советских республик[6]. 7 января 1944 года

звание Народного художника БССР было присвоено одновременно трем мастерам — молодому еще скульптору Заиру Азгуру, председателю Союза художников БССР Александру Грубе и пейзажисту Витольду Бялыницкому-Бируле[7].

Так неожиданно для себя Бируля стал первым народным художником-живописцем БССР, что автоматически делало его «живым классиком» белорусской живописи. Фактически он оказался необходимым, был выбран, «призван» белорусской интеллигенцией, признавшей его «своим», несмотря на его оторванность от родины. И Бируля с благодарностью и всей ответственностью принял это почетное звание.

В следующем году началась планомерная закупка картин Бирули для восстановленной в Минске Картинной галереи. В 1945 году было закуплено у автора десять полотен, написанных в военное время, на сумму более ста тысяч рублей[8].

7 марта 1947 года В. К. Бялыницкий-Бируля был избран почетным академиком Академии наук БССР. 5 апреля белорусские писатели Якуб Колас, Михась Лыньков, Кондрат Крапива, Петрусь Бровка подписали приветственный адрес в честь его 75-летия. Художник понимал, что звание академика и народного художника БССР было дано ему, что называется, авансом, и дал обещание приехать в Беларусь и написать ее современные пейзажи. Это случилось только весной 1947 года.

«Мне всегда казалось, что я в долгу перед Беларусью. Меня всегда беспокоила мысль, что я мало написал о ней, и поэтому сейчас, когда я вновь в родном краю, я стараюсь хоть немного наверстать упущенное», — писал Бялыницкий-Бируля в 1947 году.

Он прибыл в Минск с женой, художницей Еленой Алексеевной (1887—1979), и своим учеником белорусом Антоном Бархатковым[9] по личному приглашению первого секретаря ЦК КПБ Пантелеймона Пономаренко.

Ему выделили для временного пребывания в Минске Белую дачу в деревне Курасовщина, что в семи километрах от Минска, после войны недолго бывшую ближней правительственной резиденцией. Дом стоял в старинном парке и был пригодным для жизни на фоне всеобщей разрухи. Пантелеймон Пономаренко на время визита предоставил гостям свой служебный автомобиль. Антон Бархатков, студент Московского училища живописи им. 1905 года, сопровождавший мастера, оставил воспоминания и несколько фотографий из этой поездки, которые стали бесценным документальным материалом о посещении художником Минска[10].

«Сначала мы расположились у Комсомольского озера — но там ему не понравилось. Тогда позвонили опять в Управление, и ему предложили Белую дачу на Курасовщине. Там стоял двухэтажный домик деревенский, а вокруг сад. ...И там была хозяйка, которая обед варила нам — обеды, ужины и завтраки. И вот утром рано мы всегда выезжали на природу. Машина была открытая. Витольд Каэтанович выбирал сам места — где понравится, он машину останавливал, и мы... Часто он останавливался где-нибудь посредине деревни, где красивые были домишки или церковь белорусская... Но с ним рядом садиться нельзя было — он любил замыкаться и чтоб никто ему не мешал...» — вспоминал Антон Бархатков.

Бялыницкий-Бируля провел на Белой даче май и часть июня, откладывая несколько раз отъезд, и написал за сорок три дня около тридцати этюдов, объединенных в серию *«Минские окрестности»*. Он понимал, что от него ждут не только этюдов, но и крупной картины-пейзажа на военную тематику. О сюжете для этой картины художник постоянно думал.

Он встречался со многими белорусскими художниками и партийными деятелями — Виталием Цвирко, Иваном Ахремчиком, управляющим отделом искусств Управления по делам культуры Совнаркома Павлом Люторовичем, секретарем ЦК ВКПБ Тимофеем Горбуновым. *«Эти дружеские посещения столь много вселили в меня радости, веры в то, что я еще нужен моей родине!»* — писал в своих воспоминаниях Бируля[11].

Тогда же состоялась встреча с Народным поэтом Беларуси, вице-президентом Академии наук Якубом Коласом в его доме у Академии наук. Судя по воспоминаниям Бирули, визит был спонтанным: кто-то из перечисленных выше гостей позвонил Коласу, предупредили его, и поехали. Но Антон Бархатков вспоминает иное: в субботу Бируле позвонил Ахремчик и сказал, что на завтра запланирован визит к поэту. По

опубликованному дневнику писателя можно установить точную дату их встречи — воскресенье, 25 мая 1947 года.

«Витольд Каэтанович говорил: «Как же мы поедем, если мы ничего не читали? Давай-ка заедем в магазин да купим книжку, да что-нибудь немножко почитаем, стихи, а потом уже...» И мы заехали в магазин и купили книжку на белорусском языке «Новая зямля». И зубрили мы ее, целый вечер смотрели. Это назавтра нам надо было. Так что мы поехали к Якубу Коласу уже более-менее подготовленные. Но сперва мы заехали к Ахремчику и там ждали, пока Ахремчик соберется в другой комнате...»

С женой Еленой Алексеевной. Минск. Белая дача. 1947 г.

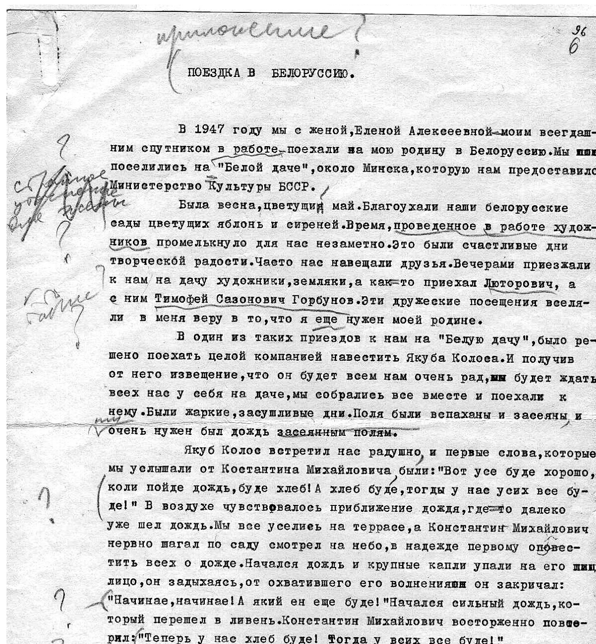
Бялыницкий-Бируля пишет, что встреча проходила на «даче» Коласа, хотя это был его деревянный дом за полуразрушенным зданием Академии наук, выбранный сыном Данилой для жилья семьи Коласа в 1944 году. Немудрено, что Бируля воспринял деревянный дом Коласа как дачу: место это после войны было глухое. После войны к дому подходили зимой лисы из Парка Челюскинцев и выли голодные волки.

Об этой встрече известно много: она зафиксирована и в дневниках Коласа[12], и в воспоминаниях художника Антона Бархаткова, и самого Бялыницкого-Бирули[13].

«Там, конечно, на вечере был Данила — сын, якая-то старушка-ухажер (домработница. — *Н. У.*). А на улице сидели, пока стол готовили, погода была хорошая, была сделана около крыльца большая круглая клумба примерно так три-четыре метра на четыре. И засеяна рожь была. А Якуб Колас выходил все время и смотрел на эту рожь — она уже была в цветении. Он все время интересовался, смотрел на небо. Мы спрашивали: «Константин Михайлович, почему вы так волнуетесь?» Так он ответил: «Если у меня будет хороший урожай, значит, и моя страна Белоруссия будет с хлебом». А потом мы сели за стол — эта вся компания. Там было все приготовлено как следует — долго сидели...»

Встреча представлена, как видим, стереоскопично. Известно множество ее подробностей: и какая погода стояла в эти дни (жара и засуха в преддверии грозы)[14], и кто отправился за четой Бирулей на Белую дачу (сын Данила), и на какой машине[15], что встреча длилась до рассвета, и кто именно там присутствовал, и какой в Курасовщине при возвращении на Белую дачу произошел инцидент с пленными немцами, вытаскивавшими машину с гостями из грязи[16]. Не знаем только одного — о чем именно говорили Колас и Бируля в течение почти пяти часов. Об этом источники упорно молчат. Даже Антон Бархатков, носивший с собой фотоаппарат, почему-то упустил возможность сделать ценные снимки двух «народных»: поэта и художника.

Во время встречи с Якубом Коласом, вероятно, и было озвучено партийными чиновниками — Люторовичем и Горбуновым — предложение художнику белорусских властей, исходящее от Якуба Коласа, переехать в Минск со всем творческим наследием и с последующим созданием в столице персонального музея Бялыницкого-Бирули при Академии наук, подобно Музею Янки Купалы, постановление о котором было принято в 1944 году. Колас проявил здесь государственное мышление и удивительное предвидение. Отзвуки этого разговора улавливаются в последних абзацах воспоминаний Бирули об отъезде в Москву, который переносился несколько раз: «...*Кто-то из провожавших в Москву художников — И. Ахремчик, Б. Малкин, А. Кроль, В. Цвирко, М. Белыницкий — сказал: «...А ведь пора Вам насовсем в родны кут! А не разъезжать тудой да сюдой... Услышав эти слова, я почувствовал в них*

ПОЕЗДКА В БЕЛОРУССИЮ.

В 1947 году мы с женой,Еленой Алексеевной-моим всегдашним спутником в работе-поехали на мою родину в Белоруссию.Мы поселились на "Белой даче",около Минска,которую нам предоставило Министерство Культуры БССР.

Была весна,цветущий май.Благоухали наши белорусские сады цветущих яблонь и сиреней.Время,проведенное в работе художников промелькнуло для нас незаметно.Это были счастливые дни творческой радости.Часто нас навещали друзья.Вечерами приезжали к нам на дачу художники,земляки,а как-то приехал Люторович, а с ним Тимофей Сазонович Горбунов.Эти дружеские посещения вселяли в меня веру в то,что я еще нужен моей родине.

В один из таких приездов к нам на "Белую дачу",было решено поехать целой компанией навестить Якуба Колоса.И получив от него извещение,что он будет всем нам очень рад, будет ждать всех нас у себя на даче,мы собрались все вместе и поехали к нему.Были жаркие,засушливые дни.Поля были вспаханы и засеяны и очень нужен был дождь засеянным полям.

Якуб Колос встретил нас радушно и первые слова,которые мы услышали от Костантина Михайловича были:"Вот усе буде хорошо, коли пойде дождь,буде хлеб! А хлеб буде,тогды у нас усих все буде!" В воздухе чувствовалось приближение дождя,где-то далеко уже шел дождь.Мы все уселись на террасе,а Константин Михайлович нервно шагал по саду смотрел на небо,в надежде первому оповестить всех о дожде.Начался дождь и крупные капли упали на его лицо,он задыхаясь,от охватившего его волнения он закричал: "Начинае,начинае! А який ен еще буде!"Начался сильный дождь,который перешел в ливень.Константин Михайлович восторженно повторил:"Теперь у нас хлеб буде! Тогда у всих все буде!"

Из воспоминаний о встрече с Я. Коласом.

искреннюю правду, горло мне сдавили слезы»[17].

Еще определенней эта мысль выразилась в памятной записке бывшего директора Государственной картинной галереи Елены Васильевны Аладовой в конце 1983 года: «*В 1950-е годы Якуб Колас активно содействовал действительному члену Академии художеств СССР В. К. Бируле в деле его переселения в Белоруссию. Народный художник БССР был избран и почетным членом Академии наук БССР, где тогда возникла мысль о создании в Минске мемориального музея замечательного певца белорусской земли. Но смерти писателя в 1956, а затем и художника в 1957 году надолго закрыли этот вопрос*»[18].

Пожилой художник заинтересовался этим предложением, так как не мог не думать о судьбе своего огромного наследия: на даче «Чайка» в Тверской области хранилось около пяти сотен его произведений. В Москве после уплотнения он имел неудобные три комнаты — без естественного света, без ванной комнаты — в большой перенаселенной другими жильцами квартире[19]. Перспектива иметь собственный музей на родине, поддержанная советскими партийными властями, его и его жену, очевидно, привлекала. Художник запланировал провести лето 1948 года в Беларуси. Бируля принял участие в выставке, посвященной 30-летию образования БССР в марте 1948 года.

На этой выставке появилась его картина *«Вновь расцвела весна» («По следам разбитого врага»*), которая поступила в Третьяковскую галерею. *«Мою картину «Вновь расцвела весна» («По следам разбитого врага») я увидел в натуре, хотя она написана на основании этюдов. Это было весной, я проезжал по Слуцкому шоссе. На краю у обрыва дороги, близ цветущих яблонь лежал подбитый танк; вдали расстилались наши белорусские поля. Конечно, знание родной природы помогло мне создать ее пейзажный образ. Но мотив целиком списан с натуры*», — писал художник в книге «Из творческого опыта»[20]. Интересно, что одна из записей в дневнике Коласа от 8 июня 1947 года почти полностью совпадает с описанием картины Бирули «Вновь зацвела весна» (1947): «*…Многих знакомых мест просто не узнаю… Леса, прилегающие к шоссе, сплошь вырублены. Вдоль дороги валяются остовы разбитых танков, машин, множество разнообразного железного лома. Все это зарастает травой. Уходит в землю…*»[21]

Подобное совпадение еще раз доказывает общность их художественного восприятия действительности.

Почему такое внимание было проявлено в 1940-е годы именно к Бируле? Советское белорусское искусство нуждалось в своем «живом классике» — признанном авторитетном мастере белорусского происхождения, в новом имени основоположника белорусской советской живописи. Бируля идеально подходил для этого: уроженец Могилевской губернии, заслуженный передвижник, реалист-пейзажист, которого ценили и о котором положительно отзывались Левитан и Репин, орденоносец, участник международных выставок, создатель жанра советского мемориального пейзажа, он был обласкан советскими властями: его работы находились в музеях имени Ленина, Пушкина, Толстого, Третьяковской галерее, многих областных музеях России.

Он стал своего рода «козырным тузом» в идеологической борьбе 1940-х годов за национальное белорусское искусство. Московские искусствоведы Осип Бескин и Николай Машковцев в своих довоенных исследованиях советского искусства начинали историю искусств БССР с трех имен мастеров — выпускников Петербургской академии художеств, работавших и живших непосредственно в белорусских городах — Витебске и Минске, — Ю. Пэна, Я. Кругера и Л. Альперовича, которых называли «пионерами белорусской живописи».

В условиях борьбы с космополитизмом кампании 1947—1948 годов это было недопустимо: ощущалась потребность в национальных предшественниках белорусского искусства XIX века. В январе 1948 года, выступая на совещании деятелей советской музыки в ЦК КПСС, член Политбюро А. А. Жданов говорил: «*Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает… потерять свое лицо, стать безродным космополитом*».

Было, думается, и еще одно немаловажное обстоятельство. Накануне в мае-июне 1946 года в журнале «Беларусь» вышла статья искусствоведа А. А. Усса «Да вытокаў беларускага выяўленчага мастацтва», вызвавшая широкий общественный резонанс. Антон Усс (1894—1980), выпускник 2-го Московского государственного университета и аспирантуры Института красной профессуры, близкий друг Якуба Коласа еще с 1930-х годов, а с декабря 1944 года — сотрудник Института языка и литературы Академии наук БССР, в своей публикации настаивал, что мастера, родившиеся в Беларуси в XVIII—XIX веках, но жившие за ее пределами, также должны войти в историю искусств Беларуси[22]. «*...Белорусский народ задолго до появления в Беларуси Пэна, Кругера и Альперовича имел свое изобразительное искусство и своих художников, таких как Ангилейко, братья Вощанки, Зарянко, Горавский, Силиванович, Альхимович...*»[23] — писал Усс в объяснительной записке Президиуму Академии наук в 1948 году.

Статья Усса вызвала резкую критику со стороны консультанта управления пропаганды и агитации ЦК КП(б) Белоруссии Михаила Кацера, обвинившего А. А. Усса в белорусском национализме, игнорировании классового подхода к истории искусства, преувеличении роли старого искусства в деле создания нового советского искусства, отсутствии тесной связи белорусского искусства с русским. 1 октября 1946 года под председательством самого П. Пономаренко собирается бюро ЦК КП(б) Белоруссии, на котором рассматривается вопрос о журнале и его редакторе Илье Гурском. Номера журналов изымаются из библиотек.

Статьи с резкой критикой позиции Антона Усса позже были опубликованы в «Звяздзе» и «Советской Белоруссии».

Косвенно эти обвинения затронули и вице-президента Академии наук Я. Коласа: ведь именно он помог бывшему репрессированному профессору А. Уссу выбраться из Перми, где тот находился в ссылке, и стать сотрудником Академии наук БССР. В начале 1948 года в газете «Літаратура і мастацтва» появилась критическая статья в адрес Павла Лютаровича с обвинениями в игнорировании белорусских пьес молодых авторов, выделении больших средств на постановку западных классиков. Потребовалась поддержка Бирули как авторитетного человека извне: тем более что Бируля в 1947 году стал членом Академии художеств СССР, Народным художником РСФСР.

2 апреля 1948 года по приглашению председателя Союза художников И. Ахремчика он приехал на Второй съезд Союза художников БССР, был избран его почетным председателем. Обстановка в столице Беларуси была зловещей и напряженной: в январе 1948 года в Минске погиб председатель Еврейского антивоенного комитета Соломон Михоэлс, о его внезапной смерти ходили разные слухи.

В этой тревожной атмосфере на съезде был организован диспут о национальных белорусских художниках. Бируля в своем выступлении, опубликованном в газете «Літаратура і мастацтва», фактически поддержал точку зрения А. Усса. Он подверг критике тех искусствоведов, «которые утверждают, что Беларусь на карте искусства была белым пятном и страной, еще не открытой искусством», и официально заявил о себе как о белорусском художнике[24]. Бируля назвал имена предшественников — Никодим Силиванович, Аполлинарий Горавский, Сергей Зарянко: «...Нельзя допустить, чтобы, создавая историю белорусского искусства, проходили мимо этих наших

С женой Еленой Алексеевной и белорусскими художниками И. О. Ахремчиком, В. К. Цвирко, М З. Беленицким, А. С. Бархатковым, А. И. Кролем. Минск, 1947 г.

соотечественников», — писал он в своей статье в газете «Літаратура і мастацтва»[25].

Авторитет Бирули смягчил ситуацию, хотя и не спас от идеологической опалы профессора А. А. Усса, который по совету Коласа вынужден был покинуть Академию наук БССР и в 1948 году перевестись на работу в Вильнюс.

Бялыницкий-Бируля тогда посетил мастерские многих художников, познакомился с их творчеством, договорился о новой поездке летом 1948 года.

В июне 1948 года, когда к отъезду в Минск все было готово, неожиданная смерть дочери Любы, утонувшей в озере Удомля на даче «Чайка», нарушила все планы и привела в конце 1948 года к тяжелой болезни художника — инсульту. Белорусские власти направили художнику денежную помощь — оплату за приобретенную в 1949 году картину Бялыницкого «По следам фашистских варваров» (1942). Стало понятно, что переехать навсегда в Минск старого художника убедить уже не удастся (он не захотел менять привычное местожительство на склоне лет, покидать могилу дочери).

Начал тяжело болеть и Якуб Колас. По его собственным записям, за последние десять лет он перенес двадцать шесть случаев воспаления легких. Бируля в начале 1950-х вновь начал работать над пейзажами здоровой правой рукой, с помощью родных мог выйти на крыльцо своей любимой «Чайки».

В 1952 году в Москве персональной выставкой в здании Академии художеств СССР отмечалось 60-летие творческой деятельности и 80-летие В. К. Бялыницкого-Бирули. На этой выставке экспонировались многие пейзажи, написанные в Беларуси. Белорусские художники направили ему приветственный адрес, в котором поздравляли «своего старшего товарища и заботливого наставника» со славным юбилеем. Как Народный художник БССР Бируля рассчитывал провести в 1952 году к своему 80-летию и юбилейную выставку в Минске. В ее организации он надеялся уже не на Пономаренко, переведенного на работу в Москву, а на помощь своего земляка из Богушевска, ставшего первым заместителем председателя Совета министров БССР Петра Абрасимова. Но при жизни Бирули выставка ни к его 80-летию в 1952 году, ни к 85-летию в 1957 году в Минске так и не открылась. Первая выставка Бялыницкого-Бирули в Беларуси была организована к 90-летию со дня рождения художника в 1962 году, в новом здании Государственного художественного музея БССР, на основе музейных собраний и частных коллекций.

Почему ослаб интерес к Бялыницкому-Бируле? Изменилась ситуация: П. К. Пономаренко с 1952 года работал уже в Москве министром заготовок СССР, Аладова — главный двигатель этой инициативы — была занята строительством нового здания музея. В августе 1956 года скоропостижно скончался Якуб Колас. Бируля направил в Президиум Академии наук БССР соболезнование, назвав Коласа «пламенным патриотом своей родной Белоруссии»[26]. Идея создания персонального академического музея в Минске из-за болезни художника и смерти Коласа утратила свою актуальность, но не была оставлена Еленой Аладовой.

После смерти Бирули в июне 1957 года право на наследие художника заявила Беларусь: в 1959 году в Государственный художественный музей БССР была приобретена у вдовы, переехавшей в Минск, значительная коллекция — почти 300 произведений Бялыницкого-Бирули. Появилась реальная основа для воплощения идеи Якуба Коласа — создания музея. Сначала на родине художника, который и был открыт к 100-летию Бирули в местечке Белыничи Могилевской области в 1972 году. Но Аладова хотела большего — планировала создание музея в Минске в Доме масонов. «*Как место Матейко в Кракове, так и Бялыницкому-Бируле место должно быть только в Минске*, *где обеспечивают работу по изучению, исследованию, выявлению и дальнейшему собиранию произведений основоположника белорусской советской живописи*, — считала она. — *Творчество его представляет законную гордость белорусского народа*»[27].

«*Сегодня кажется странным тот факт, что многие тогдашние работники культуры и представители художественной интеллигенции относились скептически и даже с недоверием к тому, что такой музей нам, белорусам, необходим. На то были свои веские причины, в том числе и та, что имя художника, его богатейшее творческое наследие мало было известно на Беларуси. Мне неоднократно приходилось выслушивать иронические реплики и замечания по поводу создания именного музея, как и вообще по поводу творчества самого Витольда Каэтановича…*» — вспоминает первый заведующий могилевским филиалом Василий Сайко[28].

Но сделать музей Бялыницкого-Бирули в Минске Аладовой так и не удалось: в 1977 году она по болезни ушла на пенсию. Новое руководство страны переиграло ее план. Под музей художника, ставший филиалом Государственного художественного музея БССР, отдали особняк XVII века в Могилеве, к которому он не имел никакого отношения (впрочем, как и к Дому масонов в Минске).

Елена Васильевна не увидела и плодов своих 30-летних усилий: по состоянию здоровья она не смогла приехать на открытие музея в Могилев в декабре 1982 года и порадоваться осуществлению своего замысла, хотя и не в полной мере. Даже после открытия музея в Могилеве она *«очень печалилась, что этот музей находится не в Минске, и мечтала, чтобы он оказался в столице, где мог бы стать… музеем мирового значения»* и считала проблему музея Бирули нерешенной: «*В настоящее время, вероятно, возможно было бы осуществить* ***идею Якуба Коласа*** *и переместить мемориальный музей из Могилева в Минск с передачей Обществу по охране памятников Дома масонов. С размещением в этом доме творческого наследия нашего классика белорусская столица получила бы первоклассный музей, который привлечет к себе не только специалистов и любителей искусства всей нашей страны, но и зарубежных искусствоведов и туристов»*, — писала она в конце 1983 года в памятной записке властям.

Тем не менее музей В. К. Бялыницкого-Бирули на протяжении тридцати лет был важным культурным центром Могилева: в нем демонстрировалось около 100 произведений художника, о нем узнали сотни тысяч белорусов. В октябре этого года обновленный музей после капитального ремонта вновь откроет свои двери посетителям.

Но единственным сохранившимся мемориальным местом пребывания художника в Беларуси остается Белая дача в Минске, на которой к 150-летию со дня рождения художника нужно установить мемориальную доску.

Возможно, следующим поколениям музейщиков удастся осуществить несбывшуюся мечту Елены Васильевны Аладовой.

В мае 2018 года ООО «Сильвер Капитал» приобрело Белую дачу с идеей вернуть ее первоначальный архитектурный облик и создать в ней культурно-просветительский центр для выставок и других тематических мероприятий. «Вряд ли Белая дача будет зарабатывать деньги… Красивой легенды у этого здания нет, да и расположено оно далеко не в центре города»[29], — считают инвесторы. Судьба Бирули может стать такой впечатляющей легендой. В комнатах Белой дачи можно разместить в качестве долговременной выставки те самые 20 послевоенных пейзажей Курасовщины и Сенницы 1947 года из коллекции Национального художественного музея Республики Беларусь.

Сейчас имя Бялыницкого-Бирули широко известно в Беларуси, он является любимейшим пейзажистом белорусов. Выходят книги, фильмы и альбомы о его

творчестве, выпускаются марки с его картинами, организуются художественные пленэры. Народный художник Беларуси Владимир Стельмашонок (1928—2013) метко заметил, что Бируле удалось «живописно сформулировать белорусский пейзаж». Он воспринимается истинно национальным мастером, несмотря на эпизодичность проживания в Беларуси.

Немалая заслуга здесь — в предвидении, усилиях белорусской национальной интеллигенции, сумевшей убедить руководство страны в необходимости возвращения Бялыницкого-Бирули (и реального, и символического) на родину, и прежде всего — Народного поэта Беларуси Якуба Коласа и легендарного директора ГХМ БССР Елены Васильевны Аладовой.

Комментарии

[1] Карамазаў, В. Тры мацерыкі Бялыніцкага-Бірулі. // Бялыніцкі сшытак. Вып. 1 — Магілёў, 2003. С. 50.

[2] Машковцев, Н. Изобразительное искусство Белоруссии // Искусство Советской Белоруссии. Сборник. Государственное издательство «Искусство». Москва, Ленинград. 1940. С. 91.

[3] РГАЛИ. Ф. 791. инв. 1, сигн. 36, с. 399—407, 1913 г.

[4] Карамазаў, В. Крыж на зямлі і поўня ў небе: эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі: [для старэйшага школьнага ўзросту] / Віктар Карамазаў. Мінск, 1991.

[5] Аладава, А. Мастакі ў дні Айчыннай вайны. Елена Аладова. // Музей — ее судьба. Воспоминания, документы, исследования. Авторы-составители — Б. Крепак, В. Прокопцов, Н. Усова. Минск, «Мастацкая літаратура», 2006. С. 94.

[6] В 1940 году были утверждены и Сталинские премии. Несколько раз с 1944 года Витольд Каэтанович был рекомендован на получение Сталинской премии за серии мемориальных пейзажей памятных мест, но не получил ни одной.

[7] Интересно, что Валентин Волков, автор белорусского герба, был удостоен этого звания только в 1955 году. В 1944 году он находился в оккупированном Минске.

[8] «Зазеленела трава», 1940, «Голубой весной», 1942, «Тихая светлая ночь», 1942, «Сумерки юного мая», 1943, «Обнаженные березки», 1943, «Ясные дни сентября», 1943, «Калужница зацвела», 1940—1944, «Лесная речка зимой», 1940—1944, «Деревенька», 1940—1944, «Цветущие деревья», 1949—1944.

[9] Бирулю вызвался сопровождать художник Михаил Ромадин, но что-то не сложилось, и Бялыницкий-Бируля пригласил в компаньоны студента Московского художественного института им. В. Сурикова Антона Бархаткова, с которым подружился в Москве.

[10] Карамазаў, В. Антон. Мінск, Про Хрісто, 2006.

[11] Бялыницкий-Бируля В. К. Воспоминания о посещении Белоруссии. Архив НХМ РБ. Ф. 3 оп. 12. Д. 32. л. 12. Рукопись.

[12] Колас, Якуб. Собрание сочинений. Т. 20. Минск, «Беларуская навука». 2012. С. 319—320.

[13] Архив НХМ РБ. Ф.3. Оп. 12. Д. 32. Л. 2. 2 об. Воспоминания В. К. Бялыницкого-Бирули о поездке в Белоруссию.1947—1948 гг.

[14] Вот дневниковая запись Якуба Коласа от 25 мая 1947 года: «Утро было тихое, пасмурное. Днем дул ветер. И дождевой, кажется, ветер, а дождя нет. Трава сохнет. Ничего не растет. Лежал в гамаке. Клонило ко сну. Даже немного подремал. Хмурится, но ветер свежий. Ждать дождя нечего. Слишком сухие земля и воздух. Данила поехал в город. Еще не вернулся. Жду Бирулю-Бялыницкого. И вот все же дождь пошел на заходе солнца, и дождь хороший. Сидели на веранде. Познакомился с выдающимся художником-земляком Витольдом Каэтановичем Бирулем-Бялыницким. Данила отвозил его и загрузил машину. Приехали часов в четыре утра. 26 мая. Чувствовал себя после позднего вечера неважно. Недоспал…»

[15] Автомобиль «Опель-Адам» был подарен Коласу П. К. Пономаренко в 1945 году.

[16] В книге «Антон» о жизни Антона Бархаткова, изданной Виктором Карамазовым в 2007 году, сохранились воспоминания об обстоятельствах возвращения Бирули в машине

сына Коласа Данилы на Белую дачу. Машина застряла в Курасовщине в грязи, и Данила организовал через советского офицера нескольких пленных немцев для ее «освобождения». Но пленные бойкотировали работу, толкали машину в разные стороны, и заметивший это разъяренный Антон позволил себе рукоприкладство. Бируля тогда, наверное, впервые видел пленных врагов так близко, но ни словом в воспоминаниях не обмолвился об инциденте. Зато память Антона Бархаткова сохранила все в мельчайших подробностях: «Витольд Каэтанович, я и Елена Алексеева пошли на Белую дачу пешком. Это надо было идти километра три. Пока мы шли, то у нас не оказалось подметок на ботинках. И утром рано мы сели на машину и поехали на Червенский рынок, и Витольд Каэтанович всем закупил обувь». Воспоминания художника Антона Бархаткова. // Личный архив И. Бархаткова, Минск.

[17] Бялыницкий-Бируля. Воспоминания о посещении Белоруссии. Архив НХМ РБ. Ф. 3 оп. 12. Д. 32. С. 3 (11) В. К. Рукопись. Машинопись.

[18] Памятная записка Е. В. Аладовой. Воспоминания, документы, исследования. Авторы составители: Б. Крепак, В. Прокопцов, Н. Усова. Минск, «Мастацкая літаратура», 2006. С. 86—87.

[19] РГАЛИ. Ф. ф. 2318 оп. 1 ед. хр. 21, 26. Письма В. К. Бялыницкого-Бирули Председателю Президиума Верховного Совета СССР с просьбой о предоставлении квартиры в г. Москва. 1951 — март 1957.

[20] Александр Михайлович Герасимов, Витольд Каэтанович Бялыницкий-Бируля. Из творческого опыта. Вып. IV. Москва. «Советский художник», 1958. С. 54.

[21] Мушынскі, М. І. Летапіс жыцця і творчасці Якуба Коласа. Мінск, «Беларуская навука», 2012. С. 773.

[22] Чернатов, В. Забытые имена. Искусствовед Антон Усс. // Музей XX1 стагоддзя: актуальныя праблемы дзейнасці. Навукова-практычная канферэнцыя, прысвечаная 65-годдзю з дня заснавання Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь. Мінск, «Белпрынт», 2008. С. 102.

[23] Гарон, А, Скалабан, В. История одной дружбы в письмах и документах. // «Нёман», 2007, № 11. С. 144.

[24] В архиве НХМ РБ сохранилась кем-то отредактированная машинопись его речи, готовившаяся, вероятно, за некоторое время до съезда. Ф. 3. оп. 12. Д.

[25] Бялыніцкі-Біруля, В. К. Традыцыі і папярэднікі беларускага выяўленчага мастацтва. «Літаратура і мастацтва», № 33 (680) ад 14 жніўня 1948. С. 3.

[26] РГАЛИ. Ф. 2318 оп. 1 ед. хр. 24. Письма В. К. Бялыницкого-Бирули в Президиум Академии Наук Белорусской ССР с соболезнованием по случаю смерти Я. Коласа. Варианты. 2 л.

[27] Памятная записка. // Елена Аладова. Музей — ее судьба. Воспоминания, документы, исследования. Авторы-составители — Б. Крепак, В. Прокопцов, Н. Усова. Мн., «Мастацкая літаратура», 2006. С.87.

[28] Сайко, В. След на земле могилевской. Елена Аладова. Музей — ее судьба. Воспоминания, документы, исследования. Авторы-составители — Б. Крепак, В. Прокопцов, Н. Усова. Мн., «Мастацкая літаратура», 2006. С 203.

[29] Интернет-ресурс: https://realty.tut.by/news/building/595305.html Шаршунов С. «Зарабатывать она не может». Как будет выглядеть «Белая дача» после реставрации и что там откроют. Режим доступа: 6.06.2018.

Выражаю сердечную благодарность за ценные консультации директору Государственного Литературно-мемориального музея Якуба Коласа З. Н. Комаровской, главному хранителю Е. С. Баевой, потомкам поэта — М. К. Мицкевичу, В. Д. Мицкевич и художнику И. А. Бархаткову — за предоставленные воспоминания его отца Антона Бархаткова.

Автор

Авторы номера

АФАНАСЬЕВА Елена (Воробей Елена Николаевна). Родилась в Минске. Окончила Минский лингвистический университет и аспирантуру при АН БССР. Преподаватель иностранных языков, переводчик. Автор обучающих программ для детей по иностранным языкам. Печаталась в журнале «Нёман». Живет в Минске.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 г. в д. Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в Солигорске.

АНДРЕЕВ Анатолий Николаевич. Родился в 1958 г. в г. Североуральск Свердловской области (Россия). Окончил Белорусский государственный университет. Литературовед, культуролог, философ. Доктор филологических наук, профессор. Автор монографий «Целостный анализ литературного произведения», «Культурология», «Психика и сознание: два языка культуры» и др., а также романов, повестей, рассказов, пьес. Живет в Минске.

КУЦ Виктор Константинович. Родился в 1940 г. в д. Рыбаки Щучинского района Гродненской области. Окончил Гродненский химико-технологический техникум. Автор ряда поэтических сборников. Живет в Гродно.

СПРИНЧАН Бронислав Петрович. Родился в 1928 г. в с. Каниж Новомиргородского района Кировоградской области (Украина). Окончил Кировоградский техникум сельскохозяйственного машиностроения, Литературный институт им А. М. Горького, Минскую Высшую партийную школу. Автор многих сборников поэзии. Награжден медалью, почетной грамотой Президиума Верховного Совета БССР. Умер в 2008 г. в Минске.

ШЕКЕРОВ Бекбулат. Родился в 1975 г. в Кустанайской области (Казахстан). Окончил Кустанайский государственный университет им. А. Байтурсынова и Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова. Искусствовед, писатель, кинодраматург, сценарист, сопредседатель экспертного совета киностудии «Казахфильм» им. Ш. Айманова. Публиковался в периодических изданиях разных стран. Живет в г. Алматы (Казахстан).

ЩЕРБАКОВ Юрий Николаевич. Родился в 1956 г. в Астрахани (Россия). Окончил Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства. Автор более сорока книг публицистики, прозы, стихотворений, переводов. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Живет в г. Астрахань (Россия).

АР-СЕРГИ Вячеслав (Сергеев Вячеслав Васильевич). Родился в 1962 г. в д. Новая Казмаска Завьяловского района Удмуртии. Окончил филологический факультет Удмуртского государственного университета, Высшие литературные курсы Московского Литературного института им. А. М. Горького. Автор книг «Вечерние голоса», «Считай, считай, кукушечка...», «Ястребенок», «На этом берегу», «Сквозь очищающий огонь» и др. Народный писатель Удмуртской Республики. Живет в г. Ижевск Удмуртской Республики.

АРТЕМЬЕВА Римма Альбертовна. Родилась в 1960 г. Имеет два высших образования по специальностям биолог и дефектолог. Автор поэтических книг «Странница», «Прикосновения», «Ритмы тишины», сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас...». Одна из авторов антологии «Независимый Казахстан: Антология современной литературы». Заместитель председателя Совета по русской литературе Союза писателей Казахстана. Живет в Алматы (Казахстан).

БОНДАРЕНКО Олег Ярославович. Родился в 1960 г. в г. Черновцы (Украина). Окончил Донецкий государственный университет. Автор свыше десятка книг. Исполнительный директор Ассоциации книгоиздателей и книгораспространителей Кыргызстана. Живет в г. Бишкек (Кыргызстан).

ПИСКАРЕВА Татьяна Вячеславовна. Родилась в Москве. Окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Публиковалась в журнале «Москва», «Литературной газете», поэтическом интернет-альманахе «45-я параллель», ежегодном литературном альманахе «Казахстан—Россия 2016» и др. Живет в Москве.

МОСКВИТИН Сергей Владимирович. Родился в 1967 г. в г. Дальнереченск Приморского края. Окончил Казанский авиационный институт. Автор 20 книг, среди которых сборники поэзии «Восемь весен», «Полнолуние», «Леди Осень», художественно-публицистическая книга «Встречи на Ленской земле» и др.

НОСКОВ Андрей Александрович. Родился в 1958 г. в г. Владивосток (Россия). Окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Автор сборников поэзии «Ночная радуга», «Берега моей души», «Дом окнами на Чукотку», «Стихи на краю земли», «Свет жизни», «Загородные прогулки». Председатель Чукотского регионального отделения Союза писателей России. Живет в г. Анадырь (Чукотский автономный округ).